

Эдуард Захрабеков

ТРИНАДЦАТЫЙ

Союз писателей
Петербурга

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
З 38

Захрабеков Э.З.

З 38 Тринадцатый. — СПб.: Союз писателей Петербурга, 2026. — 252 с.: 10 цв. ил.
ISBN 978-5-4311-0351-3

Главный герой, из интеллигентной семьи Новосибирска, скучает по матери, уехавшей из семьи. После смерти отца и бабушки герой, архитектор, начинает чувствовать бессмысленность своей карьеры и жизни, бросает всё и уезжает на поиски себя и своего места в жизни. После короткого, но взрывного романа оказывается вовлечён в череду необычных и мистических событий. Через цепь испытаний и встреч с прошлым герой осознаёт своё предназначение, спасает любимую женщину и достигает внутреннего прозрения.

16+

© Захрабеков Э.З., текст, 2026
© Матвеева Е., иллюстрации, 2026
© Издательство ООО «Союз писателей
Петербурга», оформление, 2026

ISBN 978-5-4311-0351-3

От Автора:

Дорогой Читатель,

Ты держишь в руках книгу о поиске — о тех вечных дорогах, которые каждый из нас выбирает или от которых бежит. Это роман о непокорности судьбе, о товарных поездах памяти, тянущихся сквозь города, страны, мифы и культуры, о любви, которая бывает у потерянных, и о тоске, что рождается там, где исчезает опора.

Не бойся ни жертв, ни посвящений, ни неправильных имён. Какой бы случай ни выбрал тебя — твоё место всегда там, где ты можешь и вспоминать, и начинать заново.

Пусть у каждого из нас будет свой путь, который в конце оборачивается только началом.

Глава 1

Моё рождение стало ожидаемым событием 1978 года. Оно было запланировано давно, даже и не за девять месяцев до моего появления на свет, а очень давно. Какими-то моими прародителями, или Господом Богом. Как кому угодно думать. По крайней мере, мне именно так всегда представлялось: моё рождение не бессмысленные хитросплетения половых контактов и судеб моих предков, а именно просчитанное, выверенное действие, приведшее к моему появлению на свет в феврале 1978 года в одном из роддомов Новосибирска. Моей матери очень хотелось, чтобы я огласил вселенную своим плачем в марте. Это бы было отличное начало — родиться в первый весенний месяц, в ярких лучах удлиняющегося светового дня, когда за окном проседают сугробы и дятел долбит берёзу совсем по-особому, по-весеннему. Именно по этим соображениям моя мать очень аккуратно себя вела: постоянно лежала и поглаживала свой круглый живот, вероятно, уговаривая меня потерпеть с рождением до календарной весны. Но я поторопился и родился в феврале.

Мои родители ждали меня, но, как оказалось, были совершенно не готовы к этому испытанию. Сказалась разница в возрасте и отношении к жизни. Моему отцу было уже пятьдесят, а матери едва исполнилось двадцать. Первым встал вопрос с моим именем. Когда мать ходила беременной мною, они с отцом решили назвать мальчика Иваном, а девочку Мартой. Но когда

я появился на свет, мой отец наотрез отказался называть меня выбранным именем. Несколько недель мать звала меня Ванечкой, а отец сердился на неё и закрывался в библиотеке. В конце концов одним утром он вышел из комнаты и огорошил мать сообщением, что отныне меня будут звать «никаким не Иванушкой-дурачком, а Нестором». Мать молчала, переваривая непонятное имя, но потом посчитала его благозвучным и согласилась. Но у неё было своё условие: фамилия отца была Колокольчиков, а мать носила непонятную, загадочную фамилию Ге, поэтому настояла на своей фамилии. Ведь Нестор Колокольчиков и Нестор Ге — это разные люди: над Нестором Колокольчиковым можно смеяться, Нестор Ге выглядит строго и не позволяет издевательств на свой счёт. Таким образом, путём непростого компромисса и соглашений с собственной гордостью, шепчущей про род и фамилию, меня назвали Нестором Ге.

Я родился в интеллигентной семье, гордой своими непреложными правилами и благородным предназначением её членов. Женщины в семье Колокольчиковых не работали, но были хорошо образованны и тихи, они занимались домом и семьёй. Мужчины же в нескольких поколениях занимались механизмами и строительством, а мой отец был физиком. Лишь только моя мать была «не от мира сего». Одно прощало её в глазах семьи: она была москвичкой и хорошего происхождения. Хотя сама она была не так уж и хороша. Именно так считали все женщины в нашей семье. Мне неизвестно, что думали на этот счёт мужчины, но подозреваю, что им было всё равно. Мало кого из них интересовал выбор моего отца, поскольку он был уже очень состоявшимся человеком, умеющим

говорить своё веское слово. Отец прожил большую часть жизни со своей матерью, а в сорок восемь лет встретил мою мать и влюбился. Бабка была в недоумении: как может солидный человек, имеющий должность в научно-исследовательском институте, учёные труды и устоявшийся образ жизни, вдруг предать всё и увлечься какой-то девчонкой? Но отец был настойчив, да, признаться, и невеста была хороша. Она не походила на горожанку — она приехала в Сибирь и выгодно отличалась от всех местных девушек, белолицых и румяных, как сувенирные матрёшки из магазина «Берёзка», смуглой кожей. Она была хиппи. Её руки с яркими, как новогодние конфетти, пластмассовыми браслетами, длинная юбка и распущенные волосы в сочетании со свободными речами и откровенными взглядами сделали своё дело — профессор влюбился без оглядки. Илья Сергеевич и Варвара познакомились на студенческом капустнике. Несмотря на то, что отец никогда не работал на историческом факультете, а мама училась именно на нём, волею судьбы встреча всё-таки состоялась.

Варя тонким звонким голосом под тихие переборы гитары пела Окуджаву и незнакомую английскую песню, популярную среди молодёжи, — “Hotel California”. Как знать, правда ли она это хорошо делала, но все студенты были в восторге. Среди них был и профессор со смешной фамилией Колокольчиков. Поэтому, когда Eagles получали свою «Грэмми», в семье моих родителей появился на свет я.

После рождения я сразу переехал к бабушке. Мой отец был постоянно занят работой, а мать впала в послеродовую депрессию. Они часто ссорились, отец ночевал в институте, а мать тусила со студентами. Несколько

раз бабушка и отец забирали её из отделения милиции — злую, пахнущую алкоголем и табаком. Мать была не согласна с миром взрослых, а ещё больше не могла принять, что сама она взрослая и должна отвечать за свои поступки и выполнять обязанности. Смеющаяся простоволосая девочка, звенящая браслетами, жила в её душе до конца жизни. А вскоре Варвара и вовсе пропала. Она бросила нас с отцом, институт и уехала в Таллин. Там была настоящая жизнь — власти терпимо относились к хиппи, разрешили их музыку, проводился рок-фестиваль, был театр, и даже любительское кино позволили снимать, и можно было не прятать свои убеждения. Последний и единственный раз, когда я видел свою мать, случился на похоронах отца. Она приехала, такая красивая и добрая, привезла мне конфеты и дорогой коньяк, улыбнулась мягкой невиноватой улыбкой и исчезла. Была или приснилась мне? Теперь уже трудно сказать. Мне тогда было восемнадцать, и жизнь сияла для меня яркими красками. Образ матери всегда существовал в моём сознании — яркий, звонкий, но очень далёкий и чужой. Впрочем, зла на неё я никогда не держал — бабушка сумела воспитать меня незлобивым и жизнерадостным. Хотя была ли в этом заслуга бабушки? Может, материна душа досталась мне, она заставляла меня радоваться жизни, даже если поводов для радости не было?

Семидесятилетняя бабушка стала мне матерью. Она любила и горевала, воспитывала и прощала. Я никогда не считал бабушку доброй, но она всегда была полезной и готовой закрыть собою своего сына и внука. В детстве она водила меня на прогулку по паркам Академгородка, записала в художественную школу, настояла на частных занятиях иностранным языком (по странному её

вкусу это был испанский — бабушка любила быть оригинальной, а английский я мог учить и в школе). Тем не менее стоит признаться, что испанский я не любил и знания мои оставляли желать лучшего. По выходным бабушка отправляла меня на экскурсию по городу или же в планетарий. Простые развлечения, например зоопарк или кино, в нашем доме не поощрялись, равно как и занятия спортом. Бабушка считала красивое мужское тело необязательным, главное — красивый ум. Отец за это на неё сердился и невнятно бормотал что-то себе под нос про собственную загубленную личную жизнь. Бабушка только смеялась — она не принимала косвенных обвинений на свой счёт, по её мнению, отец прожил достойную жизнь, сделал впечатляющую карьеру и был достаточно обеспечен. Илья Сергеевич Колокольчиков и правда был успешным учёным. Он возглавлял закрытую научно-исследовательскую лабораторию в своём институте. Про свою работу он никогда не говорил, но я догадывался, что это было что-то важное. Когда я был совсем мал, он часто читал мне стишок:

Расскажу я вам, дружочки,
Как выращивать грибочки:
Нужно в поле утром рано
Сдвинуть два куска урана.

Я считал стих детским и как-то рассказал его под ёлкой Деду Морозу в районном ДК. Дед Мороз долго смеялся и сказал, чтобы я этот стих больше никому не рассказывал. Кто же мог знать, что отец мне так поведал о своей работе, а я выболтал?

О моей матери бабушка почти никогда не вспоминала, будто той не было в жизни её сына и внука. Отец

же, напротив, часто говорил мне про Варвару, показывал фотографии и крутил на новом германском магнитофоне записи её голоса и обрывки песен под гитару. Он верил, что однажды пропажа найдётся, но этого при его жизни не случилось. Отца не стало в 1996 году. В этот же год я познакомился с собственной матерью. Ну, «познакомился» — пожалуй, слишком. Так — увиделся.

После смерти отца я остался с одной бабушкой, ей было девяносто, но она была весьма жива и деятельна для своего возраста. Были и другие родственники, помогавшие нам выжить. Бабушка после смерти отца прожила ещё пять лет, она поставила перед собой задачу помочь мне окончить университет и поддержать в руках мой красный диплом. И эта цель была с успехом реализована.

Со смертью бабушки в доме стало тихо и пусто. Я продолжал жить по привычке, так, если бы она меня видела и контролировала. Мои мысли уже были очень далеко. Я задумал побег, но его осуществление постоянно откладывалось. Причина этого была очень проста — я не знал, куда бежать.

Учёба в университете дала мне многое. В школе я не отличался особым усердием, хорошие оценки мне помогали получать авторитет отца и недремлющий контроль бабушки. В университете же всё стало по-другому. Я сумел поступить на архитектурное отделение и специализировался в крайне узком направлении — реставрации. Такой мой выбор вызвал удивление в семье, но я был счастлив. Именно в университете я проникся любовью к истории и артефактам, ну а страсти к строительству и архитектуре мне досталось от предков. Учился я с большой охотой, а каждое лето проводил волонтером на каких-нибудь раскопках.

Вначале это были разные районы Новосибирской области, потом — Нижний Новгород, а после смерти отца я два месяца пробыл в Крыму. Древности в моей душе перевешивали архитектурные фантазии. Мне нравилось с замиранием сердца рассматривать содержимое очередного пласта. Я лежал на животе и рассматривал неправильную мозаику, неочевидную непросвещённому. Предположения и предвкушения бродили в голове. Я улыбался, счастливо растягивая уголки губ в довольную улыбку. В эти моменты я сам себе напоминал кота над миской сметаны. Мои сотоварищи с пониманием смотрели на меня, мы были одной командой и идентичные страсти терзали нас. Бабушке не нравилось моё увлечение археологией. Она видела меня главным архитектором города, в строгом костюме и с чертежами в художавшей руке. Вместо этого я возвращался в город загорелым мустангом, с грязью под ногтями на пальцах лопатообразной руки. Встречные девушки оборачивались мне вслед, а бабушка негодовала по поводу плебейского вида.

Смерть бабушки на какое-то время приглушила археологические страсти, я осел в городе. И стал искать работу. Фамилия отца и красный диплом открывали передо мной многие двери, но я этим возможностям был совсем не рад. Мне хотелось быть собой, отдельной единицей, которую никто ни с кем не сравнивает и ценит только лишь за вклад в дело, а не за известную фамилию. Короче, юношеский максимализм к двадцати трём годам ещё не покинул меня. Вооружившись собственными представлениями о себе самом, я отказался от массы выгодных мест и отправился проектировать небоскрёбы. Они в тот 2002 год стали быстро прогрессировать в городской застройке, загораясь

восход и закат солнца и уничтожая зелёные уголки. Город быстрыми темпами урбанизировался.

Удивительное дело, но подрядные организации не спрашивали меня: «А вы сын того самого?» При этом они не указывали пальцем вверх, будто намекая на «ядерные грибы». Ничего удивительного, ведь застройщики были не из местных и им нужен был только специалист, способный профессионально чертить и масштабировать. Вопросы подхалимажа их ничуть не интересовали. Их интересовали только деньги, это-то и сгубило мою архитектурную карьеру. Получив работу по специальности, я воодушевился и начал творить. Долго изучал съёмку местности, высчитывал, вычерчивал, готовя не только удобное жильё для людей, но ещё и красивое, с изюминкой. Мне не нравились похожие друг на друга конструкции, чертить дома-близнецы противоречило моему чувству прекрасного, я проектировал почти шедевры, достойные крупного сибирского города.

Но мой творческий порыв никто не оценил. Представитель застройщика достал из тоненькой папки типовой проект и помахал им перед моим носом: «Нам надо вот это. Тебе нужно просто профессионально всё отмасштабировать и вычертить, поработаешь немного с придомовой территорией, там обязательно должно найтись и место для подземных гаражей, и для парковки. Кстати, для детской площадки тоже должно быть место. Небольшой участок. Вот там можешь проявить свой вкус и свою фантазию. Мы всё равно её строить не будем, а для дольщиков всё должно быть красиво и удобно. Так что приступай!» Цинично, но практично. Именно эти слова я проговаривал про себя, чтобы не забыться и не начертить ещё какой-нибудь дури.

Именно этим делом — вычерчиванием в программе шаблонных многоэтажек с фейковыми детскими площадками и коммерческими местами для парковки — я занимался три года. Проектировка очень нравилась компаниям, приносила доход, и моя зарплата тоже росла. Я был почти доволен. Пока в день своего двадцатилетия не обнаружил себя в весьма унылом состоянии духа в полном одиночестве среди шаркающей тишины самого дорогого ресторана города. Ресторан находился на седьмом этаже одной типовой многоэтажки, правда, спроектированной не мною, а ещё каким-то болваном с архитектурным образованием, который, так же как и я, смирился с шаблонной застройкой, продавшись за кусок хлеба с красной икрой. Я ждал застройщика новой площадки, через полгода должно было начаться строительство, и я начинал работу над новым типовым чертежом. Застройщик не спешил, поэтому у меня появилось время, чтобы поразмыслить над собственными терзаниями. В моей жизни всё было солидно: хорошая прибыльная работа, семейное гнездо моих предков (большая квартира отца и бабушки в Академгородке) и девушка Оля, на которой я собирался жениться в скором времени. С недавнего времени я стал постоянно думать о том, что моя жизнь такая же типовая, как и многоэтажки, с которыми я имею дело каждый день. Перенос понятий становился для меня очевидным с каждым мгновением, я ловил себя на мысли, что это со мной уже было в прошлом месяце и двумя-тремя месяцами ранее. Моя жизнь стала тяготить и мучить, я мог прочертить её на многие годы вперёд, мог сказать, какого цвета будет кусок неба над моей головой, как будет пахнуть утро каждого нового дня, как будет целовать Оля, встречая после работы. Я сжал в кулак

крахмальную салфетку с витиеватой литерой «Ц». Не об этом мне мечталось в 1996 году. Но именно тем человеком в хорошем костюме с чертежами в художавой руке, о котором грезилась моя правильная бабушка, я стал. А мне хотелось быть диким мустангом, обожжённым солнцем, с археологическим совком и мягкой синтетической кисточкой в лопатообразной руке. Мне хотелось приносить радость и радоваться самому. Какой смысл в типовом небоскрёбе, если он сер и похож на такой же по соседству? Вклад в развитие цивилизации был нужным, но не гениальным. Мне не грозила известность Шухова или слава Гауди, никакой аэропорт мира не назовёт меня новым Мин Юй Пейем, и даже многоэтажки Райта были мне недоступны. Бессмысленность бытия, помноженная на юношеское честолюбие, схватила меня за горло и трясла как грушу. Новый проект совсем не радовал.

Застройщик не спешил. Я обвёл взглядом ресторанный зал, оценил спрятанные углы в мягкой драпировке занавесей, белые стулья на изысканно гнутых ножках, блеск начищенных ножей и стёкол винных бокалов. Я был знаком с местным дизайнером и от души посочувствовал ему — типовой ресторан с типовым интерьером. Бедняга, вероятно, очень страдал, потому что я на его месте точно бы изводил себя мрачными мыслями.

Я упёрся взглядом в собственное отражение на зеркальной стене. Я нравился себе мустангом, но сейчас точно им не был. Дорогой костюм и тесный воротничок не подтягивали начавший провисать живот, а бёдра стали похожи на женские. Я посмотрел на свою ладонь: толстые пальцы и аккуратно закруглённые ногти. Жизнь ласкала меня: досыта кормила, одевала,

укладывала спать с красивой молодой женщиной, подарила машину и квартиру в хорошем районе и — никаких забот. Образ существования превращал мустанга в домашнего бычка: хорошая трава и вода, чистое стойло и выгул. Достоинно, но не феерично. С детства я был склонен к полноте, как и мой отец, но в юношеском возрасте материнские гены изменили меня. Я вытянулся, похудел, нос заострился, а глаза стали блестять, как у гончей, почуявшей зайца, археологические вылазки укрепили мои мышцы и сформировали вполне мужской торс и узкие бёдра. В юности я гордился собой, и девушки наперебой желали за мной ухаживать и доставлять мужские радости, сейчас я остался таким же популярным, но женщин уже привлекало другое — солидность и надёжность, устойчивое материальное положение и отсутствие дурных привычек.

Я подумал, что некоторые молодые люди в двадцать шесть живут как студенты и ловят птицу-удачу, — значит, и мне ещё не поздно.

Заказчик опоздал на пятнадцать минут, долго извинялся. Мы разлили коньяк, я принял солидный конверт и типовой проект. Работодатель долго объяснял, что бы ему хотелось увидеть в будущем проекте. Потом я выслушал про подземные гаражи и парковку, про детскую площадку и дороговизну земли в центре. Мы остались довольны друг другом, моё лицо даже улыбалось. К моменту финального рукопожатия я уже знал, как жить дальше.

Вещи укладывать долго не пришлось. Я взял рюкзак и небольшую дорожную сумку, минимум одежды, мольберт, карандаши, планшет и художественные принадлежности. Карточку, машину и квартиру я оставил Оле. Должна же она была как-то жить в моё отсутствие.

Признаться, меня бы и совсем не беспокоило, если бы она пропала из моей жизни. Не то чтобы я её совсем не любил. Но ведь прошлая жизнь должна остаться в прошлом, а Оля была частью прошлого. Прощальное письмо было коротким: «Прости. Если вернусь когда-нибудь, не обижусь, что ждёшь меня». Оставался проект. Было как-то неприятно оставлять работу несделанной, тем более что она была оплачена. Но совесть удалось усыпить простым решением. Посидев полчаса за компьютером, я выдержнул один из готовых типовых проектов и отпечатал его. Всё было чисто и красиво. Поставив крючок подписи под каждым листом, я запаковал проект в новый чистый конверт, надписал адрес конторы застройщика. Конверт я оставил Оле с просьбой отослать его через месяц. Оля была ответственной девушкой — я не сомневался, что она выполнит мою просьбу.

В аэропорту Толмачёво солнце выглянуло из-за лазоревых февральских туч.

Я почувствовал копыта мустанга, ветер и запахи в ноздрах, мурашки вдоль позвоночника пробежали быстро, будто грива растрепалась. Меня не волновало, куда я отправлюсь и как всё сложится. Готовность к любому исходу бодрила лучше зимнего мороза. Странствия и открытия поглотили меня.

Глава 2

Февраль в Беларуси был тёплым — таким тёплым в Новосибирске мог быть только апрель. Я поменял время года и страну. Странное дело — пять часов, и ты уже в другой жизни.

Сидя в Толмачёво, я с трудом мог сообразить, куда мне можно отправиться. Нет, я не растерялся, не потерялся, не решил вернуться назад. Просто необдуманый поступок требовал всё-таки остановиться и подумать. В кармане были кое-какие деньги, и мне был подвластен любой каприз, разве что за граница требовала оформления документов, а перемещаться внутри страны и государств СНГ я мог беспрепятственно. Я думал о Китае, Таиланде и даже Монголии. Туда ведь не нужна виза. Я представлял себе, как сойду с трапа самолёта в новой стране, проснусь в незнакомой гостинице, увижу за окном непривычный пейзаж. И жизнь приобретёт привкус авантюры, сравнимой разве что с изменением внешности.

Задумчиво я рассматривал табло рейсов и пытался названиями городов вызвать в своей душе трепет, который бы мне помог определиться. Но душа молчала, я всё время отвлекался на объявления и телевизор, бубнящий новости: «Заха Хадид, ирако-британская архитектор и дизайнер арабского происхождения, представительница деконструктивизма, станет первой представительницей прекрасного пола, награждённой Притцкеро-вской премией. Награждение состоится

тридцать первого мая 2004 года в здании Эрмитажного театра в Санкт-Петербурге». С экрана на меня смотрела женщина в чёрном, прекрасные глаза волоокой Шахерезады взирали надменно и пытали. Она будто спрашивала: «Я вот какая! А что сделал ты?» Это была новость-плакат, новость-упрёк для моего мужского самолюбия. И я вспомнил свою детскую мечту о Шагале. Через несколько секунд я уже знал, куда отправлюсь. Пунктом моего назначения должен был стать Витебск.

Люди с моими мыслями в поиске свободы и душевного равновесия едут на Гоа. Они находят новые смыслы в Индии, посещая ашрамы и медитируя у Ганга. Отбиваясь от назойливых обезьян и индусов, они научаются терпению и проворности, а проходя среди куч мусора, обретают умение быть невозмутимым, однообразная простая пища прививает им невзыскательность в отношении собственного «Я». Для меня всё перечисленное не было ценным, я искал совсем другого, но если бы меня спросили: «Чего?», ответ бы был туманным, если бы он вообще был. Одно было очевидным: существующее бытие не устраивало меня.

Я направлялся весьма витиеватым путём в другом направлении — в Беларусь.

Помню своё детское впечатление. В одном из кабинетов художественной школы я увидел репродукцию Шагала «Синий дом». То чувство, что посетило меня, трудно передать. Открыв рот, я долго стоял перед картиной, пока учитель не сказал мне: «Шагал!» Мне послышалось: «Шагай!». Я попятился к выходу, но мои глаза неотрывно смотрели на репродукцию. Учитель рассмеялся: «Это репродукция картины Марка Шагала “Синий дом”». «А где такой дом?» — замороженно

спросил я. Учитель подумал секунду: «Кажется, в Витебске. Но это не значит, что он и взаправду там есть. Это фантазия автора». Была в этой картине какая-то неизбежная печаль, тоска, но что ещё удивительнее было для меня — как это художник мог увидеть в этом доме то, чего другие не видели. Это глубоко-синее настроение Дома влекло меня, на картину хотелось смотреть и смотреть. Не отводить взгляда, не устало смаргивать, а впитывать его всеми порами кожи, всеми рецепторами, всей душой. А потом были и другие картины. Синее-зелёное настроение, разбавленное жёлтым и оранжевым, глубоко тревожило, возмущало и влекло. Морды лошадей и овец, петухи, мужики и бабы, селёдки среди цветов и, конечно, повторяющаяся женщина с лунообразным лицом и чёрными кудрями случились в моей жизни. И всё это благодаря случайной встрече с «Синим домом». На палитре я долго и безуспешно пытался намешать шагаловский синий. Но мне всё никак не удавалось. Это сводило с ума. Опять и опять я упрямо добавлял в синюю гуашь разные цвета, добиваясь хотя бы похожего оттенка. Экспериментальное начало моей натуры требовало найти нужный цвет. Я сердился и плакал, пока учитель, заметив мои мучения, не сказал, что моя гуашь плохого качества и у меня ничего не получится. Я забыл про цвет, но впечатление от него ещё долго не отпускало меня.

На последнем курсе университета мне удалось поехать в Витебск, родной город Шагала. Шагаловский пленэр собирал множество известных личностей: они говорили о гении, читали стихи, звучала музыка, и персонажи великих полотен казались плотскими, они спускались с холстов и подрамников и смешивались с толпой. Кричали петухи, из-за спин высывались

нелепые лошадиные морды и крупы, коровьи рога, пахло местечковостью, и колокола звонили. Внучки Шагала, Мерет и Белла, притягивали взоры и напоминали, что Берта Розенфельд здесь хозяйка.

Что стало особым для меня на том пленэре — так это знакомство с творчеством учителя Шагала Юдея Пэна. В первый день устроительница пленэра, произнося на сцене вступительную речь, упомянула, что присутствующие могут увидеть выставку полотен Юдея Пэна в одном из залов. Зал был достаточно большой, картины висели близко друг к другу. Организаторы, видимо, хотели вместить в эту выставку как можно больше полотен. Они скромно жались друг к другу, тогда как несколько полотен самого Шагала были разбросаны по всей выставке. Работы плодовитого учителя под сенью творчества гениального ученика. А ведь началось именно с ученичества. Не случись в жизни Шагала учителя Юдея — могло и не быть гения ученика. Или он был бы другим, менее гениальным или просто другим, или не художником. Работы учителя были весьма колоритными, это были этюды из жизни витебских евреев — портных, часовщиков, пекарей и штукатуров, мастерового люда тогдашнего городка. Я ходил и всматривался в лица людей того времени, мудрые глаза с лукавым блеском следили за мной — это были глаза самого Юдея. Возможно, именно так он рассматривал работы своих учеников. В зале с картинами учителя посетителей почти не было, так что я мог рассматривать полотна в полной тишине и так долго, как мне того хотелось. Я всматривался в глаза, морщины, бороды, руки и платья, а мысль свербела, что никто не желает знать, кто научил Великого в руках кисточку держать. Никто не рассчитал

в процентах, насколько Шагал состоял из своего учителя. А в том, что состоял, я нисколько не сомневался.

Дольше всего я стоял у позднего автопортрета Пэна. Картина называлась «Автопортрет с музой и смертью». Усталый художник пытался писать, но его время уходило. Рука с палитрой покоилась на ручке кресла, кисть в руке, но пальцы держат её неловко, а локоть опирается на ящик с красками, глаза смотрят хотя и на картину, но уже напоминают остекленелый взгляд покойника. Несмотря на то, что человек работает, как и прежде, и его творческая муза всё ещё наигрывает на арфе вдохновляющий мотив, тоскливая флейта смерти уже слышна.

Сейчас, вспоминая тот свой визит в Витебск, я подумал над собственным предсмертным автопортретом. Что бы там было? Небоскрёбы? Небоскрёбы без конца и края? И сам я — маленький, раздавленный ими? «Он проектировал типовые многоэтажки!» — скажут обо мне в прощальной речи. Неприятно, но это отражало суть моей жизни.

В Витебске я купил книгу «Моя жизнь» Шагала и нашёл в ней страницы, посвящённые учителю Юдею:

«Я узнал о Пэне в тот момент, когда с площадки трамвая, катившегося вниз и замедленно подымавшегося в гору Соборной площади, мне мелькнул кусок белой надписи на синем фоне: “...школа живописи Пэна”».

Я решил прокатиться этим же маршрутом, если это было возможно, и ощутить себя немного Шагалом. Соборной площади, конечно же, не оказалось. Была её преемница — площадь Свободы. И были трамваи — конечно же, не те самые, на которых ездил Шагал,

но тоже трамваи. Пытаясь представить, что увидел автор воспоминаний, я крутил головой, но надписей про школу живописи не было. Неужели какой-нибудь предприимчивый житель Витебска не придумал подобную? Видимо, нет.

«Слыхали ли вы о Пэне, о моём первом учителе, о художнике, о труженике, живущем вечно на Гоголевской улице?»

Гоголевской улицы не оказалось на карте города. Я предположил, что она тянулась в какую-нибудь сторону от площади Свободы. Сюда? Или туда?

«Пэн — мой первый учитель. Живёт всё время в Витебске. Витебск живёт, и Пэн постоянно живёт в нём. Если я чему-либо завидую, если я грущу о чём-либо — так это о том, что Пэн всегда живёт в Витебске, а я всегда, всегда в Парижах... Не понимает он меня, когда мои письма к нему переполнены вопросами: “Как поживают мои заборы, заборы и заборы?”»

Заборов тоже не оказалось на месте. Непонятно, о каких заборах тосковал художник. Вероятно, о тех, которых так много на его картинах из жизни Витебска.

Мне стало немного грустно от осознания того, что в городе Шагала и Пэна нет ни Шагала, ни Пэна.

Последнее, что я хотел увидеть в Витебске, — это была могила Юделя Пэна. В художественном музее пожилая смотрительница рассказала, где покоится прах художника. Не знаю, что уж я собирался найти на Старосемёновском кладбище. Оградки, оградки... и снега нет. Как заборы и заборы у Ученика. А ещё — грязь, которая липла к ботинкам. К могиле я подошёл на двух комках грязи. Неудобство — ничто перед стеснением. Мне было стыдно, что я пришёл к могиле с пустыми руками и в грязных ботинках. Скромный гранитный

пьедестал с бюстом художника. Ничего лишнего: тёмная голова на фоне жилого массива, крыш домов, электрических опор. Юдель растворился в воздухе старого Витебска. Только чёрная бронзовая голова — галочка в его истории.

Больше в Витебске мне делать было нечего.

Следующей точкой на карте моего маршрута значился Крым. Там я собирался прожить год, привести мысли и нервы в порядок. Как решить, как и кем быть, если ты не почувствовал себя? Только солнце и вода возвращают истрепавшимся чувствам новизну. Радость от встречи с морем делала меня счастливым и заставляла улыбаться.

Самолёт приземлялся в Симферополе.

Глава 3

До встречи с моей постоянной девушкой Олей я имел достаточно бурную личную жизнь. В старших классах школы девушки стали обращать на меня внимание. Я никогда не был высокого мнения о собственной внешности: временами я казался себе чрезвычайным уродом, хотя в остальное время допускал, что могу нравиться. Не знаю, насколько самомнение соответствовало истине, но стоило признать, что имя отца впечатляло многих моих друзей, и они присматривались и находили во мне привлекательные черты. Но были и такие, которые встречались со мною по любви (так это они, по крайней мере, называли).

Середина девяностых была порой сексуального взрыва в стране. Все средства массовой информации кричали о сексуальной революции и раскрепощённости, недвусмысленные намёки позволяли себе даже серьёзные каналы и издания. Страна массово читала «СПИД-ИНФО», и быть сексуально непросвещённым считалось неприличным. Девушки стремительно лишались девственности и гордились своей прогрессивностью.

Я пользовался плодами революции по полной программе. Моя бабушка, понимая, что не сможет регулировать мою половую жизнь, горестно вздыхала, что мне надо «дружить» только с хорошими девочками. Но при этом она не забывала регулярно подкидывать в задний карман моих джинсов пачку презервативов.

Девственности я лишился ещё в десятом классе на даче одного из своих одноклассников. Таня, девушка из параллельного, просто подошла ко мне и спросила: «Ну что? Колокольчик ещё не динь-динь?» Я смущённо кивнул головой, и мы пошли в баньку. Я даже и не особенно помнил, как всё произошло, — мы оба были изрядно пьяны. Но судя по довольной Тане, я не оплошал. Таня была опытной «давалкой», и об этом знали все старшеклассники в школе. После Таниной похвалы я возгордился и к концу учёбы отлично «передружил» с несколькими одноклассницами и девчонками со стороны. С некоторыми я встречался несколько месяцев, с кем-то только по разу — длительных отношений почему-то ни с кем не получалось выстроить. Хотя, честное слово, мне этого хотелось, но была трудность с определением, с кем именно. Я не умел общаться с женщинами, предпочитая быть пассивным и позволяя им выбирать. В этом я был похож на отца. Какая-то инертная частица внутри меня заставляла выжидать. Девушки воспринимали такое моё поведение как недовольство и сами не стремились продолжать отношения. Они считали, что не заинтересовали меня как личности. В девяностых было принято быть Личностью. Девушки, прошедшие воспитание советскими мамами, были преимущественно терпеливыми горячками, ждущими активного действия со стороны мужчины, который бы, имея их, одновременно уважал в них Высокую Личность. Вот такие были ножницы воспитания у девушек, ставших взрослыми на стыке социализма и демократии.

Я тоже был хорош, осознание собственного непорядочного отношения к женщине терзало меня, но обновить происходящее я был не в силах. Девушки сами

искали встреч — и находили. Каждая из них была по-своему привлекательна и достойна моего внимания. «Дьявол искушал мою плоть!» — эти слова были не про меня. Плоть просто была отзывчивым инструментом в руках опытных в этом деле фемин, а были ли они служительницами дьявола, я сомневаюсь. Я занимался понятным и приятным делом, за которое мужчину не принято осуждать.

В университете я пустился во все тяжкие. Была только одна проблема, но и она была решаема. Я не мог приводить девушек домой, поэтому приходилось искать места для встреч. В этом мне помогал автомобиль отца: поколесив по городу, можно было отыскать недорогую обшарпанную комнату в общежитии на окраине или в дешёвой гостинице. Автомобиль был тоже неплох, если уж совсем была безвыходная ситуация. Я предпочитал заниматься сексом на своей территории, во избежание случаев внезапного возвращения мужей, нервных мам, грозных отцов и удивлённых соседей. Мои одноклассники звали меня за глаза дефлоратором, потому что чаще остальных на меня западали вчерашние школьницы или первокурсницы. Хотя, помнится, у меня была и сорокалетняя женщина Регина. Она подбирала практикантов для своей фирмы, я попал в число избранных, но на работу не приходил. Отчёт о практике нужно было сдавать подписанным и с рекомендациями. Пришлось пару месяцев поработать любовником Регины.

Подводя итог, можно сказать, что к моменту встречи с Олей я был довольно искущён в вопросах удовлетворения женщин, но совершенно слаб в выстраивании нормальных традиционных связей, с проживанием на общей территории и решением общих проблем. Даже

долгий период ухаживаний казался для меня чем-то обременительным. Поэтому отношениями с Олей я всё-таки дорожил — они мне достались слишком тяжело и были успешно реализованы впервые. Я гордился собою. И Оля, похоже, догадывалась об этом.

Мы встретились не случайно. Она преподавала на курсах английского, куда я записался, потому что для работы с иностранными инвесторами требовался хороший разговорный язык, а я не владел никаким, не считая смутных воспоминаний из школьной программы. Несколько месяцев мы только переглядывались. А потом я подошёл и попросил о дополнительных занятиях у себя дома. Оля долго думала, но потом согласилась, потребовав, чтобы никто не знал об этом. В языковой школе не поощрялись дополнительные уроки мимо кошелька компании. И где-то около месяца мы действительно только занимались английским, нас разделяли стол, учебник и наушники. А потом я заметил, как дрожат её пальцы, теребя воротник белой блузы. Я пригласил Олю в ресторан, подарил цветы, и она осталась у меня ночевать. Такое случилось впервые — я привёл девушку к себе домой. Конечно, я рассчитывал, что с рассветом Оля исчезнет и не станет портить мне жизнь, ради этого я даже решил поменять преподавателя на курсах. Но удивительное дело: Оля осталась. Сама. Без просьб с моей стороны. Осталась, и всё. словно это было естественно. Она готовила мне еду, убирала квартиру, гладила рубашки и организовывала досуг. Нет, она не жила вместе со мной, просто после работы каждый день приходила ко мне и оставалась. По утрам я слышал, как она напевает в душе и гремит чашками на кухне. Я стал замечать, что моя квартира постепенно заполняется её вещами:

в шкафу появились полочки с её одеждой, на плечиках повисли платья, а в прихожей у зеркала прописался флакон с духами. Я молчал. Так прошёл почти год, и в одно из воскресных утр я спросил Олю, не хочет ли она ко мне переехать. Оля рассмеялась. Так мы стали парой. Я привык к ней и воспринимал как что-то привычное: утренний душ или вечерние новости. Не думаю, что ей бы понравилось такое сравнение, но оно точно отражало суть наших отношений. Я знал, как она пахнет с утра, и не запирает дверь в туалет. Она заботливо чмокала меня в щёку вечером и стирала с неё помаду, знала, в каком кармане брюк лежит презерватив и что у меня кариес. Я помнил, что она любит эклеры с безе, и с одного взгляда угадывал её настроение. Без сомнения, эти отношения были нормой, но я не знал такого — в моей семье всё было по-другому. Я, бабушка и отец — это семья. В ней не было места любящей и любимой женщине. И вступив на этот путь, мне уже казалось невозможным отказаться от него. Я сам себе удивлялся. Как, не имея перед глазами модели, я сумел построить нормальную семью? Странное дело, но я совсем не осознавал, что семью создала Оля, а не я. Единственное, чего не доставало нашим отношениям, — так это статуса официальных семейных. Я видел, что Оля ждёт. Но заставить себя произнести слова о женитьбе я никак не мог.

В Крыму я поселился в Евпатории.

Мои три комнаты были на первом этаже старого дома у мечети. Это был самый центр, всё самое необходимое рядом: рынок, трамвай, море. Старуха, которая сдавала мне жильё, долго извинялась, что в доме всего одно окно, и то с видом на двор и балкончик паспортного

стола. Но это были такие мелочи, главное — я жил один и мог проводить время, как захочется. У меня были крыша над головой и газовая печь, а в пятидесяти метрах от дома я мог ставить мольберт и рисовать море. Дворовые коты пробирались через форточку в дом, так что у меня ещё были и друзья для беседы. В быстро подступающих сумерках мне нравилось смотреть в оконный эркер на фонари и шпиль мечети, я слушал муэдзина, созывающего паству на молитву, и гладил бархатистые уши дворового кота. Единение с сумерками нарушил стук в окно — кто-то со двора смотрел в моё окно. Рука распахнула форточку пошире, и я услышал «кыс-кыс». Кажется, это была хозяйка кота.

Это была Лара.

— Ты дома?

— Дома. Вот твой кот. — Я просунул тушку кота в форточку. — Я думал, он бродячий, покормил.

Девушка смотрела на меня. В темноте я не мог разглядеть ни лица, ни фигуры, только лоб, брови, глаза и руку, принимающую кота.

— Он постоянно залазит в окно, если форточка открыта. Вот шкура! — она извинялась.

— Нестор! — принял я её извинения и протянул руку в форточку.

— Лара! — ответила она и пожала кончики моих пальцев.

Ладонь была мягкой и нежной. Мне понравилось её прикосновение, я даже вздрогнул от удовольствия и решил, что буду с ней дружить.

Был конец апреля. Солнце светило ярко, и синее, как бутылочное стекло «Либфраумильх», море билось о гранит ступеней набережной. Шумные чайки кружили над пристанью с прогулочными катерами и рвали

из рук редких туристов куски булки. Здесь, на юге, я первый раз в жизни почувствовал пробуждение от какого-то тяжёлого летаргического состояния, что постоянно было со мной, сколько я себя помнил. Я представил себя птенцом, который впервые взглянул на мир через трещину в скорлупе и предчувствует свободу. Я довольно потянулся, разорвав локтями пространство вокруг себя. Радостный крик произвольно вырвался из глубин моих развернувшихся лёгких. Я подумал, что до сих пор не знал настоящей жизни. Захотелось нарисовать чаек, море и смеющихся туристов, оттирающих птичий помёт с сумок и свитеров. Я помчался к себе, чтобы взять мольберт и ящик с красками. Девушка с котом стояла у моей двери и рассматривала спешащего меня. Я и не надеялся так скоро вновь увидеть Лару. Но я любил сегодня весь мир, поэтому девушка и её кот показались мне особенно симпатичными. Я приветливо помахал им рукой.

— Привет, Нестор!

— Лара! — Я со смехом поклонился внезапно встреченной паре.

— Закрывай окно, а не то он сожрёт все твои запасы! — Девушка встряхнула кота и сбросила с рук.

Её приветливая улыбка подкупала.

— Пусть ест! — простил я кота. — Я люблю толстых животных.

Кот довольно тёрся о мои ноги. Он ходил вокруг нас, задевая хвостом то меня, то Лару. Мы молча смотрели друг на друга и улыбались.

— Ты студент? — спросила девушка.

— Угу! — зачем-то соврал я. Кажется, мне хотелось быть популярным, как в студенческие годы.

Лара ещё немного постояла, пока я ковырял ключом в замке, и, как только дверь в моё жильё была открыта, растворилась где-то в недрах двора.

Я растерянно обвёл глазами двор: неправильная застройка (пристрой к имеющемуся жилью производился хаотично), маленькие окошки и множество дверей, ореховое дерево на своих ветках держало лабиринт из веревок для сушки белья, пустые пока ещё клумбы, чисто выметенные дорожки. Лары нигде не было видно; впрочем, и никого другого. Я был немного разочарован, так как мне показалось, что девушка хочет познакомиться со мной, и я был этому даже рад. Несколько месяцев воздержания уже стали порядком напрягать. Мысли об Оле вообще не посещали меня в те дни, я даже какими-то обрывками воспоминаний не обращался к ней, словно она навсегда исчезла из моей жизни. Всё-таки зря я написал ей прощальную записку — надо было покинуть родину по-английски, туманно и холодно.

Остаток дня я провёл на набережной, рисуя чаек и море. Сегодня оно и впрямь было «Либфраумильх», мне хотелось изобразить его синевой шагаловской палитры. Но у меня опять не получался цвет. Я нервничался и присел на парапет. Сгущались сумерки. Море продолжало биться в серые стены набережной, холодный ветер гнал домой, и даже чайки тревожно вскрикивали, будто призывали меня оставить рисунок и отправиться прочь отсюда. Я вытер руки тряпкой, кинул её в ящик с красками и свернул мольберт. Сидя на парапете и рассматривая блеск волн в свете появляющейся луны, я думал о противоречивости жизни, её красках и удовольствиях, и пустоте внутри. Утренний восторг и чувство обновления пропали напрочь. Стоило

надеяться, что мой восторг погас только от усталости. Я решил лечь спать пораньше и подхватил сумку с красками, мольберт висел на плече, туба слегка постукивала о край деревянного ящика. Со стороны я смотрелся студентом на пленэре. Лара была почти права. Здесь, в Крыму, много таких студентов и студенток, а также людей уже совсем не студенческого возраста, которые стоят и усиленно трут холст или бумажный лист кисточкой или карандашом, изображая местные красоты. Кто-то делает это для души или выставки, кто-то готовится к новому туристическому сезону — профессиональные изображения Крыма в масле, пастели или карандаше пользуются большим успехом у приезжих.

«Танец в фонтане», — гласила вывеска на двери маленького кафе за мечетью. Я знал, что каждую пятницу здесь собираются любители восточных развлечений. Перевесив тубу с правого плеча на левое, я толкнул входную дверь. Крытый двор был залит красным светом, в центре, среди ротанговых столиков и скамеек медленно вращался зеркальный шар. Его отблески не давали рассмотреть лица присутствующих, но их было много, двор был почти полон, я едва сумел отыскать свободное местечко. Мужчины и женщины, дети всех возрастов с любопытством смотрели на вращающийся шар.

— Он стоит в фонтане, его убирают, начинает бить вода и снизу выплывает она, — кто-то пояснил за соседним столиком.

Присмотревшись, я увидел, что шар и правда стоит в фонтане. Чаша чуть возвышалась над столиками, её шершавые бока были украшены орнаментом из цветов и листьев. Я заказал себе пахлаву и чайник с травами, очень хотелось посмотреть представление.

Раздались одинокие хлопки, потом — аплодисменты, кто-то выкрикивал что-то на неизвестном мне языке. Музыка стала громче, и шар, блеснув последний раз, скрылся в чаше. Струи фонтана, тонкие и тугие, начали свой причудливый танец. Присутствующие дружно аплодировали, требуя начала представления. Они были завсегдатаями этого кафе и знали, что делать. На мгновение музыка стихла и на небольшой подставке, как эквилибристка в цирке, из фонтана возникла дева. Её блестящий наряд, прикрывающий верх и низ и оставляющий живот голым, блеснул не хуже зеркального шара. Я даже на секунду зажмурился. Гости захлебнулись восторгом. Мне не терпелось увидеть, что же может так восторгать, неужели обычный танец живота может нравиться до такой степени, пусть он даже и в фонтане.

Танцовщица, повинувшись восточным мотивам, продемонстрировала чудеса гибкости, успевая при этом играть со струями. Она обращалась с ними, как с живыми существами, ласкала ладонями, пальцами с перстнями и всем телом, направляя их в нужном направлении. Иногда ловко направленная струя попадала в кого-то из гостей, и тот довольно жмурился и плотоядно улыбался, рассматривая идеальный подъём маленьких ножек и соблазнительные бёдра. Смуглая кожа танцовщицы сверкала блёстками и каплями, она казалась неземным чудом, поднявшимся из-под земли в этом дворе, то ли ангелом райского сада, то ли искусительницей из него же.

Я рассматривал танцовщицу с любопытством, почти с восторгом. Я не мог сказать, красива она или нет, — лицо закрывал вуалевый платок. Но тело её, несомненно, было прекрасное — тепло в нижней части моего тела неоднозначно указывало на это.

Первая часть восточного танца была закончена, и артистка скрылась в фонтане, её место опять занял зеркальный шар.

— Всё? — выдохнул кто-то сзади меня.

— Антракт, — успокоил его собеседник.

Гости наконец-то могли заняться своим угощением. Официанты засновали между столиками с полными подносами и корзинками. Я допил свой почти остывший чай. Выступление длилось сорок минут, а казалось, что прошло не больше пяти. Пахлава растеклась мёдом по губам, я сам почти растаял. Мне, так же как и остальным гостям, хотелось бить в ладоши, приближая встречу с чудесной танцовщицей в фонтане.

— Сколько длится антракт? — спросил я у пары по соседству.

Мужчина и женщина непонимающе переглянулись.

— Это зависит от того, как горячо будут просить, — объяснил мужчина.

Я понял, что пара — постоянные зрители, а может, и поклонники артистки.

— А что, если просить не будут, она больше не будет танцевать? — непонимающе продолжил я.

— Конечно не будет. Но просить будут точно. Да ещё как! — засмеялась женщина.

Мне стало почему-то неприятно, что танцовщица нравится всем, что все присутствующие видят, какое она чудо. Это было похоже на ревность. Незнакомый до этого момента со жгучим чувством собственника, я подхватил свои ящички и отправился домой. Моё поведение было похоже на обиду мальчика, который не хочет смотреть, как играют с его любимой игрушкой.

Была уже совсем ночь, я посмотрел на часы. Стрелки показывали без пятнадцати десять. Я вошёл во двор

своего дома. Два старика играли в нарды под ореховым деревом. Я наспех поздоровался с ними, они с удивлением проводили меня взглядом. Дверь, как назло, не хотела открываться, я вновь и вновь вставлял ключ в скважину и пытался его повернуть, но у меня ничего не получалось. Оставив попытки, я обратился к игрокам:

— Вы не присмотрите за вещами, я хочу посмотреть представление в кафе?

Один из стариков согласно кивнул головой. Мне почудилось, что он снисходительно улыбнулся в свои пышные усы.

Выбежав за калитку, я остановился в растерянности. Ситуация требовала, чтобы я купил цветы. Но где же в десять часов вечера в курортном городе, когда туристический сезон ещё не начался, можно купить букет? Хотя бы какой-нибудь. Но лучше, конечно, хороший. Чёрт возьми, ну дарят же здесь цветы женщинам по ночам? Должны же дарить? Я был в полном отчаянии ещё и оттого, что не знал, можно ли восточной женщине преподнести букет. Потом я решил, что восточная женщина — тоже женщина, к тому же артистка. А артистам принято дарить цветы. Я убедил себя не колебаться и не суетиться, а хорошо подумать.

— Отцы, а где здесь цветочный? — крикнул я игрокам в нарды.

— Возле Первой столовой! — ответил мне насмешливый голос.

Я бросился через дорогу. Местоположение Первой столовой было мне известно — я там частенько обедал. И правда, цветочная лавка приветливо светилась. Возле окошка переминались с ноги на ногу несколько мужиков. Я догадался, что они тоже из кафе, и понятно

хмыкнул. Цветы выбирались быстро, почти моментально, без сомнений и колебаний. И с драгоценной ношей счастливец прыжками спешил в кафе, где танцовщица в фонтане должна была вот-вот начать свою песнь обольщения. Я был последним в очереди и справедливо опасался, что мне может не хватить цветов.

— Мне большой и самый красивый! — бросил я деньги в окошко лавки.

— Ладно, но осталось только это. — И продавщица протянула мне в окошко букет маленьких колючих розочек в корзинке.

Я радостно схватил добычу и прыжками, как и мои предшественники, бросился к кафе. Огни цветочной лавки погасли. Сегодня распродались все букеты. Даже те, которые стояли с прошлой недели.

Танцы в фонтане были в самом разгаре. Танцовщица сменила костюм на более простой, напоминающий сарафан, её волосы были распущены, а на лице отсутствовала вуаль. Это меня порадовало — теперь я мог её хорошо рассмотреть. Жаль только, что место моё за столиком было занято и пришлось стоять. Зато близко от фонтана, что давало возможность видеть больше, чем из-за столика в отдалении.

Девушка была невысокого роста, но с прекрасной фигурой. Мышцы тренированного тела проступали сквозь ткань сарафана, чудесные стопы (кажется, такие называют римскими) и высокая крепкая грудь, руки приятной округлости извивались и казались лепестками лилий. Стинг и Иглесиас стонали свою знаменитую «Fragile» — танцовщица вращалась на подставке в луче жёлтого света. Потом зазвучал новый хит Scorpions «May be I may be you», и гости кафе понесли свои букеты. Цветов было так много, что можно было подумать,

что была опустошена не одна цветочная лавка. Один я стоял со своей корзинкой в руках и, открыв рот, смотрел в фонтан — танцовщицу закручивало в недра фонтана. Она подняла голову и посмотрела прямо на меня. Я вздрогнул — на меня смотрело лицо Оли, моей девушки.

Во дворе начали скандировать: «Лара! Лара! Лара!» Меня оттеснили куда-то совсем назад. Фонтан поднял Лару. Я сморгнул. Лара оказалась моей соседкой с котом, я облегчённо выдохнул. Только моему воспалённому сознанию могла померещиться Оля в облике Лары. Я радостно захлопал в ладоши и стал проталкиваться к фонтану, чтобы поставить свою скромную корзинку у ног танцовщицы Лары.

Остаток ночи я провёл без сна.

Я вспоминал Лару и жаждал начать поиски её жилья в нашем дворе. Вначале я караулил её под ореховым деревом, где старики играли в нарды. Но она всё не шла. Я подумал, что у неё может быть муж. Или же её мог на ночь купить какой-нибудь клиент. Кто знал, кто она? Но даже думая, что Лара проститутка, я всё равно желал её и её общества. Я вышел за калитку и прошёл вдоль мечети к кафе. Дверь, ещё недавно гостеприимно распахнутая перед каждым, сейчас была наглухо закрыта. И даже лучик света не пробивался через щели. Город спал. Спала где-то с кем-то и моя Лара. Я сжал челюсти. Море шумело, ветер гнал волны и трепал начавшие зеленеть деревья. В темноте я просвистел мотив «May be I may be you».

Уже на рассвете я задремал. Сон был поверхностным и тяжёлым. Мне снился фонтан, поглощающий фигуру то ли Оли, то ли Лары. Я проснулся от стука форточки.

На подоконнике сидел кот и смотрел на меня выжидающе, будто я был ему что-то должен. Возле кота стояли моя туба с мольбертом и ящик с красками, поверх ящика лежал маленький конверт с птичкой. Под птичкой круглыми аккуратными буквами было выведено: «Лара». Я со всей осторожностью достал содержимое конверта. Внутри был бутон из моего вчерашнего букета. Я счастливо улыбнулся новому дню. Не только я видел Лару, но и она видела меня.

После завтрака я начал поиски Лары. Во дворе никого не было, стучаться в двери к соседям и расспрашивать о Ларе мне не хотелось. Поразмыслив, я позвонил с этим вопросом к хозяйке своего домика.

— Ларочку ищешь? — спокойно, будто ожидала, переспросила она. — Ларочка живёт в квартире прямо над тобой.

Я возликовал. В тот момент я любил и Лару, и хозяйку, и вчерашний день, и сегодняшний, и дни всей будущей жизни грезилась мне самыми счастливыми. Я купил цветы у Первой столовой. Это опять были маленькие колючие розочки, только уже ярко-алые. «Страсть!» — прошептал я себе, но мои слова оказались слишком громкими, и мимо проходящая женщина посмотрела на меня с удивлением. Через пять минут я стоял перед дверью Лары и опять и опять жал на маленькую кнопку какого-то доисторического звонка. За дверью было тихо, ни единого шороха или другого звука. Я провёл под дверью танцовщицы весь день и, обессилев после бессонной ночи, задремал. Соседка, вернувшаяся с работы, потрясла меня за плечо:

— Нестор, ты к Ларочке?

Я согласно кивнул головой.

— Ларочка, дорогой, на месяц уехала. Просила тебя присмотреть за котом — ведь он и так у тебя постоянно обитается.

— Уехала? Куда уехала?

— На раскопки. Куда-то в Старый Крым. Она ведь на историческом учится.

— Старый Крым? А как её там найти?

Соседка снисходительно улыбнулась:

— Не знаю, ничего не знаю!

Я почувствовал себя дураком, влюблённым без взаимности и даже без надежды на взаимность. Первым моим порывом было мчаться в Старый Крым, расспрашивая всех и каждого о Ларе. Но успокоившись, я понял, что лучше этого не делать. Ведь если бы я понравился Ларе, как она понравилась мне, она бы не стала так со мной поступать. Я решил страдать в одиночестве, надеясь в скором времени забыть это безумие по имени Лара. Целыми днями я лежал на пляже или бродил с мольбертом по улицам, рисуя старые евпаторийские домики. Только вечерами Ларин кот гипнотизировал меня взглядом с окна, рассматривая моё тоскующее тело, скрючившееся на диване.

Так прошло две недели.

В полдень одного из равнозначных по тоске о Ларе дней в моё окошко постучали. Я вздрогнул и повернул голову. За окном стояла Лара и запихивала ко мне в окно своего толстого кота. Я измученным взглядом следил за её движениями.

— Здравствуй, Нестор! — крикнула она мне. — Забирай кота, он не хочет жить у меня, к тебе просится.

— Здравствуй! — растерянно пробормотал я и вытянул руки, принимая животное из форточки. — Ну, давай!

Лара толкнула раму рукой, и окно послушно распахнулось. Вместе с котом она впрыгнула в дом.

Я обнял её там же, на подоконнике. Она целовала меня, будто хотела пить, а я был источником, она принимала мои ласки, будто это были горячие лучи солнца после мороза, она принимала меня, будто я был единственным мужчиной в мире на краю жизни и смерти.

Глава 4

Мы провели с Ларой не один день. Я переехал в её маленькую квартирку на втором этаже. Наступил июнь, и можно было предаваться приятному ничегонеделанию, валяться на пляже, сидеть в море, гулять по ночам, заниматься любовью у самой кромки лунной дорожки. Мне казалось, что эти дни бесконечны и будут тянуться всю мою жизнь. Лара тоже выглядела счастливой. Она ни разу не задала мне эти извечные женские вопросы:

— Ты меня любишь? А ты меня сильно любишь? А почему ты меня любишь?

Лишь какой-то очень недолгой ночью она меня серьёзно попросила:

— Обещай, что это будет всегда!

Я засмеялся. Я боялся неоправданных обещаний. Лара тоже рассмеялась, словно никакой просьбы и не было. Больше к вопросу вечных отношений мы не возвращались. Лето и любовь лишили нас рассудка.

Летние дни у моря похожи один на другой: ранний яркий рассвет, утомительный жаркий день, неожиданно тёмная короткая ночь. Утром заспанные курортники нестройными рядами тянутся к воде, днём суета и сутолока, а ночью — смех, музыка и зазывные огни прибрежных баров и дискотек, кораблики на рейде и плеск тёмной воды.

Жизнь летом хороша и бесконечна. Ты не ощущаешь её течения и кажешься себе юным и перспективным. Редкие дождливые дни заставляют сомневаться в этом,

но потом появляется солнце — жизнь опять играет красками и не тяготит.

Не понимаю почему, но наступление августа явилось для меня настоящим откровением. Лара с удивлением смотрела на мою хандру. Ей, девочке, выросшей на юге, было непонятно, что для сибиряка август — рубеж. Когда лето кончается и его жаль. По утрам я смотрел в окно, и признаки увядания для меня были очевидны: вон розы засохли и осыпались, макушки деревьев пожелтели, песок на пляже уже не такой горячий, как неделю назад. Мне никак не удавалось отделаться от ощущения конца. Сам себе я говорил: «Всё!», а потом стоял и не понимал, про какое ВСЁ я только что подумал. Разговор с Ларой о наших отношениях должен был состояться, я это чувствовал, но о чём говорить, не знал. Уезжать я не собирался, оставаться тоже уже не хотелось. Отношения и жизнь должны были наконец приобрести какие-то определённые очертания и смысл, хотелось определиться с дальнейшими действиями. В какое-то утро я даже решился сделать Ларе предложение стать моей женой, но потом почему-то передумал. Я вспомнил об Оле и о том, что она ждёт меня в новосибирской квартире, о том, что я давно ей не звонил, о том, что забыл о своей жизни до Лары. Чувство, похожее на вину, дёрнуло какую-то струну в моей душе. Дёрнуло и только. Через минуту я перевернулся на спину и поцеловал Лару в ухо. Она обвила руками мою шею и успокаивающе погладила по затылку:

- Пойдём на море?
- Не пойдём...
- Не пойдём?

Она приподнялась на локте и с удивлением смотрела на меня. И всё-таки Лара была безумно хороша.

Никогда в своей жизни я не встречал русалок. А Лара ею была. Дельфинье тело, округлые мягкие бёдра, маленькая упругая грудь и оливковый загар вызывали у меня непреодолимое желание постоянно обладать ими. По своей воле я бы никогда не смог отказаться от неё. Я искренне не понимал, как она могла быть без мужчины до встречи со мною. Каким бы пошлым это ни казалось, но мне хотелось спросить её о прошлом, о том, кто был в её жизни до меня. Но страх получить ответы на вопросы парализовал. Мне страшно было услышать и убедиться в сомнениях.

Ответы пришли ко мне сами с появлением хозяйки квартиры внизу. Она появилась в выходной и принесла сумки с рынка:

— Вот скупылася, — протянула она певуче. Так говорили местные о походе по магазинам. — А ты, я смотрю, дома не живёшь?

Сегодня был день посещений. Вторую субботу каждого месяца хозяйка появлялась в своей квартире и осматривала обстановку, поливала цветы, болтала с соседками во дворе. Визиты казались случайными, но мы-то с нею понимали, что она приходит посмотреть, цел ли её дом, и расспросить соседок о моём житье-бытье. Я не сомневался, что о моих отношениях с Ларой ей известно.

— С Ларочкой живёшь, значит? — прокряхтела она, поправляя занавески на окнах. — Ларочка — она такая, её нормальный мужик не пропустит.

Я слушал разговоры хозяйки вполуха — всем понятно, что старухи считают всех девчонок шалавами. И я приготовился выслушать причитания о моральном облике своей подруги. Не могу сказать, что это меня не интересовало. Всё же о Ларе я ничего не знал.

Дальше танцев в фонтане мне ничего знать не позволялось. Хотя можно было попробовать узнать у неё самой, но я робел. Вернее, боялся узнать что-то неприятное. Поэтому, напустив на себя безразличный вид, я жадно слушал сплетни.

— Слышишь? Не пропустит! — Хозяйка многозначительно посмотрела на меня и грохнула лейкой о подоконник.

— Слышу... — как можно спокойнее подтвердил я.

— А у тебя, наверное, и жена есть? — ехидно спросила она.

— Нету!

Хозяйка с сомнением оглядела меня.

— Пусть даже и нету! — Я понял, что сейчас будут нравоучения, и скорчил гримасу. — Только у Ларочки муж есть.

Это был неожиданный поворот.

Хозяйка устроилась на банкетке у входа, достала из сумочки веер и принялась обмахиваться. Я приготовился выслушать её рассказ. Не знаю уж, что ею двигало: жалость ли ко мне, или боязнь потерять квартиранта, или простое желание всех немолодых женщин поучать.

— Ларочку мы знаем давно. Знаем как облупленную. Семья у неё была так себе: отец алкоголик, мать несчастная. Отец погиб в море, когда Ларе было десять лет. Одна мать осталась. Сейчас живёт где-то, никто не знает где. А Лара тут одна. Как девять классов закончила, так одна и живёт-перебивается. Серго этот, муж, — он её сразу после школы подобрал. Кафе у него, где девочка танцует в фонтане, и ещё какие-то тёмные делишки. Летом у них самый фартовый сезон. Ты знаешь, сколько ей лет?

— Сколько? — ошалело спросил я. Первая моя мысль была, что Лара малолетка. Как известно, девочки на юге взрослеют рано и в четырнадцать могут выглядеть на двадцать.

— Понял? — засмеялась хозяйка. — Вот так вот!

— А сколько ей лет? — спросил я с замиранием сердца.

— А сам как думаешь?

— Не знаю!

— А что не спросил? — ехидные нотки в её голосе заставили мои ладони вспотеть.

— Ну... — замылся я. — Мне что, надо было вначале паспорт её посмотреть?

— Вот. Она, значит, заманивает мужика, а потом появляется этот Серго, трясёт паспортом, где написано, что ей пятнадцать. Обещает, что подвесит несчастного за муди к потолку и посадит. И все дают им деньги. Все. Никто просто так от них не уходил. А деньги требуют немалые. Вот так вот они устроились. А ты как дурак попался. Я-то думала, ты другой, работать сюда приехал, только поэтому квартиру тебе сдала. Обычно я девчонкам или семейным сдаю. Но ты приехал так рано, когда спроса ещё не было. Надёжным мне показался, а на деле такой же, как и все мужики, ходок.

— А зачем вы мне это всё рассказали? — Я был растерян и готов на побег.

— А рассказала я тебе это, чтобы ты знал. Ну ладно, пора мне, засиделась, заболталась. На маршрутку свою опоздаю. А ты живи дома! — Она открыла дверь и уже перенесла ногу через порог. — Кстати, никто тут тебе не скажет, сколько Ларочке лет, но точно больше восемнадцати. Я помню, когда соседи принесли её в кульке.

Я облегчённо вздохнул. Пусть Лара и несвободная, обманщица и проститутка, но главное, что совершеннолетняя. Рассказы хозяйки огорчили меня, но и заставили действовать.

В этот день я закрыл окна и двери, отключил телефон и решил не выходить из дома ни под каким предлогом. По моим расчётам, Лара должна была начать искать меня. Но я ошибся. Никто не стучал в окна и двери, не слал телеграмм. Всё было тихо, будто я и не пропадал. Так прошло несколько дней. Днём я рисовал или спал, если сна не было, то думал о Ларе и о том, что надо переехать. Что-то в рассказе старухи не сходилось с реальными событиями. Я слишком долго задержался у Лары, не был богатым и не сыпал деньгами, признаться, в последнее время приходилось даже экономить — деньги за проект заканчивались, и я подумывал о поиске работы. Если бы Лара и Серго хотели меня развести на деньги, они бы уже давно это сделали. Что-то и правда было не так. Я ругал себя за то, что раньше не поговорил с Ларой. С другой стороны, я не хотел, чтобы она мне врала, а если бы я стал её расспрашивать, то ей бы пришлось это делать. А теперь она была как бы ни при чём: она отдельно, ложь отдельно. Она была со мной честна. Просто мы жили и спали вместе, казалось, любили и были довольны. Что бы изменил разговор по душам? Возможно, многое, а возможно — ничего.

Я решил искупаться и прогуляться по ночной набережной. Была полночь. На набережной в это время человек в костюме американского индейца выдувает в сопла неизвестного мне инструмента тоскливую музыку красных каньонов и песков. Мы часто с Ларой слушали его игру, тогда мне хотелось плакать от счастья,

теперь я хотел просто тосковать. Тосковать по женщине, которая оказалась не тем, чем казалась, по любви и свободе от неё.

Я тихонько открыл дверь. Двор был пуст, бельевые верёвки на орешнике белели в лунном свете, где-то в глубинах города слышались музыка и смех. Воздух пах чадом сотен жаровен и сладостью южных цветов. Я брёл по старой набережной в сторону шумящих развлечений. Я рассчитывал послоняться среди людей, купить вина, поплавать и, лёжа на гальке, слушать голос тоскующего индейца.

Но всё обернулось не так.

В кафе, где танцевала девушка в фонтане, огни не горели. Я пересчитал дни недели — возможно, я немного выпал из жизни в своём добровольном затворничестве. Был будний день? Да, была среда. В этот день в кафе обычно много посетителей, и, хотя девушка танцует только по выходным, в среду там обычно играют музыканты. Сейчас же на территории было темно. Я немного подумал и сделал несколько шагов в сторону кафе. Резная дверь во двор была наглухо заперта, и даже зазывные афиши отсутствовали на своём обычном месте. Должно быть, что-то произошло. Первым моим порывом было бежать к Ларе — ведь что-то ужасное могло произойти с ней. Я не видел её с прошедшей пятницы. Она должна была танцевать в тот день, а потом ещё в субботу и в воскресенье. Неприятный холодок пробежал внутри.

Но я был уверен в себе и решил не поддаваться на противоречивые соблазны искать, расспрашивать, жалеть, любить. Всё это должна была делать Лара, ведь я внезапно пропал, она должна была сходить с ума, искать меня. Какая-то детская мстительность

сейчас руководила моими поступками. Я быстро зашагал к ярким огням.

Курортный город жил своей жизнью: пел и пил, нырял с пирса и смеялся. Город смеялся бесконечно. Я остановился и прислушался. Казалось, что город счастлив, но я-то точно знал, что нет. В его хохоте и отвязности чувствовалась некая натужность, словно он делал это через силу, стараясь себя убедить, что жизнь прекрасна и южный рай вечен. Хотя все участники вакханалии знали, что всё преходяще и скоро закончится. Вот и я подумал о конце моей южной сказки. Было как-то неуютно переживать конец отношений в одиночестве, я даже успел подумать: а были ли они, эти отношения?

Белая яхта недалеко от берега тоже шумела. Музыка, смех и выкрики были слышны даже на берегу: «Горько! Горько!» Кто-то счастливый женился, а я, терзаемый своим неясным положением, завидовал ему. Наверное, никогда ранее я не думал о женитьбе, а сейчас позавидовал, что это кричат не мне. Я устроился на перилах ротонды и рассматривал борта яхты, подсвеченные гирляндами, и тёмные силуэты веселящихся. Вот тот маленький, коренастый, вероятно, был женихом, а та в белой шляпе — невестой. Или нет? Вот тот, худой, в светлом пиджаке был женихом, а невестой была толстоватая хохотушка в перчатках по локоть. Или нет? Да и не всё ли равно, кто кем там был? Я просто подсматривал за чьим-то счастьем за неимением собственного.

Кто-то повис на ротонде в двух шагах от меня. Я скопил глаза: какой-то мужик абсолютно пьяного вида дышал прерывисто. Наверное, ему было плохо. Тяжело много пить на юге: начинает казаться, что сердце не помещается в груди, и язык ворочается с большим

трудом, духота становится врагом номер один, и всё липнет к тебе или ты — ко всему. Сознание путается, хочется холодного ветра в лицо и снега. Много снега. Целый сугроб. А приходится терпеть и проклинать себя за отсутствие чувства меры. Этот пьяный мужик вызвал у меня какое-то родственное чувство — ещё кому-то в этом городишке было плохо и ненадёжно. Я придвинулся к нему и похлопал по влажной ладони:

— Эй, тебе плохо?

Его шея с трудом удерживала голову, она вращалась и тряслась подобно воздушному шару на верёвочке, которому нужно вверх, а его постоянно дёргают книзу.

— Мне?

Голова с трудом приняла почти вертикальное положение, и глаза уставились на меня. В темноте я не мог как следует разглядеть его лица, но на обычного забулдыгу он точно не был похож. Мужик стал медленно подниматься. Я спрыгнул вниз и помог ему. Мы стояли в обнимку: он — широко расставив ноги и подперев голову одним плечом, я — почти сгибаясь под весом его безвольного тела.

— Ты видишь? — Его язык казался тяжёлым даже мне.

— Вижу! — Мне было абсолютно всё равно, о чём он говорил, я отвечал ему не думая — надо же было что-то говорить. Если уж я взялся ему помогать, то глупо бы было делать это молча.

— Они веселятся! Им хорошо! — Он повёл рукой куда-то в сторону свадебной яхты. Было непонятно: то ли он переживает за происходящее, либо же говорит о первом, что пришло в его пьяную голову.

— Пусть веселятся! — Я ещё немного попыхтел и прижал его тело к белой балясине. Тело немного

постояло и начало сползать вниз, рубашечные пуговицы мелким горохом брызнули в разные стороны, брючины задралась, показывая волосатые ноги, обутые в дорогие туфли. Было непонятно, отчего такой мужик надрался и валяется на грязной набережной, а не где-нибудь в ресторане, ну или хотя бы на крайний случай — в гостиничном номере. А впрочем, мне было всё равно. Я сделал несколько шагов от мужика, собираясь отправиться к себе спать. Бесцельное блуждание вызывало желание надраться, как этот вот. Я обернулся, чтобы ещё раз посмотреть на него и уйти уже совсем. Его глаза сверлили меня, будто гадая, уйду или нет. Я кивнул головой и вернулся:

— Ты где живёшь?

Мужик похлопал рукой возле себя, приглашая присоединиться. Я придирчиво осмотрел асфальт набережной — мне почему-то было не всё равно, куда садиться, хотя могло бы быть безразлично, где и с кем быть этой влажной ночью. Лары не было, и цели стали неясными. А конкретнее, я вообще растерялся и не понимал, как жить дальше. Я вовсе не думал, что жизнь без неё утратила смысл, просто на какое-то время я опешил, что ли. Она была и вдруг пропала, а я не знал, радоваться этому или огорчаться. Я врал себе, врал вдохновенно и свободно, потому что где-то в глубине души чувствовал утрату женщины, с которой пусть ненадолго, на какое-то непродолжительное время пожелал связать своё будущее. Признавшись себе в собственном вранье, я приземлился на асфальт рядом с пьяным.

Рассмотреть черты его лица в темноте было почти невозможно. Кажется, он был старше меня, приятной наружности. Вот, в принципе, и всё, что я смог увидеть. Мне показалось, что он был из тех мужчин, которых

женщины обычно считают надёжными и с удовольствием выходят за них замуж, тем более видно было, что деньги у него водились. Причины его печали я не знал, да и выяснять мне особенно не хотелось. Казалось, что у него какое-то неизбывное горе или жизненное разочарование. По этой причине он был пьян и искал слушателя.

Для роли сочувствующего я всегда подходил плохо, причины моей неэмоциональности крылись глубоко, наверное, даже в детстве, когда мне не с кем было делиться своими мыслями и чувствами. Бабушка и отец были закрытыми людьми и не искали выхода своим эмоциям в моём лице, они даже друг друга не жалели, в их манере было говорить друг другу и мне: «Ты должен! Ты обязан! Отвечай за свои поступки!» Этому человеку в настоящей ситуации мне не требовалось что-то говорить, тем более я не мог поучать его. Даже сам не знаю, почему в тот момент я уселся с ним на асфальт. Может, от скуки, может, ещё почему, но мы сидели плечом к плечу, слушали шумящий курорт и смотрели в темноту можжевеловых кустов.

— Ты видишь это? — спросил он меня и поднял руку вверх. Я промолчал, не понимая, зачем ему нужен мой ответ.

— А это? — И он с трудом оторвал ногу от тёплого асфальта.

Я пожал плечами.

— А это она, — прохрипел он, — она! Всё она. И тут её оторвали! Знаешь?

Он дёрнул меня за рукав. Это движение, похоже, иллюстрировало его слова:

— Совсем оторвали! Её нету! Нету! Новая не вырастет! Как?! — Мой собеседник почти рыдал. — Как жить

без неё? Скажи? Знаешь? Ты знаешь? И ты не знаешь. И я не знаю!

Он поднял лицо к высокому звёздному небу. Звёзды виноградинами висели над нашими головами. Удивительно, что рядом с морем ощущаешь себя частицей неба. Так звёзды близки, и луна — сырная голова.

— Вот нога, — продолжал он заплетающимся языком, — она с тобой давно. Очень давно. Так давно, что ты даже не помнишь. Она была предопределена ещё до твоего рождения. Ты научился стоять, ходить на ней. Даже прыгать и плавать, а может, и на скейте научился кататься. Ты разбивал коленку на ней, до сих пор у тебя есть рубец, и ты можешь его найти, если захочешь, потому что рана казалась огромной — во всю коленку. Ты бежал на этой ноге по серой дорожке двора, была весна, и ты казался себе птицей, готовой вот-вот взлететь, но твоя нога запнулась, и ты плашмя упал на асфальт. Нога вначале была гладкая, а потом обросла волосами, нежные розовые ноготки превратились в толстые желтоватые пластины, а на стопе между большим и указательным пальцами выросла шершавая мозоль. Но ты любил свою ногу и пользовался ею, даже не понимая, что однажды её у тебя может не стать. Когда она уставала, ты говорил себе: «Что же ты? Давай терпи! Неси меня домой!» И она несла, она терпела. А потом раз — и её не стало. Вдруг не стало. Оторвалась. А ты по-прежнему думаешь, что она у тебя есть. Тебе так кажется. Ты даже её чувствуешь какое-то время. А потом, когда захочешь встать на неё, вдруг понимаешь, что ноги-то нет. Память физического присутствия есть, тело, из которого она росла, есть, а её самой — нет! И у тебя шок, понимаешь? У меня шок... Понимаешь?

С этими словами он должен был посмотреть мне в лицо. Я обернулся к собеседнику. Но тот бубнил свои фантазии, свесив голову себе на грудь. Вероятно, голова его была действительно слишком тяжела, чтобы удерживать её вертикально. Я ещё раз посмотрел на его ноги — они были в нормальном состоянии. «Может, ему предстоит какая-то операция и он переживает, бедолага?» — подумал я.

Мы сидели в полном молчании. Через какое-то время я решил, что мой сосед задремал. Но нет — он сидел, уставившись на собственные ноги. Казалось, что его интересуют только ноги и какие-то проблемы, связанные с ними.

— Что-то со здоровьем? — как можно участливее спросил я.

Он помотал головой и шумно вздохнул.

— Ты меня не понял. Какое там здоровье, если здесь на разрыв, — и потёр расстёгнутую рубашку у ворота, — и всё остальное в ключья!

Он стал пытаться встать, шаря у себя за спиной неловкими руками. Я поднялся и помог ему. Было очень темно. Южная ночь подходила к своему апофеозу. Часа через два должен был начать светлеть восточный край неба над морем. Самых солнечных лучей ещё не будет видно, но темень постепенно будет терять свою контрастность и, сперва в небе, потом на тёмной поверхности воды, появится серый градиент. Он будет расширяться, надвигаться на город ползучей тенью, пока не появится оранжево-алая полоска — предвестник рассвета. Но пока ещё было темно и покойно. Мы стояли друг напротив друга, я держал несчастного за предплечья, боясь, что он опять начнёт оседать на асфальт, он же в свою очередь уцепился за мои локти. Когда баланс был

найден, мы посмотрели друг другу в глаза. По крайней мере, я. Я выразительно посмотрел туда, где, по моим расчётам, должны были находиться его глаза. В темноте были видны только белки, и я понял, что мой новый знакомец тоже смотрит куда-то, и возможно, что на меня. Ветер с моря нёс запах мокрых бакенов и надвигающейся непогоды. Не сговариваясь, мы развернулись и повисли на перекладине ротонды. Дремлющие на волнах чайки тревожно качались, лунная дорожка то появлялась, то исчезала. Быстро бегущие рваные тучи, казалось, соглашались с несчастьем человека и гнали его прочь, домой. Я подумал, что пора расходиться, но, сам не знаю почему, никак не мог сказать последних слов.

— Видишь посудину? — спросил он меня обречённо.

Я посмотрел на свадебную яхту. Веселье на ней утихло, на палубе было безлюдно, лишь несколько человек в шезлонгах сидели, закутавшись в пледы. Может, дремали, а может, как и мы, разговаривали друг с другом.

— Вижу! — вздохнул я.

Мужчина проследил за направлением моего взгляда.

— Да нет, не эту, а ту! — Он ткнул пальцем куда-то вдаль.

Вдалеке, у ближайшего посёлка, почти у самого берега виднелся абрис белого корабля. Он был большой и надёжный, бегущая водная рябь его ничуть не волновала. Он стоял очень надёжно и фундаментально. Внешне он больше напоминал паром, чем корабль. Прежде я никогда не видел подобных красавцев. Никакого освещения не было на нём, лишь сигнальные фонари на верхней палубе указывали на его существование. Сразу было видно, что корабль иностранного происхождения, — его нельзя было сравнить ни с местными

яхтами, ни с рыбацкими баркасами, ни с сухогрузами или танкерами. А вблизи он должен был быть ещё прекраснее, чем издали. Может быть, только мне, человеку, видевшему в жизни небольшое количество морских судов, он показался необычным, а для кого-то был привычным и самым заурядным.

— Красивый! — резюмировал я.

— Похожа на айсберг?

— Похожа!

Подтверждения моего не требовалось, потому что и мой сосед понимал, что похож. Одно было непонятно: как своим пьяным зрением он сумел разглядеть нечто там, вдали? Ответ нашёлся сам собой.

— Моя!

— Да?

Я и не знал, что мне отвечать. Корабль был красив и интересен, но не для меня. Я не увлекался техникой. Мне вообще было непонятно, что делаю я здесь этой ночью, почему остановился именно с этим пьяным, а не с каким другим, почему до сих пор не ушёл домой.

— А почему ты говоришь про него как про женщину? Это же корабль? — Я спросил первое, что пришло мне в голову.

— Не знаешь? — Он посмотрел на меня с ухмылкой. — Не местный, что ли? Курортник?

— Угу, — промычал я, мне почему-то стало как-то неловко оттого, что я не разбираюсь в кораблях и не местный, — но я останусь здесь надолго или навсегда, я ещё не решил. Есть обстоятельства...

Я подумал, что ещё мне не хватало растечься рассказом о Ларе, как недавно хозяин корабля плакался о своей ноге. Типа два слюнтяя встретились на набережной и ну плакаться о своих несчастьях. Я замолчал.

— А хочешь посмотреть мою посудину? — Вопрос был неожиданный, сначала я даже растерялся и хотел сказать: «Нет!» А потом подумал, что мне нечего делать, как только идти в своё съёмное жильё и лежать без сна, рассматривая предрассветные огни в окошко под потолком. Перспектива была неинтересной, гораздо любопытнее было отправиться куда-то, развеяться, узнать что-то новое, может, найти предмет, который отвлечёт меня от мыслей о Ларе. Они, эти мысли, точили меня изнутри, как жук-короед деревянную балку ротонды, превращая бездумное выражение моего лица в страдальческое, что само по себе было мне несвойственно и беспокоило не хуже мыслей о девушке.

— Ты посмотришь на неё, потом мы выпьем, позавтракаем и поплаваем в заливе.

Он громко свистнул. Спустя пару минут за можжевеловыми зарослями послышались шаги, к нам подошёл молодой человек в светлой рубашке, рубаха белым пятном выделялась в темноте, и мой собеседник сразу повернул голову в сторону пятна:

— Петька, веди нас.

Петька поздоровался со мной и повёл моего нового знакомого вперёд вдоль набережной. Я стоял и смотрел им вслед. Я думал о том, что мужчину крепко держат ноги, он не хромает и не имеет других изъянов в походке, разве что кроме пьяного шатания. И почему я повёлся на его рассказ о ноге?

— Друг, ты где? — раздался крик впереди.

Меня ждали. Я ещё секунду постоял, соображая, а стоит ли, и попятился в сторону кустов.

Вероятно, мой знакомый начал требовать привести меня: слышались какая-то возня, выкрики, и примирительный голос просил успокоиться и сесть в машину.

Я зашагал прочь от набережной, в сторону мечети. Сначала я шёл по пустой трассе, потом сообразил, что так не пойдёт и меня может настигнуть Петька на машине, и свернул в какой-то переулок. Идти незнакомой дорогой в темноте было неуютно и страшновато. Небо начало сереть, и я мог разглядеть верхушки каких-то плодовых деревьев, изредка гавкала какая-нибудь собака во дворе, и из открытого окна предрассветный ветер выдувал белые занавески. Город собирался проснуться, моя голова была пуста, я брёл неизвестно куда, в душе призывая себя вернуться, но ноги продолжали идти, распиная шарики опавших плодов, иногда они давились и застревали в моих босых пальцах. Ощущение было не из приятных, но я продолжал идти.

Впереди показался призрачный свет газового рожка. Я зашагал быстрее — надо было сориентироваться, как найти дорогу к дому. Озираясь по сторонам, я ощутил себя совсем уж неуютно. В городке я привык ходить по центральным улицам, по набережной, и они выглядели вполне терпимо, по крайней мере ничего ужасного и страшного, ну иногда провалился асфальт или мусор забыли убрать, кое-где фасад домов облупился. И только. Да, возле рынка было много мусора. Но люди прощали это, рынок — он вопрос стихийный, отходов много: коробки, гниющие овощи и фрукты, но дважды в день рынок метут и мусор, пусть нечасто, пусть не весь, но вывозят. В этом же переулке всё было по-другому. Это была изнанка жизни, так сказать, повседневность городка, когда он перестаёт быть курортным: нештукатуренные стены, каменные развалины, заросшие бурьяном, мусор, гниющий и дурно пахнущий, никаких нарядных домиков, никакого асфальта на дорожке, сточных желобов. Тощая кошка шла через полоску света куда-то

по своим делам. Увидев меня, она приостановила шаг и удивлённо посмотрела, будто говоря: «И что ты делаешь здесь? Один? Ночью?» Я остановился и уставился на кошку, ещё мгновение, и она опрометью бросилась в ближайшие кусты. Я её напугал. Сделав ещё с десяток шагов, я опять очутился в полной темноте. Теперь меня уже начала волновать мысль о том, куда же идти дальше. Я остановился у какого-то заборчика — кажется, это был палисад. Я стал озираться: впереди полная темнота и неизвестность, сзади газовый рожок, а если быть разумным и вернуться назад, то набережная и знакомая дорога к дому. Я решил вернуться, ибо было совсем непонятно, с чего это я решил идти по незнакомому переулку и куда. Рассеянность после встречи с хозяином посуды прошла. Теперь мне всё показалось глупостью: и ночное сидение на набережной, и эта встреча у можжевельных кустов, и мой побег, и страх перед убогостью переулка. Захотелось спать. Это желание притупило всякие чувства; утренняя свежесть бывает и на юге; я поёжился и обхватил себя за плечи. Оказывается, переулочек поднимался в горку, поэтому возвращаться получилось быстрее — я почти бежал. Внизу, в начавших обозначаться очертаниях улицы я увидел группу людей — человек пять, кажется, это были подростки. Встреча на безлюдной улице с кем-то мне сейчас показалась опасной. Поэтому, недолго думая, я свернул в ближайшие заросли — надо было переждать. Они поднимались вверх по переулку, шли медленно, что-то обсуждали. Я невольно прислушался.

— Серго сегодня был и смотрел на наше выступление. Записку вот оставил, кому сколько.

— А сколько всего заработали? — прозвучал вопрос басом.

Я боялся поднять голову и посмотреть на ребят — мне показалось, что уже достаточно светло и меня могут заметить. Я лежал, зарывшись лицом в траву, в голове крутилась одна мысль: «Какого чёрта?» Я не знаю, к чему она относилась, но вопрос неотвязно всё повторялся и повторялся. Какими-то глупыми и неожиданными получались все мои предыдущие поступки, такими несуразными, что я даже уже стал сомневаться, со мной ли всё это происходит, а если со мной, то почему я здесь и зачем именно я?

— Пять, — был деловитый ответ.

Парни прошли мимо, стукнув какими-то деревянными палками. Их голоса растаяли в утреннем воздухе. Было уже совсем светло, когда я выбрался из травы. Наверное, часов пять или около того. «Должно быть, первые купальщики сейчас побегут к морю», — подумал я и бросился на набережную. На неровных плитах песчаника я сбросил одежду, секунду подумал, а снимать ли плавки, потом стянул и их, нырнул. Прохладная вода обняла моё тело, я поплыл быстро, не оставиваясь. Море смыло ночных знакомых, ночные страхи и вопросы. Домой я возвращался мокрым, усталым, но довольным. Улыбка блуждала по моему лицу. Я знал, что сейчас я приду, выпью кваса из запотевшей трёхлитровой банки, лягу спать, а проснусь совсем другим человеком, знающим ответы на все вопросы, понимающим, как жить дальше.

Глава 5

Рассказы о Ларе были для меня неприятны.

Но я ожидал чего-то подобного. Или нет? Или я надеялся, что необъяснимое очарование встречи с Ларой, обернётся чем-то сказочным?

Нет, ни свадьбой, ни долгими отношениями я не собирался продолжать наше знакомство. Я ждал, что она станет для меня приключением, поможет растаять всем угрызениям совести, которые иногда посещали меня при воспоминаниях об Оле, а потом, я привык делить постель с кем-то, иначе казался себе неудачником. В моих мыслях она была танцовщицей, случайно отдавшейся мне, то есть тем, кем была и на самом деле, я не испытывал каких-то завышенных ожиданий, не предъявлял ей требований. Не только потому, что не имел на это права, а просто потому, что предъявлять какие-то требования кому-то я попросту не умел. Я не видел в ней друга, я не представлял её матерью моих детей. Она с ангельской простотой выпорхнула ко мне из брызг фонтана и осталась ненадолго. Как долго продлится это «ненадолго», я не задумывался. Она не была музой, но приносила вдохновение и смысл, рядом с ней ощущалась жизнь со всеми её биениями и радостями.

Лара манила, звала, толкала. Я ничего не нарисовал за последние месяцы, я даже не приступил к тому, о чём мечтал. Не было селёдки рядом с цветочным кашпо, не было чайки над морем. Не было медитации с кисточкой над древним артефактом, не было песка

под отросшими ногтями. Рядом с Ларой я перестал грезить о чём-то. Возможно, я нашёл, что искал, и большего не надо.

Обрело ли моё существование смысл или только стало бессмысленным? Не знаю. Но дни, проведённые без неё, я считал прожитыми напрасно. Всё это время я как будто спал глубоким тяжёлым сном и всё никак не мог проснуться. Так спят во время болезни, с высокой температурой, когда и спать больше не можешь, и проснуться нет сил.

Лара вернулась вчера вечером. Заглянула ко мне в форточку и сказала:

— Пойдём домой, я пиццу заказала. — Вот и всё: просто «пицца», просто «домой».

И остальное вдруг стало настолько нелепым, что на выяснение подробностей не хотелось тратить ни время, ни слова.

А сейчас она стояла за занавеской и скручивала из волос пучок. Утренние лучи делали занавеску почти прозрачной и скользили по обнажённому ладному телу танцовщицы. Волосы из пучка всё время вырывались, но Лара трогательно-заботливо продолжала скручивать и заправлять их под резинку. Растопыренные локти помогали удерживать равновесие, Лара стояла на цыпочках и заглядывала в высоко висящее зеркало. Маленькие острые груди и плоский живот приводили меня в волнение. Мне хотелось сорваться с измятой кровати, схватить Лару в охапку, целовать и любить, не останавливаясь ни на минуту, опять и опять, чтобы непокорный пучок всё время рассыпался, а её припухшие от поцелуев губы шептали: «Ещё! Ещё!» Я был уже

готов осуществить задуманное, но набежавшая туча заставила померкнуть лучики солнца на Ларином теле. За занавеской она стала похожа на обычную мрачную тень, копошащуюся и что-то задумавшую. Одновременно она стала для меня неинтересной. «Потаскуха! Обычная содержанка и потаскуха!» — со злом подумал я.

— Лара, а с кем ты жила до меня?

Лара вздохнула, как если бы сожалела о чём-то. Свой печальный взгляд она прятала от меня, постоянно переводя глаза в самый тёмный угол комнаты, и мне казалось, что в том углу она видит свою жизнь. Вероятно, эта её жизнь была не такой, как обещал Серго, но она манила её обещанием сбыться. Радужные надежды, быть может, уже несколько потускнели, но всё равно казались привлекательными. Я внимательно слушал рассказ, удивляясь, как тяжело он даётся рассказчице.

— Всё было хорошо. Я танцевала в его кафе, зарабатывая деньги и популярность, он занимался своими делами. Какими? Меня это не особо заботило. Да, иногда я была его сообщницей в каких-то аферах, но я всегда чувствовала себя в безопасности, знала: он никогда не сдаст меня, он сделает так, чтобы моё имя не было связано с чем-то плохим. Так было всегда. Я верила ему, даже в каких-то вещах больше, чем себе, ведь он опытнее и смелее. В городе у Серго было много точек — рынок, ещё рынок, мастерские по ремонту обуви, лавки, где делали и продавали сувениры, прогулочные катера и много чего ещё. Я даже, наверное, не знаю всего, чем он занимался. А потом эта его яхта!

Лара продолжала рассказывать о подаренной яхте, восхищаясь и размахивая руками. Я видел, что тот подарок Серго произвёл на неё неизгладимое впечатление, у меня даже закралась мысль, что мне первому

она рассказывала о яхте, — таким эмоциональным и живым был её рассказ. Бедная девочка! Ей даже не с кем было поделиться своей радостью, казалось, что со мной первым она делилась своими переживаниями. Я отвлёкся, позволив Ларе рассказывать о корабле долго и с подробностями.

Сам же я судорожно пытался понять, что связывало этих двоих. Всё, что она говорила, рисовало в моей голове довольно безрадостную картину. Я знал, что девочки нередко влюбляются в плохих парней. Зло всегда притягательно. Но когда она говорила о Серго, в её глазах не было и намёка на любовь. Только тихая грусть и усталость — это всё, что я смог угадать на её лице.

— Он грузин? — сам не знаю, почему я спросил об этом. В конце концов, какое мне было дело до его национальности?

— Нет! — рассмеялась она. — Это прозвище, которое он получил ещё в детстве. У него фамилия Сергеев. И рос он на улице Орджоникидзе.

— Забавно, — хмыкнул я, на самом деле не видя в этом ничего забавного. Школьные прозвища действительно часто дают по фамилии. Но я никогда не встречал людей с такими революционными кличками. Только ли фамилия стала поводом? Или характер тоже? Мне захотелось лучше понять этого человека.

— Лара! — прервал я поток её воспоминаний. Признаться, я её уже совсем не слушал, понимая, что женщина может рассказывать долго, и мне было не жаль потраченного времени, пусть бы она и дальше говорила, но мысль вдруг промелькнула в моей голове.

— Лара? А у тебя есть фотография Серго?

— Серго или с Серго? — спросила она тревожно. Кажется, она испугалась, что зашла слишком далеко

в своих рассказах о любовнике. Хотя меня сейчас это совершенно не беспокоило. Ни ревности и уколов уязвленного самолюбия. Только желание понять, чем он так привязал её к себе.

— Какая-нибудь его фотография есть?

Лара виновато вздохнула и пожала плечами:

— Есть, наверное.

Она достала свой телефон и стала там копаться. Минуты через две протянула мне его:

— Вот!

Я посмотрел на тёмную фотографию: крупным планом была снята Лара в купальнике, она сидела в шезлонге, позади неё стоял мужчина в солнцезащитных очках. Лица было не разглядеть, к тому же на него падала тень, поэтому даже видимые черты лица были нечёткими: он мог быть и брюнетом, и блондином, определённо высокий, спортивного телосложения. Больше ничего сказать про него было невозможно. Даже и эти признаки, которые я смог выделить, рассматривая фотографию, были неточными — многое могла исказить камера.

— Это Серго? — задумчиво спросил я и посмотрел ей в глаза. Лара согласно кивнула головой.

Я протянул ей телефон:

— А других фотографий нет?

Лара в напряжении смотрела на меня. У меня закрадась мысль, что такие фотографии есть, но мне их не очень хотят показывать.

— Каких «других»? — с вызовом спросила она.

— Ну, обычных фотографий на фотобумаге, — ответил я как можно мягче, боясь, что Лара спросит, зачем они мне. Мне не хотелось, чтобы она меня спрашивала, потому что и сам точно не знал зачем.

— Нет.

Между нами повисло неловкое молчание, я понимал, что спросил о чём-то, о чём было запрещено говорить, она же (так по меньшей мере показалось мне) понимала, что о прошлом нужно либо молчать, либо рассказывать обо всём без утайки. Мы оба нарушили правила игры — надо было как-то разрядить ситуацию. Но я стал в голове вертеть догадку, что она мне чего-то недоговаривает, Лара же, вероятно, ругала себя за излишнюю болтливость.

— Я сварю кофе? — спросила она после затянувшейся паузы.

— Свари, — машинально протянул я.

— Ты говорила что-то про игрушку, которую подарил тебе Серго?

Лара молчала, только ложечка в джезве размешивала кофе.

— Ну, про корабль? — напомнил я миролюбиво. Мне показалось, что что-то я пропустил в её рассказе, может быть, важное. — Ты им пользуешься?

В моих словах была ирония, и слово «пользуешься» было избрано мною не зря. Ибо, конечно же, Лара не умела управлять плавсредствами. Мне так казалось. А может, я чего-то не знал про неё?

— Как пользуюсь? — переспросила она меня, постукав ложечкой о металлический край. — Ты меня совсем не слушал, что ли?

Я понял, что и правда пропустил какое-то событие из её рассказа.

Кофейная шапочка надулась парашютом над краями джезвы. Я с удовольствием смотрел, как Лара ловко сняла сосуд с плиты, потом она нагрела две маленькие чашечки над газовой горелкой, разлила в них сливки,

добавила корицы и осторожно добавила горячую густую жидкость из джезвы. По комнате поплыл вкуснейший аромат заботы и любви — аромат свежесваренного кофе и коричных булочек. Надо же так умудриться — одним напитком придать напряжённой ситуации правильное направление!

— Нет, слушал, — произнёс я с нажимом, принимая из рук Лары маленькое блюдо.

— Слушал? — Она рассмеялась. — Тогда скажи, куда девалась яхта?

— Куда? — Пришла моя очередь смеяться.

Лара, прижмурив глаза, с удовольствием пила кофе. Я последовал её примеру. Не знаю почему, но именно сейчас я подумал, что какое-то время назад, какое-то совсем недолгое время назад на моём месте был Серго. Он, точно как и я, пил кофе с корицей, сидя вот на этой кровати, может быть, даже постельное бельё было то же самое. Так какая же ей разница: я или Серго? Или разница есть? Я понял, что зря не дослушал её рассказ.

— Лара, извини, но я как-то задумался. — Пришлось признать свою вину, если я хотел услышать весь её рассказ.

— Задумался, — проворчала Лара и поставила пустую чашку на пол у кровати.

— Задумался, — повторил я и тоже опустил чашку на пол.

Мы обнялись. Странное дело: этой ночью мы почти не спали, но спать совсем не хотелось.

— Твоё сердце такое шумное, что даже в животе его слышно, — прошептала она, прижимаясь щекой ко мне.

Я вспомнил, что на том месте, где была голова Лары, полагалось быть прессу, и напряг мышцы. Лара засмеялась и повернулась на спину:

— Даже так слышно, как стучит.

— Это кофе, — задумчиво проговорил я и запустил руку в Ларины волосы. Они были мягкие и щекотные. Я начал скручивать хвост, как недавно делала сама Лара.

— А может, ты волнуешься? — иронично спросила она.

— Может, волнуюсь, — как можно более безразлично повторил я её слова, потому что, похоже, что и правда — волновался.

— Так вот, я отдала корабль в аренду Серго.

— Серго? В аренду? — Я совсем не ожидал такого поворота.

— Ну да. А зачем он мне?

— Зачем человеку корабль? — задал я риторический вопрос.

— Зачем? — Она играла со мной. — А Серго его использует для дела.

— А в чём тогда был смысл подарка?

— В чём смысл? — Лара на секунду задумалась. — А что, должен быть обязательно смысл? Серго просто хотел сделать красивый жест. И у него это получилось — я тогда была на седьмом небе от счастья.

— Любит спецэффекты, значит? — протянул я. — А кто владелец корабля? Ты?

— Я! — засмеялась Лара.

— А ты не думала, что он может проворачивать какие-то противозаконные дела на нём, а ответственность будет потом твоя?

— Ты мыслишь исходя из постулата, что все люди — подлецы. А Серго не такой. Он какой угодно, но не подлец, по меньшей мере по отношению ко мне. — Лара была убеждена в своей правоте. — Просто налоги плачу я, правда, теми деньгами, что даёт он мне.

— Ты берёшь у него деньги?

— Да, он платит мне за аренду.

— За аренду его же собственного корабля?

— Минуточку! — Лара жестом показала, что возражать не стоит. — Кораблик мой!

Спор приобретал черты бесполезности. Моя девушка отказывалась видеть в чёрном чёрное. И ко всему прочему она убеждала меня называть чёрное белым.

— Дорогуша, ты вывернула всё так, как тебе выгодно. Ладно бы ты рассказывала мне, что имеешь какие-то права на этот корабль, но, я вижу, ты и сама в этом убеждена.

— Конечно, конечно. — Лара рассмеялась. — По документам он мой. Но если говорить о сути, то корабль Серго. Но кому нужна суть, если формально он мой? Так ведь?

Она игриво заглянула мне в лицо. Казалось, что эта перепалка доставляет ей какое-то удовольствие. Она сбивала и путала, сама попадала в свои же сети, выпутывалась и принуждала путаться меня. В итоге мы сошлись на том, что корабль и правда её.

Вечером, когда мы гуляли по набережной, она показала мне его. У берега стояли яхты. Ближе — маленькие прогулочные, чуть поодаль — крупнее. У некоторых был собственный причал с витиеватой табличкой и строгой надписью «Частная охраняемая территория». Среди всех судёнышек выделялось одно: оно было масштабным и красивым. Даже не так. Оно было красиво страшной красотой: почти военный корабль, схожий с консервной банкой своей строгостью и непроницаемостью, но манящий и заставляющий рассматривать его бесконечно долго, как бесконечно долго хочется

держать в руках какое-то страшное, но в настоящий момент совершенно безопасное оружие. Проходя мимо, невозможно было не залюбоваться. Он словно сошёл с обложки какого-то журнала о последних новинках техники.

Так же сильно я лишь однажды впечатлился техникой, когда в детстве вблизи увидел самолёт. Лара держалась одной рукой за металлический заборчик, ограждающий причал, а другой поправляла волосы. Она громко смеялась над моими дурацкими шутками, целовала меня в кончик носа и, кажется, была абсолютно счастлива.

А потом Лара снова пропала. Без объяснений, без прощаний, не оставив даже записки. Просто однажды утром я проснулся один. Сначала я решил, что она ушла ненадолго: в магазин, на рынок... да мало ли, куда она могла уйти. Но она не вернулась ни к вечеру, ни на следующее утро. Не вернулась совсем.

Поначалу я не слишком беспокоился. Попробовал пару раз позвонить, но её мобильник был отключён. К вечеру я почему-то решил, что она обиделась. Чем я мог её обидеть, я не знал и понять не пытался. Потому что на собственном опыте знал, что причины для женских обид могут быть самые неожиданные.

К вечеру я испугался всерьёз. Всю ночь бродил по улицам в надежде увидеть её где-нибудь среди загулявших курортников. Но её нигде не было. В голове всплывали жуткие картинки и сюжеты криминальных новостей. Я изо всех сил старался не думать о самом страшном... но думал всё равно. Я искал её на набережной, обошёл все кабаки, добрался до больницы.

И каждый раз, не найдя её, вздыхал с облегчением. Потому что на самом деле я не знал, что страшнее: правда или неизвестность.

А под утро, когда почти рассвело и небо над городом стало тревожно-серым, я нашёл её.

Совершенно потерянный и опустошённый, я шёл домой из отделения полиции. Заявление о пропаже они, конечно не приняли, да я и не надеялся. Я знал, что по закону должны пройти хотя бы сутки. Но ждать ещё несколько часов просто не мог.

Сонный дежурный с пустыми глазами отшил меня стандартными фразами и посоветовал подождать. Легко сказать: подождать! Но других вариантов у меня всё равно не было...

Я шёл домой, припрятав в сердце маленькую надежду, что Лара вернулась, пока меня не было. Свернув на нашу улицу, я заметил незнакомый автомобиль, припаркованный напротив калитки. Этот красивый новенький BMW точно не принадлежал никому из наших соседей. Но в первый момент я не придал ему особого значения, так как курортный сезон был уже в разгаре и новые отдыхающие могли приехать в любое время суток.

Но не успел я пройти и пятидесяти шагов, как увидел Лару. Она вышла из калитки с небольшой спортивной сумкой через плечо и, закинув её на заднее сиденье автомобиля, села вперёд. Мягкий хлопок закрывшейся дверцы прозвучал для меня, как выстрел.

Больше искать мне было некого. Ждать нечего. Я не стал даже выяснять, чья это была машина. Я и так знал, что это был Серго.

В этот вечер я напился. Кажется, последний раз я так напивался только на школьном выпускном. Мне

казалось, что в моём животе огромная чёрная дыра. И я всё лил и лил в неё виски. Но дыра была настолько огромная, что заполнить её было невозможно. Я пил и не пьянел.

Если честно, я так и не смог потом вспомнить, с чего всё началось. Но в ту ночь в баре я познакомился с двумя парнями — Янисом и Мишей. Выпили, разговорились, ничего особенного.

А на следующее утро Миша позвонил мне по телефону. И я с удивлением узнал, что прошлой ночью дал торжественное обещание отправиться с ними в Мексику.

Оказалось, что ребята — археологи. И сейчас они как раз собирают экспедицию на какие-то раскопки. Миша что-то долго и с воодушевлением рассказывал мне о древнем городе Паленке, об индейцах майя, о Янисе. Я почти его не слушал. Я был согласен ехать куда угодно, лишь бы только подальше от этого города, от Лары и от Серго.

Мне было плевать на цель поездки, на зарплату и на всё остальное. Палящее солнце, горячий песок, мир древних тайн и загадок — всё это манило, как свет в конце тоннеля. Это был какой-то новый удивительный мир, мой шанс стереть из памяти всё, что связывало меня с Крымом. И упускать его я не хотел.

Глава 6

Я посмотрел в иллюминатор: землю скрывала белая плотная пелена, даже не верилось, что мы в небе, показалось, что мы путешествуем в толще какой-то молочной реки с кисельными берегами. Я достал из кармана впереди стоящего кресла какой-то рекламный журнал и бесцельно пролистал его несколько раз. Закрывая каждый раз последнюю страницу, я понимал, что ничего из просмотренного и мельком прочитанного в моей голове не осталось, и повторял процедуру заново и заново, пока не увидел, что моя соседка наблюдает за мной с любопытством. «Волнуюсь, длинный перелёт!» — бросил я ей как бы между прочим, она понимающе кивнула мне в ответ.

На самом деле ничего общего с волнением во мне не происходило, просто переживание возможно неверного шага не давало мне шанса успокоиться и беззаботно подремать хотя бы недолгое время. Как только я закрывал глаза, я снова видел Лару, снова слышал выстрел-хлопок автомобильной дверцы.

Самолёт вынырнул из густых облаков, засияло солнце. Не прошло и двадцати минут, как стало жарко, я задёрнул шторку и откинул кресло назад. В самолёте было тихо — наверное, все спали, моя соседка тоже сидела с закрытыми глазами. Самолёт шёл ровно, и мне захотелось пройтись по салону, но потом я подумал, что придётся тревожить остальных соседей, поначалу — чтобы выйти, потом — чтобы пробраться на своё место,

и передумал. Тишина и мерный гул двигателя настроили меня на спокойные мысли, я стал вспоминать, как получилось, что сейчас я лечу на другой край света.

Янис оказался хозяином «Лагуны», он был очень спокойным и рассудительным, и я был ему безмерно благодарен за то, что он пригласил меня пожить на его корабле, пока не будут готовы все документы, необходимые для нашего отъезда.

Возвращаться в свою квартиру мне тогда совсем не хотелось. Вначале я с опаской отнёсся к его предложению подняться на борт корабля, но потом, после некоторого колебания, согласился. Нет, Янис не смеялся надо мной, не упрекал в неразборчивости и не учил жить, он был прост и надёжен. Новый знакомый рассказал мне о корабле, выделил место в каком-то хозяйственном помещении, чистом, но заставленном холщовыми мешками, предложил сухую смену белья и брюки с тельняшкой.

— Понимаю, что это не самая лучшая одежда, в ней вряд ли ты пойдёшь гулять по улице, но она чистая и сухая, а это то, что тебе сейчас необходимо. Твою одежду я отнесу в прачечную, её простирают и высушат, а потом можешь отправляться по своим делам. — Янис был деловит, чувствовалось, что он не раз был в сложных ситуациях, поэтому знал, что человеку необходимо прежде всего.

Мы пообедали какой-то совсем простой едой: помидорами, чёрным хлебом и куриной грудкой. От вина я отказался; вероятно, Янис понял причины моего отказа и принёс кружку с зелёным чаем. Мы помолчали, а потом он стал рассказывать про Мексику. Он рассказал мне несколько легенд, одну причудливее другой, и я загорелся по-настоящему. Теперь я уже не просто

хотел сбежать из Евпатории — я действительно с нетерпением ждал встречи с Мексикой.

Но мне предстояли хлопоты и траты, а денег и времени было в обрез. Я честно сказал об этом Янису. Немного подумав, он сказал, что поможет мне с работой, чтобы подзаработать на билет и перелёт.

— Что ты умеешь делать? — Я совсем забыл, что ничего не рассказывал новому знакомому о себе.

— Я архитектор, могу проектировать и чертить, дизайн и реклама тоже хорошо получаются, — в нескольких словах прорекламировал я себя.

— Это хорошо. — Янис что-то обдумывал, а потом хлопнул меня по колену. — Это даже очень хорошо. Я возьму тебя в свою компанию инженером по технике безопасности, нам как раз только его и не хватает. Сделаем тебе рабочую командировку в Мексику на сто семьдесят дней. Согласен?

— Да... — протянул я, совсем не понимая, на что соглашаюсь.

— А сейчас я найду тебе работу до сентября. — Он начал набирать номер на телефоне. — В октябре мы выдвигаемся.

Янис помог мне с работой — я должен был отрабатывать типовой микрорайон в Севастополе. Заказчик торопился и за качество и скорость должен был заплатить мне пять тысяч долларов, эта сумма меня вполне устраивала. Я принялся за работу — что-что, а типовая застройка была мне как родная, я мог чертить её с закрытыми глазами, даже не видя местности и не слушая различные «но» от заказчика, потому что знал, что в конечном счёте он пожелает увидеть.

Остаток августа я прожил на корабле Яниса, меня никто не беспокоил. Сам Янис был очень тихим

человеком, на весь день он уходил куда-то, около пяти вечера возвращался, и мы купались, ужинали, он рассказывал мне о своих приключениях в разных археологических экспедициях. Оказывается, он этим жил и существовал. На причале я почти не показывался, а если и выходил куда-то, то только в сопровождении своего нового товарища. Странное дело, но о Ларе я почти в те дни и не вспоминал.

Чтобы оформить документы, мне всё-таки пришлось съездить в Москву. Перед отъездом я заглянул на свою старую квартиру. Мои вещи оставались там, к тому же жильё было оплачено только до первого сентября. На квартире всё было спокойно, казалось, что моего отсутствия тут никто и не заметил. Я собрал свои вещи, от некоторого груза пришлось избавиться, потому что слишком накладно было тащить его с собой в Москву. В столице мне надо было оформить визу и купить билеты, все приготовления не должны были занять более двух недель, а потом можно было вылетать.

К вечеру я стоял уже наготове, можно было отправляться на вокзал. Я позвонил хозяйке жилья, она должна была явиться с минуты на минуту и забрать ключи. Я размышлял, надо ли подниматься к Ларе. Здравый смысл мне подсказывал, что не надо, но какое-то сентиментальное воспоминание тянуло меня в квартиру наверху. Расцеловавшись с хозяйкой и пообещав ей вернуться следующим летом, я вышел на площадку. Лара шла мне навстречу. Она возвращалась, вероятно, из магазина — в руках у неё была сумка с продуктами.

— Уезжаешь? — спросила она меня буднично, словно ничего и не произошло.

— Да, — резко ответил я.

Мы прошли мимо друг друга, как чужие люди. Я вышел на улицу. Она поднялась на свой второй этаж, я слышал, как гремел ключ, открывая дверь.

Я сел на скамейку возле старого орешника. Всё было неправильно, нелепо и непонятно. Но выяснять отношения у меня не было ни малейшего желания.

Зажглось табло предупреждения, по громкой связи нас попросили пристегнуть ремни, мы вошли в зону с сильным встречным ветром, и самолёт чуть потряхивало. Мы подлетали к Канаде.

Моя соседка проснулась и включила какой-то мультфильм на видеосистеме. Она похлопала меня по руке, предлагая один наушник, но я отказался и достал ещё какой-то журнал. Буквы заскакали перед глазами, лёгкая тошнота подступила к горлу, я инстинктивно нащупал плотный прямоугольник мешочка для тех, кому срочно стало плохо, он был в обычном месте. Пришлось откинуться и закрыть глаза.

— У меня есть таблетки от укачивания. Хотите?

Она протянула мне маленький блистер. Я вынул одну круглую горошину и торопливо запил её водой. Она тоже приняла одну.

— Спасибо! — Я благодарно улыбнулся и ответно похлопал соседку по руке.

— Меня зовут Тала, — с улыбкой сказала женщина.

— Нестор, — кивнул я в ответ.

Я выпил яблочный сок, принесённый мне стюардом, изучил инструкцию по безопасности. Сомневаюсь, что кому-то она помогла, но заботливо была разложена в каждый карман кресла. Получалось, что аварийные люки были справа и слева от нас. Я чуть привстал,

чтобы рассмотреть их, и увидел, что весь наш ряд впереди занимают только кубинцы, я был один светлокожий. Хотя ещё вон та девушка — она тоже привсталала и смотрела в мою сторону... Я застыл от неожиданности. В полумраке летящего лайнера мне показалось (или это было правдой?) лицо Лары. Я ещё раз взгляделся — определённо было очень похоже. Девушка отвернулась и, пробравшись между кресел, исчезла где-то в бизнес-классе. Я, потрясённый, смотрел ей вслед и пытался успокоить себя мыслью, что мне показалось. Здравый смысл заставлял меня преследовать её, но ноги отказались слушаться, к тому же опять засигналило табло и раздалось требование пристегнуть ремни. Я занял своё место, клацнув застёжками ремней. И сколько бы я ни вытягивал шею, мне никак не удавалось рассмотреть то место, с которого она встала.

Тала объявила, что мы пролетаем над Штатами. Я, чтобы отвлечься от мыслей о Ларе, отодвинул шторку и стал смотреть в окно. Облака рассеялись, и стали видны отдельные детали поверхности. Мне казалось, что я вижу крыши небоскрёбов, хотя, конечно, это была скорее моя фантазия. Как некоторое время назад в какой-то незнакомой пассажирке я увидел Лару. У меня созрел план: для этого надо было как можно скорее пробраться к тому месту, где сидела вероятная Лара, и попытаться поменяться с кем-либо местами, а потом удостовериться в своей правоте или ошибке.

— Через двести километров будет Гавана! — объявила Тала.

Я удивился и попросил её пропустить меня.

— Мы же скоро начнём снижаться, — возразила она мне.

— Очень надо! — прошептал я извиняющимся тоном.

Свободных мест не оказалось. Многие пассажиры спали, и мне стало как-то совсем неудобно их будить. Но место ушедшей девушки пустовало и будоражило мою нервную систему. Я решил дожидаться возвращения пассажирки. Прошло минут двадцать, но никто не приходил. Я почувствовал, что самолёт начал постепенно снижаться, — надо было возвращаться на своё место. Я прошёл по салону самолёта к своему креслу и, прежде чем сесть, ещё раз посмотрел вперёд. Девушка стояла возле своего кресла, но, странное дело, она уже не казалась мне похожей на Лару. Я мысленно обругал себя за мнительность.

— Скажите, Тала... вы уже бывали в Мексике? — решил я отвлечься на свою соседку.

— Я оттуда родом, — сказала она.

— А какая там погода в это время года?

— Погода? — Тала была не прочь поговорить. — В сентябре ещё сыро, но в октябре будет чудесная погода. Некоторые говорят, что в Мексике стоит отдыхать именно в октябре. Сезон ураганов и тропических ливней заканчивается. Это, знаете, как в России после десяти дней ливней, когда наконец-то приходит солнце, — тепло, немножечко влажно, хочется жить и дышать, но по привычке всё ещё нет-нет, да и прихватишь с собой зонт. Но, по нашим меркам, тепло никуда и не уходило — там плюс тридцать на улице, и вода такой же температуры. Все отели очень радуются, потому что «низкий» сезон заканчивается, все ждут туристов, которые привезут работу и деньги. А ещё двенадцатого числа у них большой праздник. Точно не помню, как он называется, но они празднуют открытие Колумбом Америки.

В Штатах это празднуют — ну и они тоже празднуют, ведь мексиканцы тоже «американцы», соседи по континенту. Я была один раз на параде в честь Колумба — весело очень, фейерверки, песни, красочные костюмы. А вы туда надолго?

— Как получится, — почему-то вздохнул я. — Месяца на три, может, больше...

— Счастливчик! — перебила меня Тала. — Самое лучшее время в Мексике захватите. Уж поверьте мне! С вами такого больше никогда в жизни не случится!

Соседка заговорщицки подмигнула мне. «Да уж!» — подумал я про себя. Пятиться было поздно.

Наш лайнер опустился ниже облаков и выпустил спойлеры — появилась знакомая, заставляющая душу холодеть вибрация. Я сжал ручки кресла, очень давило на уши, начала болеть голова. В иллюминатор были видны плантации и посёлки, разворот побережья и маленький аэродром. Картинка была очень мирной и влекущей, на какой-то миг я даже перестал бояться дрожания самолёта, рассматривая аккуратные квадратики полей, перемежающиеся маленькими прямоугольниками жилищ. Но вот мы коснулись земли и быстро, преодолевая сопротивление ветра, покатались по посадочной полосе. Я видел, как мелькает серый бетон дорожки, и благодарил Всевышнего за удачный полёт. Пассажиры в салоне радостно захлопали в ладоши. Команда корабля прощалась с нами на трёх языках, я отметил для себя среди них испанский — именно его звуки мне предстояло слышать следующие несколько месяцев.

Мы покидали самолёт, проходя через бизнес-класс. Я ещё раз посмотрел на место, где сидела девушка, которую я принял за Лару, но кресло было пустым. «И ладно!» — сказал я себе и тут же забыл о произошедшем.

Тала шла следом за мной. По телетрапу мы попали в здание аэродрома. Дальше наш караван из прилетевших должен был разделиться на два потока: одни направлялись в Гавану, другие же шли на паспортный контроль, чтобы продолжить своё путешествие в Мексику. Тала окликнула меня, когда я уже шёл по коридору на регистрацию:

— Ола, Нестор!

Я обернулся. Тала улыбалась мне:

— Нестор, если у вас будут какие-то вопросы... ну, или, не дай бог, конечно, проблемы, вы можете рассчитывать на мою поддержку и помощь моей семьи.

Она протянула мне бумажку с адресом и телефоном. Я благодарно улыбнулся в ответ.

В тот момент мне казалось, что это лишнее, что мы с ней больше никогда не увидимся, но бумажку с координатами не выбросил, а положил во внутренний карман куртки. Было как-то грустно расставаться с Талой. Я ещё раз посмотрел ей вслед. Она, конечно, не была фарфоровой статуэткой, но определённая привлекательность в ней существовала.

Глава 7

Объявили регистрацию на рейс Гавана—Канкун. Я выдохнул с облегчением: вместо объявленных трёх часов ожидания пришлось ждать шесть. Вылет постоянно переносили, и я порядком устал. Хотелось уже оказаться на месте.

«Интерджет» оказался стерильно-белым внутри, я даже опасался вначале сесть в кресло, но, видя, как спокойно делают это другие пассажиры, решил не показывать никому свою провинциальность. Подсветка делала салон самолёта похожим на огромную операционную. Странное дело, но мне понравилось внутри, пришло ощущение покоя и безопасности. Салон самолёта был оснащён плоскими экранами, на которых на двух языках (английском и испанском) демонстрировали инструктаж по технике безопасности. Перед взлётом пришлось заполнить две бумажки — миграционную карту и таможенную декларацию. В графе «цель поездки» я подумал и написал «туризм», а там, где требовался адрес места жительства, я аккуратными буквами списал адрес, выданный мне Янисом. Ни то, ни другое не соответствовало действительности, но об этом знал только я. Бортпроводник вежливо взял из моих рук бумажки и с сильным акцентом поблагодарил: «Thank you!»

Я пристегнул ремень. Ещё несколько минут, и Куба осталась внизу, впереди меня ждала Мексика.

Перелёт до Канкуна оказался для меня очень лёгким и незапоминающимся. Я решил не рассматривать пассажиров, не разговаривать с соседями. Как только шасси оторвались от земли, я достал из гигиенического пакетика маску для сна, натянул её и моментально заснул. Мне ничего не снилось, никакие мысли не крутились в моём уставшем мозгу. Просто уснул, а потом проснулся. Самолёт шёл на снижение. Я взглянул на часы: наш полёт длился не более полутора часов.

После паспортного контроля и получения багажа мне предстояло решать, как быть дальше. Чётких инструкций Янис мне не давал, связь мы должны были держать по телефону. Пришлось купить местную телефонную карту и начать вызванивать его. Для начала я отправился в ближайшую гостиницу. Такая нашлась сразу на площади близ аэропорта. Заплатив несколько долларов, я снял место в общей комнате на четырёх человек сроком на два дня и надеялся как можно скорее добраться до места раскопок. Но Янис не отвечал на мои звонки. Пришлось ждать, самое главное в чужой стране — не впадать в панику, поэтому я принял душ и лёг поспать. «Ждать нужно уметь», — внушал я себе, лёжа в тишине пустой комнатки. Соседей у меня пока не было, и я этому был рад. Действительно, ведь пока ничего не случилось и можно было отдохнуть, а потом, на свежую голову, решать, что делать дальше. Я погрузился в глубокий сон. Не знаю, сколько времени прошло, — может, несколько минут, а может, и несколько часов, — но проснулся я от стука в дверь. За окном светило яркое солнце, а в дверь кто-то тихо, но настойчиво стучал. Я торопливо натянул шорты и открыл дверь. Горничная протягивала мне какой-то конверт и, кланяясь, повторяла мою фамилию: «For

Mr Ge! For Mr Ge!» Я нашарил в кармане доллар — это, должно быть, было много для чаевых, но более мелких денег у меня не нашлось — и протянул его женщине.

Письмо было от Яниса:

«Нестор!

Мы задерживаемся, тебе придётся немного пожить одному. Отправляйся в Четумаль, там сядешь на автобус до Мехико через Паленке, выйдешь в Паленке, там тебя встретит наш человек и проводит до твоего места жительства. Не задерживайся. Он будет ждать тебя каждый день в часы прибытия автобуса в течение трёх дней. Не теряй времени даром. Янис».

Я с облегчением вздохнул — наконец моё будущее существование в Мексике несколько прояснилось. Оставалось гадать, как Янис сумел разыскать меня в гостинице, если он сам ещё далеко от страны. Это было, конечно, странно, но ещё интереснее было то, как записка, написанная «от руки» и по-русски, попала в эту мексиканскую гостиницу. Я собрал вещи и пошел на ресепшен. Вопросы задавать было бесполезно — я попробовал и оставил эти попытки. Мексиканцы смотрели на меня непонимающими глазами, их английский был ужасен. Я попробовал говорить с ними на испанском, который учил в детстве, но их изумлённые глаза стали ещё более непонимающими. Конечно, деньги, что я заплатил за жильё, мне никто и не подумал возвращать. Я несколько посетовал на их жлобство себе под нос, но спорить не стал — они-то были не виноваты, что мои планы изменились, поэтому не должны были нести убытки. На выходе из гостиницы меня догнала девушка портье, она на ужасном английском стала мне объяснять, что, пока я спал,

в гостиницу позвонил какой-то человек и продиктовал своё письмо. В это время в зале был какой-то русский — он, мол, и записал. Я пожал плечами. Мне с трудом верилось в эту историю, хотя, с другой стороны, — почему бы и нет? Я спросил девушку про автобус в Мехико через Четумаль и Паленке. Она согласно закивала головой. В нескольких метрах от гостиницы находилась автобусная станция, где можно было купить билеты. Я взял самый дешёвый, хотя по моим скудным средствам и он был весьма недешёв. Ехать надо было сутки — я весьма пожалел, что не смог остаться в гостинице дольше и отоспаться как следует. Но человек в невиданном мною Паленке мог ждать всего три дня — приходилось торопиться.

Позавтракав в ближайшей кофейне какой-то лепёшкой с острой фасолью и запив всё горячим капучино, я погрузился в подъехавший автобус с надписью «Мехико». Пассажиров было немного, но все они были шумными и разговорчивыми. Речь лилась бесконечно, я даже пожалел, что не могу вступить в диалог и хотя бы таким образом, но скоротать дорогу. Я неотрывно смотрел в окно, проплывавшие мимо пейзажи были не столько интересны, сколько необычны. Автобан с хорошим покрытием проходил среди бетонных ограждений, обрамлённых густой растительностью и пальмами. Тут и там виднелись какие-то белые башенки, снаружи похожие на маяки, небольшие магазинчики и домишки с острыми крышами, редкие прохожие были одеты просто, если не сказать бедно. Иногда мелькало что-то интересное, что хотелось рассмотреть внимательнее, но быстро пропадало, и однотипный пейзаж из пальм, камней и бетона продолжался. Я заметил, что вдоль дороги много

разных надписей, — возможно, это были дорожные знаки или реклама, — под их монотонное мелькание я и уснул. Проснулся от повторяющегося слова «паленке». Водитель автобуса повторил его несколько раз, приглашая желающих покинуть автобус. Я быстро сообразил, что к чему, и вскочил с места — не хватало мне ещё проехать остановку! Водитель засмеялся и подождал, пока я доставал свою сумку из багажной сетки.

Снаружи было темно и как-то влажно. От этого казалось, что прохладно. Я поёжился. Меня никто не встретил. Идти пришлось наугад.

Я шёл торопливо, потому что вспомнил: ночь здесь наступает мгновенно, практически минуя стадию сумерек. Мне совсем не улыбалось бродить по тёмному тропическому лесу, пугаясь каждого шороха и вскрика дикой птицы. Когда совсем стемнело, я почувствовал запах костра и увидел лагерь. Судя по всему, это и было то место, которое я искал. Кажется, его обитатели собирались на вечернюю трапезу. Вот засветились вдалеке лампадки над самыми дешёвыми бунгало. Мне хотелось броситься бежать к обжитому месту, и, немного помедлив, я так и поступил.

В лагере было тихо и светло, но людей видно не было. В оцепенении я провёл несколько показавшихся мне очень долгими минут. Видно было, что совсем недавно ужинали: большой кухонный стол был накрыт, а посуда находилась в беспорядке. Двери некоторых домиков были открыты, и лёгкий ветер раздувал занавеси. Гамаки были пусты. А костёр в центре территории чуть дымился. Я негромко крикнул: «Эй!», но голос мой в тишине показался звонким и испуганным. Должно быть, где-то среди деревьев

сидела обезьяна или ещё какое-то животное, которое я побеспокоил своим криком. Сверху на меня посыпались листья и мелкие ветки. Я поднял лицо вверх, но увидел лишь непроглядную темноту, скрывающую от меня верхушки деревьев и жизнь в них. Надо было что-то делать. Я нашёл кухню, расчистил себе на столе место и отправился искать ужин. В больших кастрюлях на плите были каша и тушёные овощи. Я положил себе немного. Бряканье посуды в тишине казалось очень громким, поэтому шаги за спиной я слышал сразу.

Какой-то человек стоял недалеко от меня, призывно махал рукой и улыбался.

Я махнул ему в ответ. Мужчина подошёл ко мне и стал настойчиво дёргать за рукав. Увидев его лицо, я растерялся и на мгновение потерял дар речи. Смуглое лицо этого парня было покрыто ярким, довольно вульгарным макияжем. Думаю, что моё свирепое «Что?» не произвело на него никакого впечатления, — он мычал что-то и тянул меня от стола. Его накрашенное лицо не внушало мне доверия, к тому же я хотел спать, поэтому я выдернул руку и продолжил ужин. Размалёванный недолго постоял за моей спиной, его вздохи я ощущал своим злым и тревожным затылком. Когда каша в миске закончилась, я оглянулся, но пространство лагеря было всё таким же пустынным, а паренёк исчез. Второму обстоятельству я был очень даже рад. Наверное, было бы правильнее поговорить с ним. Вполне возможно, что у него была для меня какая-то важная информация. В конце концов, я даже не был уверен, что ужинал в своём лагере! Но его накладные ресницы и ярко-красная

помада на губах... должен признаться, что всё это сбило меня с толку. Чёрт его знает, что в голове у этого чокнутого!

Конечно, спать одному в пустом лагере среди джунглей было очень неудобно, но я не видел другого выхода, поэтому отправился к ближайшему гамаку. Слушая жужжание комаров, мне удалось задремать. Сквозь неглубокий сон я расслышал, как наполнялся постояльцами лагерь, кто-то прошёл мимо, чуть качнув мой гамак; можно было наконец-то предаться настоящему ночному сну.

Первым, кого я увидел утром, был Миша. Тот самый Миша, который был с Янисом в баре в ночь нашего знакомства. Он сразу же познакомил меня с обитателями лагеря. Почти все они были участниками нашей экспедиции. Кроме Эдиса — того самого странного мужика, который приставал ко мне ночью.

Миша объяснил мне, что Эдис — муше*. Это совсем не то же самое, что геи и трансвеститы. Он сказал, что здесь муше — это что-то вроде третьего пола. Хотя, если честно, разницы я так и не понял.

Поначалу я было решил, что Эдис — это что-то вроде разнорабочего при лагере. Он привозил еду, занимался уборкой и всё время что-то ремонтировал.

* Муше — традиционная социальная категория в культуре сапотеков (южная Мексика), выходящая за рамки бинарного гендера. Это мужчины по рождению, которым присущ женский образ жизни. Общество сапотеков воспринимает гендерную флюидность муше как природное явление, а не как сознательный выбор.

Но очень скоро я был удивлён новостью о том, что весь этот лагерь был его собственностью, и он сдавал его туристам и археологам, почти так же, как у нас сдают обычные турбазы.

Но, кажется, настоящей хранительницей этого очага была Эмма. На вид ей было около пятидесяти, может, меньше. Её приветливое смуглое лицо было щедро помечено улыбочивыми морщинками. Но такие морщинки — это скорее признак весёлого нрава, чем возраста. Эмма довольно неплохо говорила по-русски, общаться с ней было легко и приятно.

Этот день стал днём великого переселения. С самого утра в лагере стояли шум отъезжающего транспорта, треск мотоциклов и разноязычный гомон. Честно говоря, смотреть на это всё мне не хотелось. Когда суматоха несколько улеглась, я уселся на своей зыбкой колыбели и осмотрел окрестности.

Миша уехал куда-то по делам экспедиции. Народу в лагере действительно стало меньше, но фигура Эммы по-прежнему суежилась на кухне. Я умылся, сменил футболку и отправился на завтрак — надо же было разузнать о происходящем и принять решение о дальнейших действиях.

Эмма поставила передо мной миску с кашей и чашку кофе.

— Эмма, что происходит? — спросил я с набитым ртом.

— Высокий сезон, — пробурчала кухарка. Она задумчиво тёрла тряпкой мой стол. — Теперь народу будет много, только успевай прибираться.

— Это что? — опять поинтересовался я, всё ещё не понимая ситуации.

— Это значит, что ценник теперь будет другой. Дешевизна закончилась. В Мексике начинается курортный сезон, и всякие странники пропадут, а заедут состоятельные жильцы. Они будут требовать низко кланяться и развлекать себя. Те, кто сейчас живёт в домиках, переедут под навесы и в гамаки. Кстати, твой гамак уже арендован и оплачен на два месяца вперёд. Поэтому — доедай, и Эдис отвезёт тебя на остров.

Я оглянулся на свой гамак. Возле него уже стоял Эдис — он держал мою дорожную сумку и улыбался мне приветливой улыбкой. Я отвернулся и продолжил есть кашу.

— Эмма, а где все вчера были? Я вернулся, а тут такая пустота.

— А ты не знаешь? Была вечеринка в честь отъезда постоянных жильцов. Так всегда. У нас есть десяток жильцов, кто постоянно живёт в нашем гестхаузе в низкий сезон, а в высокий переселяется на побережье. Они устроили прощальную вечеринку, пригласили танцовщицу и угощали всех местным пивом — вот народ и подтянулся. Жаль, что тебя не было, — там было на что посмотреть.

Я вспомнил о Ларе и несколько секунд думал о ней. Я представил, что в сыром, почти зимнем Крыму она в данный момент могла исполнять свой танец в фонтане. Картинка была очень живой и заставила меня испытать нечто похожее на угрызения совести.

— Девочка так здорово танцевала в фонтане, народ был доволен, просили ее танцевать ещё и ещё, — продолжила свой рассказ Эмма.

— Да? — Чашка кофе застыла в моей руке. Я во все глаза смотрел на рассказчицу.

— Да! — подтвердила Эмма.

Я усилием воли удалил из своего воображения танцующую Лару. «Это простое совпадение, — сказал я себе. — На свете есть множество девушек, которые могут танцевать в фонтане».

— Когда мы едем? — как можно более непринуждённо спросил я кухарку. Мне самому было неприятно, что упоминание о некой танцовщице вызвало у меня воспоминания о Ларе, — что-что, а тосковать о ней сейчас не входило в мои планы.

— Уже совсем скоро. Я закончу с кухней и провожу вас.

Эмма проворно засновала между кухней и столовой. Я смотрел, как она торопливо относила посуду в мойку, и пил уже почти остывший кофе. Вот она сняла передник и махнула мне рукой. Мы направились к моему гамаку.

— Нестор, а ты уверен в своих поступках? — вдруг спросила меня Эмма.

— Что? — Я сделал вид, что не понял её вопроса, хотя на самом деле только тем и занимался, что непрестанно сомневался в правильности избранного пути.

Вопрос кухарки был слишком сложен для неё. Какое ей было дело до меня и моих колебаний? Я с подозрением покосился на её грузную фигуру. Она вышагивала рядом со мной, и лицо её было простым — таким простым видится лицо сельской женщины, когда она спрашивает о здоровье или погоде.

— Ну, ты правда хотел сюда приехать и делать то, что будешь делать?

— Да! — ответил я быстро, чтобы не вдаваться в размышления и обсуждения. — Да, хотел.

— А я вот иногда жалею, что приехала сюда. — На секунду взгляд её стал очень задумчивым.

— Я — нет, — сказал я уверенно. — Я приехал сюда работать и через несколько месяцев вернусь в Россию, — произнёс я, хотя внутри меня шевельнулось какое-то сомнение. Зачем мне возвращаться? Кто меня там ждёт?

— Правильно, — после некоторого молчания произнесла Эмма. — Возвращаться надо всегда. Обязательно!

Я поднял рюкзак с вещами, принял из рук кухарки корзину с провиантом и отправился вслед за Эдисом. Сегодня он выглядел как мужчина, на его лице не было и следа макияжа; я отметил, что тело его крепкое и жилистое, руки уверенно выполняли мужскую работу: отвязывали лодку, грузили мой багаж.

— Сегодня Эдис другой, — иронично заметил я.

— На острове не любят муше, могут избить, — пояснила Эмма.

— Да? А я думал, что здесь свободные нравы.

— Свободные для туристов, а для своих везде по-разному — на острове он может пострадать.

У берега стояла незатейливая лодка, что-то рукодельное — наверное, из бамбука или ещё какого-нибудь лёгкого материала. Эдис сел на вёсла, я устроился на единственном пассажирском месте.

— Надеюсь, мы не утонем по пути? — Я махнул рукой Эмме.

— Не утонете! — Она смеялась и давала какие-то наставления Эдису на испанском. — Там у тебя будет моторная лодка, чтобы добираться до Паленке.

— Но я не умею пользоваться лодками! — крикнул я Эмме, когда мы уже отплыли от берега.

— Научишься! — уверенно ответила она мне.

Весло в руках мексиканца сновало быстро и ловко, мы спешно удалялись от берега. Я видел, как Эмма скрылась среди деревьев, и пожалел, что её не будет на острове. Я уже успел к ней привыкнуть. К тому же её присутствие давало мне ощущение уверенности среди незнакомых мест, языков и нравов. Теперь этого у меня не будет — придётся привыкать и выживать. И считать дни до отъезда.

Глава 8

Я жил на острове уже две недели. Две недели непрерывного труда, чертежи и споры.

Как только я прибыл на остров, все события начали разворачиваться быстро, я даже не предполагал, что работать придётся так много. Как оказалось, ребята уже давно изнывали от безделья. Янис никак не мог нанять на работу подходящего человека, а тут я прибыл — и жизнь в посёлке исследователей ожила.

Меня поселили в маленьком двухместном домике вместе с Мишей. Оказывается, он был историком, просто помешанным на Мексике!

Как я понял, раскопки были не совсем легальными, хотя разрешение на исследовательскую деятельность у артели было. Ребята рассказали мне, как однажды Миша наткнулся в какой-то библиотеке на груды книг, предназначенных к утилизации. Списанные книги лежали кучей на полу в лингвистическом университете где-то в Иркутске, Миша там проходил практику. Среди трудов Ленина и Маркса на русском и английском, между вымпелами соцсоревнований и старых подшивок «Сельской нови» ему попала невзрачная книжонка под названием «Словарь философии» под редакцией самого Сталина, ещё довоенное издание. Миша решил, что этот словарь — нечто редкое, и унёс его домой. Прошло сколько-то лет, и Миша отчего-то решил полистать забытую книжку. Там,

среди полустёртого шрифта и чёрно-белых картинок он и обнаружил английскую открытку, рассказывающую о Мексике. На открытке значился городской адрес, и Миша отправился на поиски адресата. Адресат не нашёлся по причине смерти, потому что времени прошло много с тех пор, как открытка была получена, но родственники подарили Мише папку усопшего. Именно там, в этой папке Миша и нашёл сведения о заброшенных храмах в Паленке. Идея раскопок возникла у него сразу, но денег на поездку не было, поэтому он отправился в Старый Крым с группой студентов. Там-то он и познакомился с Янисом, и они решили объединить свои усилия. Янис давал деньги, людей, жильё, Мише оставалось только произвести раскопки и обогатить Яниса. Сам же Миша был неалчным человеком, ему большее удовольствие приносил сам процесс, где-то в глубине души он, вероятно, надеялся сделать своё открытие известным всему прогрессивному человечеству, но Янис был непреклонен — он согласился спонсировать Мишу только в условиях полной конфиденциальности.

Так были наняты я и ещё несколько человек. Все мы были разных национальностей, комплекции и привычек. То, что объединяло нас, было желанием заработать. Только Миша, одержимый идеей найти чудо, выбивался из наших стройных рядов. Среди компании было пятеро мексиканцев, они выполняли самую трудную работу — копали и носили землю, ворочали камни и делали то, что остальные делать не соглашались.

Двое поляков выполняли плотницкие работы. Был ещё подрывник, в его национальности я сомневался, но говорил он по-английски. Я составлял

чертежи храмов, пытаясь найти наиболее опасные места и предотвратить осыпание грунта и другие опасности. Ну и Миша. Итого нас было десять человек. Думаю, что Яниса считать не стоило, потому что, как я узнал из рассказа Миши, к нашим исследованиям на острове он присоединиться не сможет. У Яниса давно возникли какие-то неприятности с местным законодательством, что-то касаясь налогов и землепользования, — чтобы избежать тюрьмы, Янис подписал некий документ, разрешающий ему приближаться к побережью Мексики не более чем на одну морскую милю. За соблюдением закона следила полиция, поэтому корабль Яниса по прибытии всегда стоял на расстоянии двух километров от суши и сообщаться приходилось лодками. По моему мнению, это было величайшей глупостью, но прибытия Яниса все ожидали с нетерпением — именно он должен был принять решение о старте раскопок. А пока каждый день, посещая заброшенные храмы в джунглях, мы могли только производить измерения.

Я целыми вечерами в течение двух недель только тем и занимался, что строил чертежи предполагаемых храмовых залов, потом Миша рассматривал их часами и ставил красные крестики в местах предполагаемых гробниц. Эти занятия убивали всё светлое время суток, так что я даже не мог осмотреть остров.

Наконец-то все возможные чертежи были составлены, плотники приготовили материалы для строительства, мексиканцы наточили до блеска свои кирки и лопаты, верёвки были множество раз проверены на прочность, подрывник рассчитал микродозы взрывных зарядов, мы были готовы начать раскопки.

Но корабль Яниса всё никак не появлялся. Каждое утро муше, привозивший еду и воду на остров, отрицательно качал головой. Мы продолжали ждать и в сотый раз вести подсчёты. Мексиканцы часто уплывали на моторке в деревню, возвращались пьяными и всю ночь слонялись по посёлку. Поляки играли в карты и курили, они всё время приставали к Мише с предложением поиграть в карты на его исследовательский материал, на что нервный Миша кричал и матерился. Я решил побродить по острову — от безделья даже это занятие казалось интересным, тем более, готовясь к раскопкам, я не успел ничего осмотреть. Составить мне компанию никто не согласился.

Остров, на котором мы жили, не значился ни на одной карте. Да и островом его можно было назвать с трудом. Когда-то, ещё до приезда падре Алехандро (так звали отца Яниса), из моря торчала только одинокая скала, в этой скале какой-то чудак вырубил себе дом и жил там отшельником. Скалу местные называли Лу, что это значило и почему именно «Лу», сейчас уже никто не знает. Когда приехал падре Алехандро, он купил себе небольшой завод по переработке мусора. Что-то завод перерабатывал, а что-то — нет. Технологии тогдашние не позволяли всё перерабатывать. И мусора у завода скопилось очень много, и тогда отец Яниса нанял американскую компанию, и она стала затапливать этот мусор у скалы Лу, что со временем привело к образованию небольшого острова. На остров завезли почву и песок и основали деревню с именем скалы — Лу.

В деревню падре Алехандро привёз несколько десятков людей и построил им дома. Теперь эти дома располагались ровно посередине острова, образуя

единственную улицу. С одной стороны улицы стояло поселение археологов, с другой высились скала Лу и дом, вырубленный в ней. Сейчас в деревне жило мало людей — по моим подсчётам, не более десяти семей, а может, и того меньше. Маленькие домики частично имели неухоженный вид и выглядели заброшенными, в некоторых домах всё же жили люди; когда я проходил по улице, они с любопытством смотрели на меня в окна и через заборы. Странное дело, но детей на улице вообще не было. Не слышно было смеха или музыки, что обычно сопровождает мексиканцев, этот жизнелюбивый неунывающий народ.

У последнего дома я свернул к скале. Пришлось идти в гору, что было не очень удобно — песок постоянно осыпался под моими ногами. Когда до дома в скале оставалось совсем немного, каких-то несколько десятков метров, путь мне преградил высокий забор. Вероятно, хозяин не желал иметь никаких контактов с местными. Да и стоило этого ожидать от человека, который устроил себе дом в открытом море, на одинокой скале. Думается мне, он был весьма недоволен, когда падре Алехандро соорудил свой остров вокруг жилища отшельника. Я прошёл вдоль забора, преграждающая стена была капитальная — если не иметь под рукой лестницы, то преодолеть ее было невозможно. Забор обрывался у самой кромки воды. Я дошёл до края и заглянул в воду. Здесь резко начиналась глубина, никаких прибрежных наносов не было, океан бился прямо о забор. Я почувствовал какую-то дурноту, было неприятно сознавать, что если ребёнок или животное из деревни решит пробежаться вдоль забора, то сразу утонет, оборвавшись у последней

штакетины прямо в омут. Я направился в обратный путь, чтобы осмотреть оставшуюся часть изгороди на противоположной стороне. Здесь забор был несколько жизнерадостнее, его второй конец утыкался в скалу. Прямо у скалы в заборе была маленькая дверца — вход. Я внимательно осмотрел его: ни ручки дверной, ни глазка, ни звонка, ни даже простой щели для писем и газет видно не было. Хозяин забора основательно отгородился от мира. Я направился обратно в лагерь. Прежде чем повернуть на деревенскую улицу, я оглянулся. На меня смотрел ухоженный, выкрашенный забор — это означало, что за ним была жизнь.

Вечером, когда мы лежали с Мишей в нашем домике, собирались спать, но я решил его расспросить об острове. С его слов выходило, что отец Яниса был здесь фигурой почти культовой.

— «Падре» его называли потому, что он был религиозным человеком, старообрядцем. Он привёз сюда свои порядки, носил бороду, ходил в косоворотке, подпоясавшись простой верёвкой. Ты видел его фигуру на том конце улицы? Так это один в один он.

— Нет, не обратил внимания, — ответил я рассеянно.

— Ну, ещё обратишь!

— Все жители в деревне двухмакушечники и носят фамилию Луис — по названию острова.

— Двух... что? — удивился я.

— Двухмакушечники. Отец Яниса имел своих тараканов в голове. Он всех людей делил на три категории: шишкарки, двухмакушечники и яйцеголовые. Яйцеголовые были обычными людьми с овальным черепом без особенностей — их падре Алехандро считал

безликими и приспособленцами, от них можно было ждать чего угодно. Шишкарки имели как бы нарост на голове в виде шишки. Таких он называл глупыми, но если им вырезать шишку, считал он, то они станут обычными яйцеголовыми. Особо он выделял двухмакушечников. Есть такие люди, у которых... ну как бы две макушки на голове. Это места, где волосы растут, как на макушке. Парикмахеры знают, что таких стричь — одно мучение. Вихры. Таких отец Яниса выделял особо, потому что сам был двухмакушечником, — он считал их одарёнными, честными, красивыми. Именно двухмакушечниками он населил деревеньку Лу. Сейчас там живут их потомки.

— Они тоже двухмакушечники? — зевнул я.

— Ага, — пробормотал Миша.

Ночь накрыла остров. Я спал, а во сне продолжал размышлять, каким же необычным человеком был падре Алехандро. Под утро мне приснилось, что человек в косоворотке перебирает мне волосы в поисках второй макушки.

Утро началось с того, что мне в голову пришла свежая идея. Не знаю, совпадение ли со сном или у меня действительно было две макушки, но я понял, как минимизировать трудовые затраты при раскопках. Мы собирались исследовать три храма в одном храмовом комплексе в джунглях. Храмы располагались поблизости, и я решил сделать один подкоп, который будет иметь три разветвления. Весь следующий день я потратил на постройку чертежей, а потом вместе с Мишей и поляками отправились проверять предположения на местности. Измерив всё,

мы пришли к выводу, что такое решение будет самым оптимальным при раскопках.

Обрадованный находке, Миша разрешил мне два следующих дня провести в счастливом безделье. И даже выделил немного денег в счёт будущей оплаты. Я решил взять лодку и исследовать скалу с обратной стороны — очень уж мне хотелось увидеть дом в скале полностью. Лодка была маленькой и шумной, рёв её мотора был слышен издали. Но, поразмыслив, я решил отказаться от идеи с лодкой. Мне не хотелось тревожить хозяев и показывать в нашем лагере свой интерес к дому в скале. Поделился мыслями я только с Мишей.

— Знаешь, друг, на твоём месте я бы забыл про этот дом.

— Почему? — Мишины слова вызвали у меня ещё большее желание проникнуть на запретную территорию.

— Не знаю, но он какой-то странный. Хозяин там богатый чудака, говорят про него разное, но одинаково нехорошее. Зачем тебе неприятности?

— Так интересно же. Давай поплаваем вокруг скалы, а то я один боюсь как-то, — продолжал я гнуть свою линию.

— Я плохо плаваю и вообще боюсь воды, так что из меня плохой компаньон. Позови кого-нибудь ещё.

Было понятно, что осторожный Миша ни при каком условии не согласится проникнуть со мной на территорию странного дома.

Я опять отправился в деревню в одиночестве. Местные жители, как и прежде, глазели на меня в окна и из-за заборов. Мёртвая тишина, даже собаки не лаяли. Неприятное тягостное ощущение висело в полуденном воздухе. Само собой вспомнилось о падре Алехандро, Миша говорил, что его статуя находится где-то на другом конце улицы. Не сворачивая к дому в скале, я прямо продолжил свой путь через какой-то колючий кустарник. И действительно, за кустами была маленькая полянка, заботливо вычищенная и украшенная цветами в кашпо. Между двух скамеек стояла фигура маленького толстого мужичка в косоворотке, широких брюках, заломленных на носках сапогах и с верёвкой на поясе. Своими глазами навывкате он смотрел на приближающегося меня, и его борода, казалось, колышется на ветру. Правая рука фигуры была чуть поднята вверх, и указательный палец показывал ровно на дом в скале. Я уселся на одной из скамеек и стал смотреть в направлении указующего перста падре Алехандро — совпадение или нет, но мой взгляд упёрся в чердачное окно дома. Как только я перевёл свой взгляд на окно, лицо, смотревшее на меня из окна, пропало и опустилась тёмная занавеска. Игра ли то была моей фантазии или нет, но лицо мне привиделось женским. Значит, дом был обитаем.

Следующий день у меня опять был свободен. Вначале я хотел поехать на лодке в гестхауз к Эмме, чтобы порасспросить её об острове и доме в скале. Но мексиканцы и поляки уехали в Паленке на лодке до вечера, и невольно мне пришлось опять бродить по острову.

Я снова посидел у фигуры падре Алехандро, рассматривая чердачное окно, но было тихо, и вчерашнее явление женского лица в окне стало мне казаться миражом и фантазией. Я огляделся. За скамейками начиналась чуть заметная тропинка. Вероятно, ею пользовались нечасто и немногие. Трава была чуть примята в противоположном направлении от скамейки. Кто-то, как и я, посидев у фигуры, направился куда-то за деревню. Здравый смысл мне шепнул: «Иди в артель!», а ноги сами поволокли меня по тропе. Для меня было странным желать одного, а делать другое. Ничего подобного я раньше за собой не замечал. Пройдя метров двадцать, я вышел на прекрасный песчаный пляж. Он был безлюден, только маленькие птички сновали у самой кромки воды, вылавливая мошек. Я с удовольствием потянулся и закрыл глаза, шум океана выловил в моих воспоминаниях смолистый можжевелевый запах Крыма, казалось, через мгновение я услышу голос Лары, зовущий меня по имени. Но — ничего подобного. Только шум воды и шум ветра. Стянув с себя всю одежду, я плюхнулся в океан. Проплыл несколько метров, нырнул и вернулся на берег. Горячий песок принял моё тело, я зажмурился. Дремота то была или сон, только далеко в океане я увидел корабль. Сев от неожиданного видения, я опять всмотрелся в даль. Действительно, большой корабль дрейфовал неподалёку от нашего острова. Окунувшись в воду, чтобы смыть с себя песок, я быстро натянул шорты и помчался в лагерь. Надо было сообщить всем, что Янис, которого мы так долго ждём, уже тут.

В лагере Миша сидел над моими чертежами.
— Миша! — крикнул я на бегу. — Янис приехал!
— Янис? — меланхолично переспросил Миша и полез на обзорную вышку, с которой были видны весь остров и прибрежные воды.

Несколько минут он молчал, а потом протянул:

— Я ничего не вижу!

Я поспешно влез на вышку. Правда, ничего похожего на корабль в поле нашего зрения не было.

— Но я же видел! — Я был возбуждён отсутствием корабля, который только что явственно качался на волнах.

— Может, тебе приснилось? — Миша был до безобразия спокоен. — Или ты принял чей-то чужой корабль за корабль Яниса?

— А тут бывают ещё какие-то корабли?

— Ну, вроде нет. Или я их не видел. Чисто теоретически они могут проплывать где-то поблизости. Но я не видел.

Мы слезли с вышки и отправились к берегу — надо было встретить лодку из Паленке.

— А где ты увидел корабль? — спросил Миша, когда мы сидели на мостках, опустив ноги в воду.

— Там, на пляже, возле дома в скале.

— Ты опять там был? Мне не нравятся твои походы туда, я же тебя предупреждал.

— Не вижу ничего страшного, — засмеялся я. — Мне кажется, там есть женщина. Если она молодая, то можно разнообразить свои унылые будни здесь. Уж очень долго Янис не появляется.

— Там нет никаких женщин, там только хозяин, я же тебе говорил. Местные рассказывают странные истории о его нравах. Смотри не попади в историю сам!

Ни Мишины предупреждения, ни работы над чертежами не могли заставить меня позабыть о странном доме. С утра мы ездили в Паленке и следили за строящимся ходом, помогали мексиканцам — вытаскивали тяжёлую красную глину на поверхность и заказывали стройматериалы. После обеда для меня наступало свободное время. Мне очень хотелось отправиться на найденный пляж, но через деревню идти совсем не хотелось — я предпочитал совершать свои вылазки тайно и никого не посвящать в это. Поиски другого пути заняли у меня почти два дня, в конце концов я вечером взял моторную лодку и обогнул скалу со стороны нашего археологического посёлка. Оказалось, что скала гораздо больше, чем я предполагал ранее, с обратной стороны имелся просторный грот, где мог при желании разместиться корабль средних размеров, а кроме того, мне удалось заметить нечто наподобие тропы, идущей с противоположной пологой стороны через отверстие в скале и спускающейся вниз, на территорию, огороженную забором. Тропа должна была начинаться где-то на территории нашего посёлка, странное дело, что я её до сих пор не обнаружил. Вернувшись в артель, я отправиться на поиски тропы уже не мог — стемнело. Всю ночь я провёл в ожидании рассвета и, как только первые птицы подали свои голоса, отправился на поиски хода. Миша ворочался во сне и уходящему мне что-то пробормотал. Мне слышалось слово «карман», хотя, вероятнее всего, ему что-то снилось.

За многоместным домиком мексиканцев я нашёл дыру в заборе; впрочем, она была тщательным образом заделана. Металлический лист, прикрывавший прореху, казался вросшим в землю, я с большим трудом смог

приподнять его — оказалось, его не просто затолкали в дыру, а это была особая выдвигающаяся конструкция,двигающаяся вверх и вниз по желобкам. Кто-то когда-то, но, очевидно, очень давно пользовался этим устройством. Я воровато огляделся по сторонам — всё было тихо. Пришлось лечь на землю и протаскать туловище под металлической ржавой гильотиной, ещё мгновение — и я покинул территорию лагеря. Ещё усилие для того, чтобы опустить лист, и можно было искать тропу. Значит, территория лагеря и дом в скале когда-то сообщались. Этот факт, вначале показавшийся мне таинственным, по здравому размышлению легко объяснялся. Раз отец Яниса построил этот остров и был здесь известной личностью, то мог строить ходы какие угодно и куда угодно. Только было это достаточно давно. Я подумал, что могут быть здесь и ещё какие-то секреты, только раскрыть их мне было некому. Может быть, сын своего отца был и в курсе дела, но его, к сожалению, с нами не было.

Я прошёл на несколько метров вперёд в направлении, которое показалось мне тропой (не знаю, почему я решил, что это тропа, но именно в этом направлении трава росла несколько реже, чем рядом), и упёрся в выступ скалы. Дальше дороги не было. Я оглянулся назад. С этой точки весь лагерь археологов был как на ладони — если бы кто-то вдруг решил наблюдать за нами, то лучшее место было бы сложно найти. Мексиканцы проснулись и, сидя на крыльце, курили, их широкие обнажённые спины были черны от загара, через пару часов им предстояло продолжать разбирать камни храмов. Я увидел лодку Эдиса, плывущую в направлении нашего острова, и смог даже разглядеть бутылки с пресной водой и корзину с провиантом

на дне лодки. Весло Эдиса ритмично порхало из стороны в сторону. Я опять посмотрел на территорию лагеря: мексиканцы, вероятно, тоже заметили лодку и потянулись к причалу. Вот из нашего домика вышел заспанный Миша, он сделал несколько взмахов руками — что-то вроде зарядки — и тоже направился к причалу, попутно оглядываясь по сторонам. Кажется, он высматривал кого-то, может, даже и меня. Но надо было что-то предпринимать: либо возвращаться в артель, либо продолжать искать. Я выбрал второе, потому что сомневался, что ошибся в выборе направления, просто надо было ещё подумать и поискать. Присев у выступа, чтобы передохнуть, я опёрся спиной о скалу и почувствовал, что стена подвижна. Присмотревшись, увидел разные по величине камни, большие и маленькие — они, вероятно, закрывали ход. Выгребать руками камни было тяжело — между ними набился песок и проросла трава, — поэтому я решил вернуться сюда утром следующего дня, также на рассвете. Расчищать проход хотелось прямо сейчас, но нужно было отправляться в Пеленке, я опасался, что моё отсутствие в лагере могли уже заметить, я увидел, как Миша идёт к обзорной вышке, с которой вчера мы искали корабль. Я торопливо сбежал вниз со скалы и стал дёргать металлический лист, но тот был неподвижен. Я пожалел, что не взял с собой никакого инструмента. Это было непредусмотрительно — сейчас бы он мне помог разобрать завал и поднять лист. А так пришлось острым камешком и пальцами подкапывать твёрдую мексиканскую почву, чтобы ухватиться за край металла и дёрнуть его вверх. Через четверть часа я сидел за домиком мексиканцев и соображал, как более незаметно покинуть своё убежище.

Все завтракали. Эдис привёз кукурузные лепёшки, неизменную кашу с мясом и фрукты. Миша покосился на меня, но ничего не сказал. Поляки обсуждали какие-то свои дела. Гайс, подрывник, разминал вилкой очищенный банан. Эдис хлопотал у моторной лодки, переливая привезённый бензин.

— Слушай, а зачем я вам в Паленке? — я спросил, надеясь, что Миша разрешит мне прогулять сегодняшний день и я смогу пробраться на территорию у скалы.

— Ну как? — начал он занудливо. — Мы всё здесь работаем, это рабочий день, и мы должны быть вместе, делая общее дело.

Я понял, что «отпроситься» никак не получится. Миша был до крайности правильным — даже когда он чего-то не знал, то продолжал двигаться в правильном направлении, руководствуясь постулатом «так надо делать». Янис правильно подыскал себе кадры.

— Мне нужно позвонить домой, очень срочно надо. Здесь связь поймать невозможно, — придумал я причину «на ходу».

— Так из Паленке можно позвонить, — прозвучал вполне резонный ответ. — Там везде связь нормальная.

— Ты знаешь, я забыл записную книжку у мамочки Эм, — продолжал я вдохновенно врать. К моему счастью и несчастью всех остальных, на острове тоже не было мобильной связи, да и на материке телефон не всегда безупречно работал.

— У тебя есть записная книжка? — Миша сомневался.

— Да. Вот такой я старомодный.

— Ну, тогда приезжай после обеда. С утра мы как-нибудь сами...

Миша был недоволен, но мне было всё равно.

Я подумал, что поплыву с Эдисом, а когда вся экспедиция отправится в Паленке, попрошу Эдиса переправить меня обратно на берег, заплатив ему немного долларов.

Увидев меня в лодке, Эдис даже не выказал никакого удивления, только учтиво улыбнулся. Я улыбаться ему в ответ не стал. Мало ли что...

В гестхаузе было шумно. Туристы только что позавтракали и обсуждали планы на день. Между деревьев постоянно мелькали огромные туристические автобусы, увозившие людей на экскурсии. Сейчас мне больше всего хотелось увидеть Эмму и поболтать с нею про падре Алехандро и дом в скале, но её нигде не было видно. На кухне работали какие-то незнакомые молодые парни и девушки. Я боялся пропустить момент отплытия артели на работу, поэтому времени искать Эмму совсем не было.

Поймав Эдиса за локоть, я потащил его к тому месту, где стояла лодка, и пальцем указал на остров Лу. Но мексиканец отрицательно покачал головой. Тогда я достал из кармана бумажку в десять долларов и протянул ему. Сомбреро согласно закивало мне в ответ.

Итак, в моём распоряжении было приблизительно четыре часа, потом надо было отплывать в Паленке, дабы не вызвать гнева Миши. Только после того, как шляпа Эдиса достигла половины пути от острова до противоположного берега, я сообразил, что мне не на чем будет добираться в Паленке. Жаль, но, кажется, я первый раз нарушил трудовую дисциплину в лагере. Придётся объясняться с Мишей. Но сейчас

меня это совсем не заботило — мою голову занимали мысли о подходящем инструменте.

Территория лагеря была пустынна, только ветер тербил клеёнку на обеденном столе. Я постоял и послушал тишину. Возникло странное ощущение, будто я маленький мальчик и потерялся. Где-то в деревне пропел петух, напоминая мне, что совсем рядом, за забором, течёт чья-то жизнь, а мне необходим инструмент для совершения дела, последствия которого были непредсказуемы. Рядом с домиком поляков стоял сарай, в котором они обычно что-то пилили и точили. В гуде опилок под верстаком валялся какой-то тяжёлый инструмент, кажется, он применялся для вытаскивания гвоздей — гвоздодёр. Мне показалось, что это был приемлемый вариант. Ещё мне нужно было масло для смазки металлической заслонки, которая закрывала дыру в заборе, — я слишком намучился с ней утром. Удивительное дело, но я почему-то совсем не заботился о маскировке своих дел, мне казалось, что я действую правильно и открыто, пытаюсь проникнуть на территорию чужого жилища. Масла в сарае не оказалось, но я вспомнил, что есть бутылка растительного масла на кухне, оно тоже подходило. Итак, вооружившись бутылкой с маслом и гвоздодёром, я отправился на штурм скалы.

Камни из скального отверстия удалось выбить быстро. Я заглянул в образовавшуюся дыру, вниз от неё шёл желоб. Прихватив гвоздодёр, съехал вниз. Дыра не была входом в пещеру, она была пропускным пунктом, своеобразными воротами на другую, более пологую сторону скалы. Камни у самой кромки воды были огромными, я влез на один из них и стал

вглядываться в блестящий океанский горизонт. Чувство свободы и необъятности воздушно-водного пространства окрыляло. От камней в направлении скалы шла уверенная тропа, я направился по ней и остановился, только когда понял, что попал под какой-то каменный навес, эхо моих шагов стало гулким и громким. «Эй! Ho!a!» — крикнул я. «Ла! Ла! Ла!» — ответило мне эхо. Дальше пути не было. Я гвоздодёром простучал все стенки под навесом, осмотрел все камни. Ничего! Разочарование и опустошение прибили мой пыл. В сердцах я обозвал себя болваном и присел на какой-то камень. Камень был круглым и производил впечатление «неместного», то есть выделялся среди других камней какой-то округлостью и цветом, такой камень можно было найти в каком-нибудь песчаном карьере в России, а тут он лежал на берегу Тихого океана, очень далеко от моего дома.

Я подумал, что эхо, да ещё такое гулкое, не бывает просто среди камней. Отверстие должно быть или большое углубление. Я вернулся под каменный навес и поднял голову. Действительно, над моей головой была огромная дыра, но добраться до неё я не мог. Даже привстав на цыпочки, даже подпрыгивая, не удавалось дотянуться хотя бы кончиками пальцев до её краёв. «Камень!» — напомнил я себе. Несмотря на кажущуюся тяжесть, камень на удивление был подвижным. Я легко передвинул его под навес. Кажется, кто-то до меня очень часто и удачно использовал все эти приспособления. Но мои ухищрения не помогли мне осуществить задуманное — до краёв дыры я уже дотягивался, но подтянуться и влезть в неё не мог, как ни старался. Нужна была лестница. И, по моим предположениям, она должна была быть

где-то поблизости. Поиски результатов не дали. Пора было возвращаться в лагерь. Напоследок я решил проверить одну догадку: поднял гвоздодёр над головой и пошарил по краям отверстия, будто пытаюсь что-то выгрести. Неожиданно мне на голову вместе с мусором упала верёвочная лестница. Эта была удача — я приблизился ещё на шаг к дому в скале! Но после того, как я дёрнул верёвку, проверяя её на прочность, старые волокна оборвались и сухой соломой распались у меня в руках. Ветхость верёвки лишила меня последней надежды.

Я побрёл обратно в лагерь и лёг спать.

Глава 9

— Светлая девушка танцевала в фонтане. Её гибкие руки и стройные ноги создавали иллюзию льющейся воды, пупок, украшенный сверкающей бусиной, казался центром вселенной, сузившейся до размеров ночного бара. Она извивалась подобно змее под звуки неизвестного музыкального инструмента, звуки которого завораживали своей мелодичностью и заставляли сердце томиться и страдать. Вуаль, закрывающая самые интересные уголки её тела, казалась невесомой и должна была вот-вот упасть. Я никогда не видел ничего подобного. Знаешь, мне захотелось её, я никогда не покупал проституток, но она же не проститутка, её нельзя купить. Как думаешь?

Мишин рассказ меня совсем не трогал, я думал лишь о своей идее проникновения на территорию за высоким забором.

— Купить можно всё или почти всё. Тем более танцовщицу. Поверь мне, у меня был опыт.

— Но она, наверное, дорого возьмёт? — Миша, как и мы все тут, был небогат. Все деньги, что у него были, предназначались для содержания нашей компании, но и их приходилось экономно расходовать, ведь никто не знал, сколько ещё времени придётся ждать Яниса.

— Дорого. Но не обязательно деньгами.

— Да?

Даже в темноте я видел Мишины глаза — они горели огнём страсти — и вспомнил себя после встречи с Ларой. Почему самые страстные моменты в жизни мужчины всегда связаны с танцующей женщиной? Может в этом проявляется первобытность, или грех обнажённого тела так притягателен? У меня не было ответа.

— Зачем она тебе? — устало спросил я.

Миша и остальная компания приехали на остров очень поздно. Все были пьяные и возбуждённые. Они шумно разбредались по своим домикам. Только подрывник Гайс уселся рядом со мной за столик и протянул мне бутылку пива. Чин-чин! Зря я опасался, что кто-то начнёт выяснять, почему меня не было в джунглях. Оказалось, что сегодня в Паленке кто-то заметил кучу глины и камней, что мы извлекли из хода, и Мише пришлось давать объяснения, созваниваться с Янисом, короче — улаживать проблему. Потом мексиканцы вывезли глину на грузовике, а вечером наша компания случайно наткнулась на бар, где танцевала полуголая соблазнительница. Назавтра был выходной, поэтому все напились и засиделись допоздна. Ужин, привезённый Эдисом, я ел один. Миша не переставая рассказывал про танцовщицу, поляки что-то кричали у себя в домике, мексиканцев вообще не было видно. Пьяный Гайс спал на столе, положив голову плашмя между больших ладоней. На его шее устроилось несколько комаров, они напились крови вволю и не могли никак взлететь. Я прихлопнул их. Кровь Гайса размазалась по моей руке, я рассматривал её и слушал Мишины воспалённые речи.

— Зачем она тебе? Провести ночь? — повторил я свой вопрос.

— Ну... Ну, и это в первую очередь, — захлёбывался рассказчик. — Я не думал, что мне может понравиться девушка, которая умеет танцевать. Я всегда считал таких... ну, женщин, что ли, несерьёзными. А тут... Я прямо прозрел!

— Ослепни опять!

— Это ты зря. Ты её просто не видел!

— Танцовщицы все одинаковые. Переспи с ней и забудь, что это было в твоей жизни. Это у них только танец, в жизни они такие же, как и все остальные бабы. Неинтересные, заикленные на себе, скандальные, а некоторые ещё и мужиков ненавидят. Это для тебя их танец — развлечение, а для них — работа, кто же из нормальных людей любит свою работу?

— Я, например, люблю!

— Миша, работу надо оставлять на работе, пойдёшь и прими душ! Смой с себя этот негатив, будь добр.

— Да?

Я видел, что Миша не слышит меня. В нём проснулась пьяная обезьяна, которая хотела карнавала и жизненных удовольствий. Глядя на него, я видел себя после встречи с Ларой.

Было уже за полночь. После того, как вся артель стихла в своих домиках, я вышел за посёлок на деревенскую дорогу. В руке у меня был спальный мешок, а на голове — строительная каска с фонарём, я собирался заночевать на пляже, возле дома в скале. Маленькие домики скрывались в темноте, нигде даже луча света не было видно. Ни собаки, ни кота. Мои ноги в открытых сандалиях то и дело попадали в ямки с мягкой дорожной пылью, хотелось чихнуть, но я сдерживался. Дорога через деревню была коротка, я быстро её преодолел.

В конце улицы я свернул к пузатой фигуре падре. Тусклый свет фонаря высветил его указующий перст и скамейку. Я снял каску, чтобы быть в полной темноте и никак не выдавать своего присутствия, и присел на скамейку. Было совсем тихо, только было слышно, как океан катит свои волны. Никто мне не говорил, что на острове водятся дикие звери или, например, змеи, но сейчас, в темноте, я вдруг вспомнил об этом. Кто знает, кого я мог встретить на пляже, поэтому решил заночевать здесь, у ног падре Алехандро. Расстелив мешок за скамейками, так, чтобы скульптура защищала меня со спины, я немного поворочался, послушал ночь и уснул. Правда то было или меня уже укачал сон, но стоило мне смежить ресницы, как я услышал вздох. Такой лёгкий, невесомый, но наполненный печалью вздох. Должно быть, это падре Алехандро желал мне спокойной ночи.

Проснулся я, когда было ещё темно, но небо у горизонта уже окрасилось в розовый предрассветный цвет. Не знаю, что заставило меня открыть глаза так рано. Может, я замёрз, а может, что-то ещё. Первое, что я увидел, — это были ноги в башмаках прямо перед моим лицом. Вначале я вспомнил, что заснул у ног падре Алехандро, и успокоился, но потом, проморгавшись и вглядевшись в темноту, я понял, что башмаки настоящие. Я сел и поднял лицо вверх. Надо мной на постаменте вместо скульптурной фигуры сидел живой старик в косоворотке и вздыхал:

— Разночинец, обряда не соблюдающий, спать ложится как придёт. Церковный человек спать идёт, как в гроб ложится: моется, чистится, чистую рубаху надевает, молится. В моей деревне нет разночинцев! — И старик пнул своим ботинком спальный

мешок вместе со мной внутри. Это было так неожиданно, что я не смог сопротивляться. Мешок быстро катился с горки на пляж. Так что обнаружил я себя через некоторое время вниз лицом на белом песке пляжа. Рядом валялась жёлтая строительная каска с горящим фонариком.

Было светло, и птицы шумели у скалы.

Случаются сны как явь — проснувшись, ещё какое-то время не можешь понять: правда это было или нет. Даже бывает, и какое-то время пройдёт, а тебе кажется, что всё пригрезившееся было реальностью, и с трудом убеждаешь себя в обратном. Я перевернулся на спину. То место, куда пришёлся удар башмака, ощутимо болело. Я решил, что просто во сне ворочался, ударился о постамент и скатился вниз на пляж. Чтобы проверить свои догадки, я вылез из мешка и осмотрелся: пляж был таким же пустынным, забор странного дома — непроницаемым, а океан по-прежнему катил свои волны. Взбежав на пригорок и раздвинув колючий кустарник, я увидел фигуру падре Алехандро с указующим пальцем.

Надо было искупаться, чтобы стряхнуть с себя наваждение недавнего сна. Вода показалась холодной и не такой голубой и безмятежной, как вчера, — видимо, какое-то холодное течение зашло в залив. Купание не доставило мне удовольствия. Я выбрался на берег и натянул на себя одежду, надо было возвращаться в артель. Миша уже, наверное, проснулся и искал меня. Бросив последний взгляд на пляж, я направился к деревне. Но на пригорке, почти у самой скульптуры падре что-то потянуло меня оглянуться на океан. От удивления и неожиданности я дважды закрыл

и открыл глаза — неподалёку от скалы дрейфовал корабль. Как мне показалось, это был тот самый корабль, который показывала мне Лара с причала Евпатории! И кажется, именно его я видел несколько дней назад...

Флажки на флагштоках трепетали, и лучи солнца дробились о сверкающие бока судна. Я передумал уходить. Хотелось узнать, что произойдёт дальше, ведь не мог же корабль просто так приближаться к скале и, постояв, отправляться прочь. Чей он? Совпадение ли это? Зачем-то же он сюда заходит! Это не вызывало сомнений.

Я был далёк от мысли, что люди на корабле просто рыбачат или отдыхают во время дрейфа судна, мне казалось, что непременно должно что-то произойти. И это «что-то» произошло. С судна спустилась лодка, и человек в ней стал быстро приближаться к берегу. Как только до берега осталось несколько метров, корабль издал какой-то звук и отправился к горизонту, человек в лодке махнул рукой и спрыгнул в воду. Одной рукой он тащил лодку к берегу, а в другой нёс какой-то ящик. Почему-то я решил, что этот человек — хозяин дома в скале, и решил с ним познакомиться. Надо было что-то сказать. Я судорожно стал подбирать слова.

— Hola! Soy Nestor. Soy un arqueólogo, — произнёс я заготовленную фразу, когда незнакомец приблизился ко мне.

— Hola, Nestor! Soy Ernan!

Что говорить дальше, я не знал. Человек выжидательно смотрел на меня и улыбался.

— Soy de Rusia. Yo no hablo español.

Незнакомец рассмеялся:

— Veo!

Мне было приятно, что он улыбается мне, но о чём говорить дальше, было непонятно. И вообще, было как-то странно, что я пристаю с разговорами к человеку, которого совершенно не знаю, а главное — цель разговора. Зачем я с ним заговорил? Потому что корабль, на котором он приплыл, показался мне знакомым? Да мало ли похожих кораблей на свете?!

Незнакомец был приблизительно сорока или чуть больше лет, коренастый, загорелый, спортивный, его безупречная ровная улыбка ослепляла. Он походил на молодого конкистадора, в нём на расстоянии чувствовалась порода.

Мы стояли друг напротив друга и улыбались. Первым молчание нарушил Эрнан:

— Ven a visitar! Mañana!

Кажется, меня позвали в гости. Завтра. Я согласно закивал головой. Вот я и попаду в этот странный дом и познакомлюсь с его хозяином! Радость переполняла меня, попытки пробиться через скалы сейчас показались мне смешными.

— Adiós! — крикнул я вслед уходящему конкистадору. Хозяин дома в скале помахал мне рукой в ответ.

Зачем мне нужен был этот дом? Чем он меня так заинтересовал? Кажется, ответ был очевиден: мне как архитектору понравилась идея постройки, а потом, этот ореол таинственности и недоступности манил и лишал здравого смысла. В некотором роде дом Эрнана и сам его хозяин стали для меня тем, чем стала для Миши танцовщица из бара.

В посёлке все собрались за обедом, в этот раз вместе со всеми сидел и Эдис. Он ковырял кашу в миске, а завидев идущего меня, радостно замахал руками.

— Ты где пропадал? Мы было уже подумали, что ты утонул! — Миша был наигранно сердит. — Вон даже Эдис отказывался плыть обратно, пока не увидит тебя.

— А что, есть кому какое-то дело до нас?

— Конечно. — Миша удивился моей непосвящённости. — Янис строго следит за тем, чтобы все были на месте и здоровы. Ему проблем своих хватает.

— Тогда — извините! — Я принялся за обед.

— А где тебя носило? Ты опять ходил на пляж за посёлком? — шепотом начал Миша.

— Угу! — согласился я с набитым ртом. — Хозяин дома пригласил меня в гости, завтра пойду.

— Какого дома? В деревне? Странное дело: они ни с кем, кроме своих, не общаются. Как это ты сумел?

— Да нет! Дома в скале. Я сегодня встретил его на пляже. Его зовут Эрнан. И он пригласил меня завтра в гости.

— Повезло. Ну, раз завтра ты в гостях, то давай сегодня съездим в город, сходим в бар и посмотрим на танцовщицу. — Казалось, Мишу совсем не интересуют мои новости, он слишком был увлечён собственными переживаниями.

— Ладно! — Мне было всё равно, чем заниматься сегодня, меня щекотало предвкушение завтрашней встречи, и сейчас я готов был согласиться на что угодно.

До вечера мы занимались благоустройством посёлка. Поляки решили соорудить полати под навесом, чтобы можно было полежать в тенишке в особо жаркие

дни. Вечером Миша надел свежую рубашку и чистые шорты.

— Ты деньги взял? — спросил я его, намекая, что платить придётся не только в баре, но если повезёт, то и танцовщице.

— Нет, у меня же нет денег, — искренне удивился Миша, — заплатим за пиво, и всё.

— Станный ты человек, Мишутка, — принялся я наставлять, — женщины любят тех, кто с деньгами. Возьми из общественных денег, после зарплаты вернёшь обратно.

— Нет, так нельзя. — Миша хотел быть честным.

— Ну а тогда зачем ехать? Просто так? Поглазеть на танцы? Без денег она на тебя даже смотреть не станет, тем более там сейчас мужиков с деньгами — пруд пруди.

— Думаешь? — Миша уже сомневался.

— Уверен. Я бы тебе, конечно, одолжил свои, но сам понимаешь: я тоже на заработках, и зарплату мне тоже ещё не платили. Придётся попользоваться общак.

Миша отправился в наш домик — там, в сейфе, хранилась небольшая сумма на общие нужды, и все про это знали.

— Взял, — пробормотал он, отвязывая моторную лодку.

— Всё?

— Ты что? — Моё предположение шокировало Мишу ещё больше, чем совет взять денег.

— Дурачок, бери всё — неизвестно, как дело пойдёт. Вдруг много денег понадобится.

Миша покусал губы и опять отправился в домик. Как же хотелось человеку иметь танцующую женщину!

Видя терзания напарника и друга по несчастью, мне самому стало интересно, на какую красотку он там так запал.

В баре было шумно и пахло алкоголем — вероятно, многие постояльцы в честь выходного были нетрезвы. Я заметил, как суетливо сновали официанты из кухни в домики и обратно. Скоро должно было начаться представление.

Бар был под открытым небом и большой. Я осмотрелся, но фонтана нигде не было видно.

— Миша, а где фонтан?

Миша сидел весь погружённый в себя. Может, он предвкушал предстоящее зрелище, а может, считал деньги, — по его сосредоточенному лицу было не понять.

— Миша, где она танцует?

— Фонтан появляется снизу, как из преисподней. Слушай, может, это плохо, что я взял деньги? А если я выйду из бюджета?

— Я буду следить за тобой и не позволю больше необходимого, — успокоил я товарища.

Я был неправ: Миша переживал сразу обо всём — и о деньгах, и о девушке.

Девушки и деньги — две реальности, идущие рядом. Если одна отстаёт, то вторую уже никак не догнать. Каждый выбирает ту реальность, которая ему желаннее. Сейчас эти две реальности дрались в Мишиной душе и рассудке. Интересно было: которая же победит?

Верхний свет в баре погас, светились только лампадки на столах. Что-то шевельнулось в моей душе. Зазвучала музыка. Миша как замороженный

смотрел на то место, где ожидалось появление фонтана. Я почувствовал, что мои ноги и руки начали слабеть. Даже не предполагал, что это почти невинное приключение с Мишей способно вызвать в моей душе такие чувства. Воспоминания о Ларе тут же нахлынули на меня.

— Закажи виски! — прошептал я Мише в ухо.

— Зачем? Мы же решили пить пиво? — прокричал он, не сводя глаз с вожаемого объекта.

— Виски! — крикнул я ему громко, чтобы он точно смог расслышать меня в общем шуме.

— Сам закажи!

Я жестом подозвал официантку и с удивлением увидел, что официантка — Эдис. Наш милый Эдис в костюме официантки вышел на заработки!

— Виски! — крикнул я ему.

Видимо, по моей артикуляции он всё понял, и не прошло и двух минут, как на нашем столике появилась бутылка «Jack Daniel's». Так вот какой он, женский труд у муше!

Из-под земли, медленно вращаясь, появилась чаша диковинного цветка, лепестки цветка опадали, а в основании сидела невысокая девушка в полупрозрачном костюме. Зазвучали восточные мотивы, солировал какой-то мелкий духовой инструмент, наподобие флейты или дудочки. Я посмотрел на Мишу. Он подался вперёд и, казалось, вот-вот упадёт со стула. Я, как самый искушённый, разлил виски по стаканам и похлопал друга по плечу. Миша обернулся, глаза его напоминали глаза бога Шочипилли в экстазе — мутные и навывкате. Я протянул ему стакан. Он как будто пил воду, заглотнул всё содержимое

и даже не поморщился. Девушка начинала расцветать: она привстала на одной ножке и совершала круговые пассы руками; когда руки дошли до лица, она подняла голову. Лицо от носа до груди было закрыто вуалью.

— Жаль, лица не видать, она такая хорошенькая, — прошептал Миша.

— Не переживай, она скоро всё скинет! — Я-то знал этих танцовщиц.

— Правда? — Зрачки Миши расширились.

— Правда! Думаешь, столько народу собралось только ради того, чтобы посмотреть на её эти движения руками и маленькие пяточки?

— Пяточки! — вздохнул Миша, и пьяная слеза появилась в его глазах.

«Фетишист!» — подумал я про себя.

Танец затянулся надолго. Я успел выпить почти всю бутылку, Миша только ещё раз отхлебнул из стакана. Мне уже не хотелось ничего смотреть. Про Лару я тоже уже давно забыл, сердце, как и мозг, были пьяны и хотели одного — спать. Но Миша, как дитя перед витриной магазина игрушек, был непоколебим, и я боялся, что если стану настаивать, то он устроит мне громкую истерику с соплями и катанием по полу. В конце концов, я обещал ему женщину. Танцовщица завершила свой танец, когда из одежды на ней остались только маленькие сверкающие трусики с колокольчиками, звон которых было никак не слышать из-за пьяных криков и громкой музыки, и вуаль на лице. Странное дело — уж этот-то предмет можно было снять в самом начале, он не нёс ни для кого никакой интриги, тем более что до этого, по словам

Миши, она танцевала без этого украшения. Вазон с танцовщицей закрутило обратно под землю. Зал взорвался возмущёнными криками — гостей не устраивало, что танцовщица осталась в трусах. Я огляделся по сторонам — создавалось впечатление, что сейчас начнётся мордобой. Надо было уходить, но Миша, как приклеенный, сидел на стуле. Ему надо было время, чтобы почувствовать послевкусие стриптиза, а пьяный я и орущая толпа не давали ему этого сделать.

— Миха, погнали домой! — проорал я, забирая со стола остатки виски.

— Ты обещал мне женщину! — вдруг начал нудеть Миша.

— Женщина сегодня недоступна, она даже трусы отказывается снять. Как ты её трахать будешь? — разошёлся я. Мне не хотелось рассыпаться для Миши — бежать, искать. Моё состояние было не то — мне хотелось принять горизонталь и поспать.

— Нестор!

— Миша, не плачь. Девушки иногда такие су...

— Не ругайся! — прошептал Миша, и мы поплелись к лодке.

Наш лагерь уже спал. Эдис помог мне дотянуть тело пьяного и что-то возражающего Миши до навеса. Я принёс подушку и одеяло — сегодня в домике мне хотелось остаться одному. Не то чтобы мой сосед мне очень мешал, просто этим вечером мне не хотелось слышать его пьяное бормотание и вздохи, мне требовалась тишина, чтобы обдумать завтрашний день.

Мне трудно было объяснить самому себе, чего я ожидал от встречи с хозяином дома в скале, но чувствовал какую-то тайну, которая влекла. Раскопки были скучными и тяжёлыми, я устал ждать команды,

чтобы приступить к поискам, а странный дом на одиноком острове приковывал внимание и заставлял постоянно мысленно возвращаться к его существованию. Как знать: может быть, он бы мог составить для меня более подходящую компанию, чем группа этих копателей. Я чувствовал непреодолимое желание пригласить с его владельцем и попасть на территорию.

Сон всё никак не приходил. Я подумал даже отправиться ночевать к статуе падре, как делал до этого, но идти через мрачную крестьянскую деревню мне не очень хотелось, а потом, пришлось бы тащить с собой спальный мешок. Я вспомнил, что ночью мне у ног бородатого старообрядца было совсем неудобно, поэтому решил дожидаться утра и отправиться в дом в скале официально.

Глава 10

Это утро для меня наступило довольно поздно. Часы на стене показывали половину одиннадцатого, и дневная жара уже висела в воздухе. Странное дело: Миша обычно будит всех очень рано, перед самым приездом муше. Сегодня же было тихо. Я вспомнил вчерашний вечер и решил, что наш предводитель мучается похмельем и угрызениями совести. Я взял полотенце и вышел на крыльцо.

Было очень тихо, только слабый ветерок с моря едва колыхал занавеску на навесе, куда я ночью уложил тело Миши. Стол, где обычно завтракали, был чист, словно никто за него и не садился. Мне не захотелось разбираться с происходящим, я быстро принял душ и собрался на белый пляж. Наверное, что-то следовало преподнести в дар хозяину дома, но у меня ничего подходящего не было. Ехать куда-то в Паленке в лавку было бы долго и могло занять весь день. Оставалось только надеяться на случайную встречу с хозяином дома на пляже, но идти на такие мелкие уловки мне тоже не хотелось. Я надеялся на серьёзную встречу, разговор, и для этого я должен был прийти в гости и принести чего-нибудь к чаю.

Я заглянул под навес. Подушка и одеяло были смяты и отброшены в сторону, Миши не было. Значит, он встал раньше меня и куда-то отправился. Пришлось пройтись по домикам, но, вопреки моим ожиданиям,

и там было пусто. Вся артель покинула остров, оставив меня в неведении — ни записки, ни других каких-то условностей. Меня это не то чтобы удивило, нет, неприятно было осознание того, что со мной не особенно здесь и считались, принимая за очень незначительное лицо. Хотя, наверное, они были правы: я прибыл сюда самым последним, они бы справились и без меня, я был таким персонажем, который направляет и поправляет ход строительных работ, только и всего. Думаю, что как только ребята доберутся до самого интересного, то меня и вовсе отодвинут в сторону.

Хотя поведение Миши в данной ситуации показалось мне несколько несправедливым, я считал его другом и ждал взаимности, а он взял вот так и исчез, оставив меня одного на острове. Хотя можно было предположить, что он рассердился на меня после вчерашнего неудавшегося приключения. А потом был выходной день, и каждый волен был располагать им по своему усмотрению. Я мог отправиться в дом в скале, Миша же, равно как и другие участники экспедиции, был свободен в своём поведении. На всякий случай я проверил лодку у причала. Конечно, штырь, на который наматывалась цепь, был пуст. Некоторое отчаяние, правда, сменившееся после некоторого размышления на беззаботное ощущение свободы, отпустило меня. Я прихватил пару яблок и пакет печенья из шкафа с продуктами и отправился навстречу неизвестному.

По пыльной деревенской дороге я прошёл быстро. Ничто не задержало и не удивило меня, было пустынно и тихо, краем глаза я видел, как опускались занавески на окнах по мере моего приближения к очередному дому, — местные жители зорко следили за своим

посёлком. У памятника падре Алехандро я остановился и посмотрел сначала назад, на деревню, а потом на песчаный пляж — всё было так же спокойно, только ветер, дувший весь путь мне в лицо, повернулся и стал задуть справа. Узкий проулок, ведущий к дому за высоким забором, показался мне изменившимся. Я остановился и всмотрелся в дорожку, присыпанную белым песком; кажется, кто-то наводил здесь порядок — трава была скошена и убрана, её место заняли белый песок, вплотную подбирившийся к забору, и мелкие камешки гальки, насыпанные поверх песка. Дверь во двор была закрыта, но не заперта — я предположил, что меня здесь ждали. Должно быть, я выглядел нелепо — с двумя яблоками, распиравшими карманы тонких летних брюк, и пакетом печенья в руках, — когда появился в проёме двери. Мне так показалось, потому что женщина, накрывавшая стол на террасе у дома, с интересом и вниманием рассматривала меня.

— Hola! — крикнул я ей и приветственно помахал рукой, как если бы она была аборигенкой, которую я внезапно обнаружил на деревенской улице. Правильно или нет, но мне было боязно делать первый шаг на ещё недавно недоступную для меня территорию.

— Hola! — так же громко ответила она мне.

Дорожка до террасы, как и дорожка в проулке, была посыпана песком и мелкой галькой, только здесь ещё были цветы. Бочонки и корзинки, кашпо и разные корбочки составляли единый цветник, который провожал гостя до самой первой ступеньки лестницы на террасу. Пока шёл, я мучительно соображал, что ещё можно сказать женщине, как объяснить свой приход, тем более языковые средства, которыми я владел на испанском,

были весьма скудны, поэтому на всякий случай широко улыбался. Кто знает, за кого она могла меня принять, ведь хозяин дома мог и забыть, что пригласил меня в гости, и никого не предупредить о возможности моего прихода. Хотя дверь была открыта. Наверное, меня всё-таки ждали. Женщина поклонилась мне и исчезла в глубине тёмного коридора, ведущего из террасы в дом.

Эрнан! Да, кажется, Эрнан! Именно так звали хозяйина этого дома. Женщина, наверное, пошла ему сказать о моём приходе. И, наверное, она была его служанкой, ну, или помощницей по хозяйству, потому что слово «прислуга» как-то коробило. В общем, она могла быть его работницей или матерью, или старшей сестрой, но вариант с работницей мне показался наиболее вероятным. Такой мужчина должен был жить здесь не с матерью, а с женщиной. И обязательно — молодой и очень красивой. Кажется, именно такую я видел в окне дома тогда, когда обнаружил этот пляж. Она наблюдала за мной.

Я сидел и ждал хозяина, но его всё не было. Может, обо мне забыли? Или я пришёл в неурочный час? Чувство неловкости привело меня в некоторое замешательство, и я стал уже подумывать: а не убраться ли восвояси? И когда я уже был близок к тому, чтобы подняться и уйти, из темноты коридора послышались шаги. На террасу вышел хозяин дома, Эрнан. Я ещё раз подумал, что он похож на молодого конкистадора.

Сегодня Эрнан облачился во всё чёрное. Узкие брюки и свитер крупной вязки плотно облегли его фигуру,

спортивную и поджарую. Я был уверен, что хозяин дома — отменный пловец, и он наверняка занимается в спортзале с личным тренером, который усердно работает над созданием его торса и крепкими мускулами. Невольно я залюбовался Эрнаном. Это было восхищение человеком, который не только живёт в таком экзотическом доме, но и тратит время на создание себя. Сейчас я ощутил, что запустил собственное туловище, что идеальное тело даёт совсем другое ощущение себя и вселяет уверенность в поступки и слова. Именно с такой уверенностью в собственной неотразимости Эрнан протянул мне руку и произнёс:

— Доброе утро, Нестор! Я правильно запомнил ваше имя?

Я замешкался, все фразы, заготовленные мною на испанском, враз вылетели из головы. Кто мог знать, что Эрнан будет говорить по-русски?

— Удивлены, что я говорю на одном языке с вами? — Конкистадор смеялся.

Я пожал его длинные пальцы и кивнул головой. Некоторое время я, вероятно, был похож на рыбу, судорожно разевающую рот, но звуки от неожиданности застряли где-то в глубине моего горла.

— Не удивляйтесь, мы все здесь русские. Точнее, не так: мы все здесь говорим на одном языке. Так что в прошлую нашу встречу я очень удивился, услышав ваш школьный испанский.

— Правда? Здесь все говорят на русском?

— Абсолютно все!

— Но у нас в археологическом лагере есть и мексиканцы, и поляки, ещё другие. Они не говорят по-русски!

— Ошибаетесь, Нестор! Они все говорят на русском. И заметьте: на правильном русском, без акцента. Янис

никогда не работает с иностранцами — это его политика, доставшаяся ему от отца.

— Вы знаете Яниса?

Эрнан пожал плечами:

— Как я могу не знать Яниса? Мы же живём с ним через забор! — рассмеялся он.

Я молча достал из карманов яблоки и поставил на стол пакет с печеньем — единственное угощение, которое я мог позволить себе в этот день.

— Эмма! — крикнул хозяин дома. И через несколько минут на террасу вышла женщина, она несла большой поднос, уставленный посудой. Предполагалось чаепитие.

— Здравствуйте, Эмма! — произнёс я чинно, будто и не был знаком с кухаркой.

— Здравствуйте, Нестор! — так же чинно ответила она мне. — Приятно увидеть вас снова! Как вам нравится наш остров?

— Нравится, — односложно ответил я. Теперь мне стало понятно, куда подевалась мамочка Эм из гестхауза, — значит, я напрасно её искал: она работала на острове у Эрнана. Это она встречала меня на террасе, но я не понял, что это Эмма.

— В это время года Эмма обычно всегда работает у меня — её раздражают туристы. На острове тихо, и я даю работу и комнату людям, которых знаю и уважаю. Она пока приготовит нам перекусить, а мы, пожалуйста, пойдём и искупаемся.

Эрнан сделал приглашающий жест рукой и направился в дом. Я последовал за ним. Мы долго шли по длинному коридору, мимо дверей и проёмов, ведущих в другие помещения дома, и вышли в какой-то

грот. Это было пространство, окружённое скальными породами, а в центре, как в пиале, голубела вода. У меня закружилась голова — так неожиданна и прекрасна, на нашем пути возникла купальня.

— Чудо? — громко выкрикнул Эрнан.

«Чудо! Чудо! Чудо!» — разнесло слова эхо. Я поднял голову вверх — туда, куда уходили замирающие звуки, — и увидел ещё одну пиалу, полную голубого цвета. Это было небо.

— Мой личный кусочек океана! — самодовольно произнёс Эрнан.

— Чудо! — повторил и я.

Пока мы шли внутри дома, я успел замёрзнуть. Температура внутри помещений по сравнению с уличным зноем была достаточно низкой. Впрочем, только очувтившись внутри, я понял, почему хозяин дома носит брюки и свитер, хотя приятнее бы было надеть шорты и майку. В пещерах всегда холодно, а его жилище и было именно пещерным.

Здесь же, у воды, я опять ощутил тепло — нет, не знойный солнцепёк, а приятное тепло стоячего воздуха. Я подумал, что ощущаю себя как в кувшине: кругом стены, вверху сужающееся горлышко, а я — посередине, в тёплом молоке.

Мы разделись и вошли в воду. Неспешное плавание было очень приятным, я даже забыл о своём страхе перед открытой водой — было полное ощущение, что мы в бассейне. Только хлором не пахло, а пахло свежестью и смолой. Эрнан вдруг нырнул. Его крепкое тело заскользило куда-то вниз. Я следил за его

плавными движениями в прозрачной воде. Он доплыл до какого-то выступа, совершил несколько ощупывающих движений по скале руками и стал всплывать. Совсем скоро он очутился рядом со мной, и я увидел, что он что-то держит в сомкнутых ладонях. Это были маленькие разноцветные рыбки, вероятно, ещё мальки, потому что в ладони их было много — штук пять. Эрнан рассмеялся и погрузил ладонь в воду — рыбки, быстро взмахивая плавниками, бросились на свободу.

— Здесь много разной живности. Я люблю плавать с аквалангом и смотреть, как они живут. Хотите посмотреть?

Я отрицательно покачал головой:

— Не умею.

— Жаль, а то бы вместе поплавали.

По лесенке мы поднялись из воды. Нас уже ждала Эмма с двумя огромными белыми махровыми халатами.

— Можно пить чай, — сурово произнесла она и вышла из купальни.

— Пойдёмте пить чай! — С этими словами Эрнан накинул на себя халат, оказавшийся ему впору, я же в своём халате почти утонул и почувствовал себя ребёнком, которого завернули в огромное одеяло после купания.

— И заметьте, — продолжил он о чём-то своём, — вода в лагуне не такая солёная, как в океане, даже можно обойтись без душа.

— Угу, — пробормотал я и поспешил на террасу.

К моим яблокам и печению Эмма добавила лепёшки с вареньем и овсяную кашу с кусочками фруктов. Наш поздний завтрак показался мне очень сытным и вкусным. Вода расслабила моё напряжённое тело, и даже

захотелось спать. Я размяк, а Эрнан, напротив, выглядел очень бодро и жизнерадостно — он не переставая рассказывал о чудесах своего жилища.

— Это же атолл! Мексиканцы называют его пупком. И я ними согласен — мне нравится жить в пупке. Только жаль, что жить здесь можно только в тёплый сезон. Когда начинаются дожди, тут невыносимо холодно и сыро — не знаю, как местные выдерживают.

— Пупок, значит? Название «Лу» означает «пупок»?

— Нет, «омблиго» — пупок, а «Лу» — совсем другое.

Эрнан вроде как задумался.

— Мексиканцы зовут этот атолл «Омблиго». У них есть легенда про богиню Олгу, которая лежит на дне океана, и только её омблиго — пупок — чуть возвышается над водой, когда Олга дышит, а вдох она делает раз в два десятилетия, её пупок погружается в воду, то есть атолл затапливает. Однако я бываю здесь уже много лет, но ничего подобного на моей памяти не происходило; боюсь, что богине скоро приспичит подышать, местные даже говорят, что в этом году вероятнее всего.

— То есть остров может затопить?

— Может, но они так говорят каждый год, и меня это успокаивает. Может, в этот год, а может, не в этот, а может, на моём веку этого и совсем не случится. Destino! Судьба!

— А уже топило?

— Говорят, но правда это или нет — кто знает? Эмма рассказывала, что вода однажды поднялась очень сильно, но это было в сезон дождей, тогда крестьянам в деревне Алехандро даже пришлось разобрать свои дома и перевезти их на материк.

— А что потом?

— А потом они вернулись и поставили свои дома на места, и стали жить-поживать, да и сейчас живут, как видите. — Эрнан о чём-то задумался. — Знаете, Нестор, случается, что атоллы погружаются под воду, но ещё может случиться, что в лагуне атолла — это там, где мы с вами сейчас плавали, — есть вулкан, и в любое время он может начать действовать. А в нашей лагуне точно есть вулкан — я часто плаваю и люблюсь подводной жизнью прямо у его вершины. Кто знает, что может случиться в тот момент, когда, например, мы с вами пьём чай и обсуждаем мой дом в скале.

Я кивнул головой. Мне даже на ум не приходило, что я нахожусь в таком опасном месте.

— А почему же тогда люди живут здесь? Почему вы построили здесь себе дом? — задал я очевидные вопросы.

— Потому что человеку нравится играть с судьбой в азартные игры, потому что случается, что нет другого выбора, как только выбрать худшее и жить в надежде на счастливый исход. Мы все здесь такие — и вы, и я, и Янис, и крестьяне в деревне, и ваши рабочие в артели. Вот скажите честно, зачем вы пришли в мой дом? Зачем так искали встреч со мной? Зачем так хотели заглянуть за высокий забор?

— Мне было скучно и любопытно. Я вовсе не археолог, хотя раскопки вызывают у меня огромный интерес, я архитектор. И как архитектору, мне было интересно, да и сейчас тоже интересно, как вы смогли построить дом в горе и как вы в нём живёте. Согласитесь: интерес — немалый мотиватор, если учесть, что с таким типом строительства я встретился впервые.

— Да, мой дом — моя гордость. Однажды его включили в список достопримечательностей, и к нему ежедневно стали стекаться сотни туристов — вот тогда я и возвёл этот высокий забор.

— А туристы?

— А туристы теперь здесь не появляются. Территория атолла объявлена собственностью.

— Собственностью? Вы купили этот остров у мексиканцев?

— Купил, но не один. Второй собственник — Янис. Теперь мы вдвоём здесь сражаемся с природой, и даже в случае стихийного бедствия мексиканские власти не обязаны приходить нам на помощь.

— А крестьяне в деревне? — Я был далёк от мысли, что они тоже чья-то собственность.

— Крестьяне просто арендуют у нас территорию и платят нам налог — немалый, между прочим, учитывая, что доходы у них мизерные. За это они нас ненавидят.

— А почему же они здесь живут, раз им так плохо?

— Потому что боятся, что в другом месте им может быть ещё хуже. Падре Алехандро сделал из них изгоев. У них свои традиции и язык. Они как раз те, кто, играя с судьбой, выбрал худшее в надежде на удачный исход.

— Странно это.

— Странно? А вы, Нестор, разве вы не такой же чужак?

— Я? Я — нет! — Мне почему-то показалось, что Эрнан на что-то намекает.

— А я такой! Поэтому я среди них — среди этих аборигенов, скитальцев и страдальцев, но очень счастливых людей!

— Счастливых? — Я подумал о лицах крестьян в оконных проёмах за шторами. — Что-то я не заметил в них особого счастья.

— Они просто не умеют выражать свои эмоции перед чужаками, но вообще-то крестьяне в деревне весьма счастливы. А сейчас у меня есть для вас предложение.

— Предложение? — Интересно, что мог мне предложить такой человек?

— Сегодня вечером у меня будет девушка танцевать в лагуне. Но, вероятно, вы уже видели подобное представление раньше?

— Нет, — зачем-то соврал я.

— Вот и отлично! Тогда я приглашаю вас составить мне компанию. Я думаю, мы хорошо проведём вечер.

Я подумал, что танцующие девушки в последнее время прямо преследуют меня. Если бы Эрнан сейчас сказал про девушку, танцующую в фонтане, то я бы точно отказался, как бы хорошо я к хозяину дома ни относился.

— Я должен пораньше сегодня появиться в лагере, завтра рабочий день, а я ещё никого не видел с утра. Все куда-то уплыли. Надо обсудить кое-что.

— Я думаю, что вы сегодня всё равно ни с кем из своих коллег не встретитесь, — конкистадор рассмеялся, — а мы с вами вкусно поужинаем и полюбуемся на красивую женщину. Она будет очень красива, я вам обещаю.

— Почему я ни с кем не встречу? — Складывалось впечатление, что мой собеседник знал больше моего.

— Потому что пока вы спали, команда археологов отправилась на корабль к Янису.

— Янис в Мексике? — Я был несколько озадачен и сбит с толку этим сообщением. Получалось, что я в нашем лагере очень незначительный человек, раз даже плотники уплыли, даже терзающегося похмельем Мишу увезли, а мне никто ничего не сказал.

— Он уже неделю здесь. — Эрнан равнодушно пожал плечами, словно это событие было известно всем, а тут он встретил такого человека, настолько глупого и неосведомлённого, что ему приходится сообщать очевидные вещи.

— Неделю? — Я был возмущён.

— Ну, приблизительно неделю. По крайней мере, его корабль стоит неподалёку отсюда такое время.

— Значит, неделю... — Я не знал, что предпринять.

С одной стороны, мне хотелось немедленно бежать в артель и ждать прибытия Яниса и Миши, с другой — казалось, что глупо суетиться, может, меня не взяли с собой по какой-то уважительной причине. Возможно, Янис был занят какими-то своими делами и ему было не до нас. Но Миша! Каков был Миша! Он ни словом не обмолвился про Яниса!

— А вам откуда известно про Яниса? — Непонятно было, как этот посторонний человек за забором может быть в курсе дел нашей компании.

— Нестор, я знаю обо всём, что происходит на этом острове и в его окрестностях. Это, знаете ли, необходимость, ну и некоторая обязанность перед людьми, за которых я отвечаю.

— Отвечаете за людей?

— За вас, например, за крестьян в деревне, за Эмму и других я несу ответственность. И прежде всего перед самим собой.

— Почему так? — Эта ответственность Эрнана была для меня совершенно ненужной и непонятной.

— Потому что я владею этим островом. И гости на нём автоматически становятся моими гостями. — Он немного помолчал. — Моими гостями и гостями Яниса. Так что оставайтесь и проведите интересный вечер вместе со мной вместо блужданий по пустому лагерю. Вас даже ужином сегодня никто не покормит, потому что Эдис считает, что лагерь пуст, что все на корабле у Яниса.

— Вы и про Эдиса знаете?

Эрнан хмыкнул в ответ на мой вопрос:

— Я даже знаю, что вы пытались проникнуть в мой дом со стороны пещер, но вас подвела гнилая лестница. Очень вы неупорный человек — решили пойти простым путём и просто подкараулить меня. Можно было что-то придумать.

— Вы следите за нами?

— Нет, я просто подозрителен и ответственный, — Эрнан опять смеялся. — Мой дом — здесь самый высокий объект, и я могу наблюдать за всем. Но это не плохо, это хорошо. Я человек заинтересованный, но безвредный. Так что, остаётесь на вечер?

— Остаюсь, — как-то обречённо произнёс я.

— Эмма приготовила вам комнату. Вы можете там отдохнуть. И вообще, я приглашаю вас погостить у меня — мне кажется, что среди работяг в лагере вы чувствуете себя некомфортно. А здесь у вас будут все условия для жизни. Можете считать себя моим гостем.

— Ну нет. — Я не хотел отрываться от коллектива, ведь с этими людьми мне предстояло работать ещё долгое время. Мне не хотелось чем-то выделяться среди них. К тому же я не представлял, как могли к этому

моему поступку отнестись Миша и Янис. — Я лучше буду навещать ваш чудесный дом.

— Ну, как хотите. Но знайте, что в любой момент, изменив своё решение, вы можете прийти и остаться. Я буду рад.

— Спасибо за приглашение!

Мы продолжили пить чай в полном молчании. Я размышлял о том, каким образом Эрнан наблюдал за жизнью на острове. Конкистадор же просто молчал и смотрел на белый пляж и блеск океана.

После чая Эрнан предложил мне осмотреть дом. Комнат из длинного коридора выходило всего пять, самое большое впечатление на меня произвёл парадный зал. Остальные же комнаты походили на кельи монахов: маленькие и с весьма спартанской обстановкой. Отопления в доме не было. Большой зал обогревался огромным камином, в маленьких же комнатах отопления и вовсе не было. Эрнан пояснил, что дом при необходимости обогревается за счёт солнечных батарей, которые накапливают тепло на одной из сторон скалы. Эмма готовила еду на газовой плите, которую доставляли из гестхауза, когда кто-то жил в доме. В основном же дом производил недружелюбное впечатление, в нём не хотелось задерживаться надолго. Совсем другое дело — зал. Прежде всего, он был очень тщательно вырублен, его стены и потолок имели почти идеальную куполообразную форму. Пол был закрыт толстым ковром из шкур каких-то животных, а по периметру была расставлена мягкая мебель весьма причудливых форм. Вероятно, над созданием диванов, кресел и пуфов работал дорогой дизайнер. В самом зале было огромное окно, из которого

открывался вид на белый песчаный пляж и океан, ещё из окна можно было увидеть последние домики на деревенской улице и скульптуру падре Алехандро. Кроме окна свет шёл и от огромного количества электрических свечей — маленьких, но часто расположенных. Свечи подсвечивали книжные полки и шкафы, уставленные изрядным количеством книг. Я наугад выхватывал томики из упорядоченных рядов — это были книги на разных языках, совсем истрёпанные и в идеальном состоянии, собрания сочинений и тоненькие журналы, с богатыми переплётами и абсолютно серые, безликие. Деревянные скульптуры украшали книжные полки, иногда это были фигурки, вырезанные и покрытые лаком, а иногда и фантазии из коряг. Я подумал, что хозяин дома собирал эти коряги где-то на берегу и самые интересные получали своё место в зале. Но что более всего меня удивило в этой большой комнате — так это картины. Их было много. Маленькие и большие, с рамами и без, карандашные наброски и серьёзные произведения маслом, они украшали одну из полусфер комнаты.

— Эрнан, это настоящие картины? Это же не репродукции?

— Многие — да. Но есть и копии. Некоторые из них очень дорогие, и любой коллекционер отдал бы за них немало денег, но есть и откровенные подделки. Только я знаю, что они не настоящие, а выполнены на весьма высоком уровне. Их писали профессиональные копировальщики, но никто никогда не узнает, что это за картины.

— Вы любите искусство? — спросил я задумчиво. Я впервые попал в пространство, где на каждом сантиметре было великолепие, где рядом с высоким

и дорогим искусством стояли подделки, где ничего не запрещали и можно было рассматривать и расспрашивать, но в то же время ничего не афишировали и, похоже, прятали.

— Скорее — ценю! — рассмеялся Эрнан. — Что-то мне нравится, что-то — нет, но я могу оценить технику и стиль и понять, чем стоит дорожить. Я не профессионал, не коллекционер и даже не поклонник, я — банк, который накапливает и никак не накопит. Я всё жду, когда мне надоест, но мне не надоедает. Поэтому я скупаю и люблю, а ещё — позволяю любоваться другим. И обычно тем, кто спрашивает меня об искусстве, я отвечаю, что очень люблю и разбираюсь, но вам сейчас говорю правду: люблю и оцениваю.

— Интересное признание. — Я бродил среди полок и думал о безопасности коллекции. — У вас тут как в музее. Вы не боитесь, что вас могут ограбить?

— Ограбить? Думаете, что раз вы сюда попали, то любой желающий может так же легко быть здесь?

Я пожал плечами. Не знаю, что уж имел в виду хозяин, но то, как я попал сюда, мне вовсе не казалось ни лёгким, ни простым.

— Вам просто повезло. Я человек необщительный, если не сказать больше... Я в некоторой степени ценю изящное, но в гораздо большей степени ценю людей. И оцениваю. Кстати, о безопасности. Мой дом тщательно охраняется со спутника, и в доме полно тревожных кнопок — нажав на любую из них, я получу у себя во дворе команду ловких ребят, которые прекратят любые безобразия.

Из всего сказанного я уловил лишь слова о ловких ребятах и то, что меня высоко оценили и впустили в этот примечательный дом. Мне польстило, что этот

человек, которого я вижу второй раз в жизни, сразу всё обо мне понял и в определённой степени доверился.

Эрнан вместе со мной переходил от картины к картине и, казалось, как в первый раз любовался полотнами.

— Каждый свой приезд, — начал он после некоторого молчания, — я привожу сюда несколько новых приобретений. Вот и сейчас привёз.

— Какие? — Мне было любопытно, я подумал, что это должны быть картины, написанные совсем недавно, современные, и от этого ещё более интересные.

— Их здесь нет. Они на подрамниках на втором этаже — привыкают, так сказать, к новой атмосфере.

— На втором этаже? Здесь есть второй этаж? — Я удивился, но тут же вспомнил, что, когда был на песчаном пляже, то увидел женское лицо, смотревшее на меня сверху — может быть, из окна второго этажа, может, с чердака.

— Там я живу. Здесь комнаты для гостей и помощников. И ещё эта сокровищница, чтобы поражать таких неискушённых людей, как вы.

Эрнан смеялся. Он прекрасно осознавал, что и его дом, и лагуна, а теперь и вот эта комната, сплошь набитая интересными вещами, вызывают во мне неподдельный интерес.

— А сейчас у меня некоторые дела. Если позволите, то я вас оставляю, можете прогуляться во дворе или посидеть на террасе, Эмма вам подаст что-нибудь вкусное. Вам, наверное, надоели каша и лепёшки?

Я согласно вздохнул.

— А можете отдохнуть в комнате слева от этого зала — той, что около лестницы, — она будет считаться вашей, пока вы у меня гостите.

Мы вышли из великолепия, дверь за нами защёлкнулась, и вверху загорелся красный фонарик — я понял, что сокровища Эрнана находятся под защитой сигнализации.

Переодевшись в свою одежду, я устроился на террасе в маленьком кресле. Жизнь по другую сторону забора теперь мне показалась невероятно пресной, и даже раскопки не будоражили моих чувств, даже обида на Мишу и Яниса была забыта. Сейчас мне почему-то казалось, что Эрнан — это я, и всё, что находилось за моей спиной, тоже моё. Я даже задремал, убаюканный этими приятными мыслями.

В дальнем углу двора, там, где забор резко уходил в глубокую воду, мне почудилось какое-то движение. Я широко открыл глаза, и дремота мгновенно пропала, тревожное чувство заставило подняться на ноги и повело к шевелящемуся объекту. Вначале мне показалось, что это Эмма что-то там делает, потом я подумал про мужчину-садовника, но я оказался неправ. Ни кухарка, ни придуманный садовник были ни при чём. В углу двора между статуями и кустарниками прятался молодой человек в шляпе, при ближайшем рассмотрении оказавшийся довольно симпатичной девушкой. Она манила меня чуть заметными кивающими движениями головы. Я последовал за ней. Она ловко запрыгнула на валун и, опираясь на забор, исчезла за ним. Забравшись вслед за ней на камень, я понял, что можно по тропинке на склоне скалы куда-то пойти. Стараясь не смотреть вниз, я медленно поднимался в гору. Девушка уже пропала из поля моего зрения, а я всё продолжал движение вверх. Океан внизу блестел, но тропинка под моими

ногами была хорошо утоптана, для меня это означало, что люди по ней ходили и не падали. Однако волнение заставило меня вспотеть и руки чуть заметно подрагивали. Я никогда не был любителем высоты. Однажды в детстве я забрался на высокое дерево и, посмотрев вниз, понял, что высота манит в неё окунуться, мне хотелось отпустить руки и полететь, но я понимал, что могу только упасть, ноги мои мгновенно ослабели, и я едва смог самостоятельно спуститься с дерева. С тех пор высота меня не привлекала. Сейчас же я уговаривал себя просто идти по тропе и ни о чём не думать. В какой-то момент дорожка под моими ногами пропала. Сделав несколько шагов, я увидел углубление. На самом дне стояла девушка и протягивала мне руку. Я спустился вниз. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Девушка сняла шляпу, и длинные золотистые волосы рассыпались по её плечам. Она была в мешковатой хлопчатобумажной робе и брюках, такие надевали мексиканцы в артели для работы под землёй. Но даже такая одежда не смогла скрыть её прелестной фигуры, тонкие запястья обнажились, когда она подняла руки вверх, чтобы снять шляпу, я увидел белоснежную кожу с чуть заметными прожилками голубых вен, такую трогательную и нежную, что захотелось немедленно припасть к ней губами. В тот момент я внезапно ощутил, что тоскую по женщине. Ни танцовщица в баре, ни туристки в лагере, никакие другие женщины, которых мне приходилось встречать здесь, в Мексике, не волновали меня, а увидел эти запястья и волосы цвета спелой пшеницы — что-то знакомое и тщательно подавляемое внезапно поднялось из глубин моего сознания и толкнулось. Я молчал, не зная, что сказать, девушка же улыбалась и смотрела мне в лицо. Нет, она не была безумно красива, но было

что-то в её облике, что не позволяло мне назвать её простушкой, на неё хотелось не просто смотреть, а пристально рассматривать, как картину, изобилующую мелкими подробностями, где чуть отведя взгляд можно увидеть нечто новое и оттого интересное. Я не знал, на каком языке заговорить с ней, но потом вспомнил слова Эрнана о том, что все на острове говорят на русском, хрипло выдохнул: «Привет!» Она ничего мне не сказала, но я отчётливо услышал её ответное: «Привет!» Может, это эхо мне ответило, может, мне просто почудилось. Девушка быстрыми пальцами расстегнула робу и развязала верёвку на поясе брюк. Оказавшись совершенно обнажённой, она поднялась на край углубления, смотрящий в воду, глубоко вдохнула, расставила руки в стороны и упала вниз, в океанскую гладь. Сказать, что я был ошеломлён, ничего не сказать. Я находился в глубоком шоке, последовать за ней на край, с которого она нырнула, я не мог, мои колени свёл отчаянный страх. Конечно, я осознавал, что передо мной разыгрался некий спектакль, меня хотели поразить, но эффект оказался слишком сильным.

На трясущихся ногах я вернулся во двор к Эрнану. Еле спустившись с валуна, уселся прямо между кустов и статуй на землю и закрыл глаза. Но даже с закрытыми глазами я видел гибкое тело молодой девушки и тонкие руки, застывшие в размахе. Девушка падала в воду. Через некоторое время я вдруг понял, что если она жива, то выбралась на берег где-то на песчаном пляже за деревней. Первым порывом было бежать на пляж, но усилием воли я подавил это желание и поплёлся на террасу. Эмма гремела посудой, а в кресле меня поджидал хозяин дома.

— Нестор, вы гуляли в моём саду?

Я уселся в кресло напротив Эрнана и хотел было уже начать рассказывать про девушку, упавшую в воду, но потом передумал.

— Да!

Почему-то я подумал, что Эрнану совсем не обязательно говорить о том, свидетелем чего я только что стал. Девушка могла быть сумасшедшей и так свела счёты с жизнью, признавать себя свидетелем мне вовсе не хотелось. Если же с девушкой ничего страшного не произошло, то мне хотелось бы оставить это приключение в тайне. Я понимал, что раз она меня нашла и привела на то место, с которого прыгала, то она ещё не раз со мной захочет встретиться. И я буду только рад. А потом выйти за пределы, обозначенные мне Эрнаном, то есть без разрешения хозяина гулять по стенам его дома, показалось мне невозможным, и уж точно мне не хотелось про это рассказывать.

— Да, у вас чудесный сад, — начал я бодро. — Мне очень понравилось!

— Понравилось? — Эрнан с подозрением посмотрел на меня. — Точно понравилось?

— Да, — протянул я, только сейчас сообразив, что ничего я в его так называемом саду не видел.

— Заниматься земледелием на острове — непростая задача. Мы постоянно привозим почву, но она высыхает и выветривается, даже обычная сорная трава недолго живёт здесь. Приходится разводить зелень в ящиках и бочках. Только вот в этом углу, который я называю садом, я смог укоренить кусты и некоторую траву. А как вам статуи?

— Они великолепны, как и всё в вашем доме. — Я решил, что лесть будет приятна Эрнану, пусть даже и такая незатейливая.

— Правда? — Эрнан рассмеялся. — У вас своеобразный вкус.

Следя за реакцией собеседника, я осознал, что говорю что-то не то, — он, наверное, ждал какой-то другой реакции. Я немного замялся:

— Честно говоря, мне не всё там понятно, но было познавательно.

Эрнан смеялся уже совсем откровенно:

— Спасибо! А расспросить не хотите? Люди обычно реагируют по-другому: они или без умолку расспрашивают, или совершенно отказываются беседовать об увиденном.

Чёрт, что же я там такое видел? Стоило признать, что охота за незнакомкой, очевидно, лишила меня зрения.

— Давайте ещё раз прогуляемся в саду и я сам вам всё расскажу. Хотя, честно говоря, перед обедом лучше рассматривать натюрморты — они придают аппетит. У меня есть несколько гастрономических.

Эрнан встал, и я за ним, мы неторопливыми шагами передвигались по двору. Эмма крикнула нам вслед:

— А обед? Обедать будете?

— Накрывай через двадцать минут! — разрешил Эрнан.

Значит, экскурсия займёт некоторое время... Более всего меня интересовало, знал ли Эрнан про происшествие с девушкой. Раз он наблюдает за домом и даже знал, что я пытался проникнуть в скалу через пещеру, то мог видеть и мой побег, и прыжок незнакомки. Но Эрнан упорно говорил про свой сад и ни слова про что-то другое.

Пройдя через заросли кустарников, мы оказались на площади, уставленной скульптурами. Сейчас, по здравому размышлению, это место мне напомнило кладбище. На площади около ста квадратных метров на разном расстоянии друг от друга, перемежаясь тропинками и цветами, были расположены фигуры. У подножия каждой была установлена табличка, эти-то таблички и натолкнули меня на мысль о кладбище.

— Обычно я начинаю экскурсию отсюда. — Эрнан стоял рядом с самой высокой статуей. На табличке я увидел длинное, трудно читаемое слово «Тласолтеотль». — В Мексиканском заливе её ещё называют Цинтеотль — богиней крестца. Раз в жизни люди ей жертвуют свои грехи и очищаются; обычно так поступают мужчины, когда их постигает окончательное половое бессилие, или женщины на смертном одре. Богиня очищает душу, поедая всю грязь: телесную, духовную, нечистые похотливые мысли. Цинтеотль вышла из земли, познала первородный грех, и с тех пор она покровительствует проституткам и грешникам, но помогает в радостях секса, родах и земледелии, а ещё насыляет безумие и венерические болезни.

Я смотрел на скульптуру — она была весьма своеобразна и с женщиной у меня почти не ассоциировалась.

— Странные были эти индейцы! — вырвалось у меня.

Но Эрнан вполне серьёзно любовался нелепым изображением богини. Я присоединился к нему. Плоское изображение богини в полный рост скорее смешило, а не впечатляло. В победном шаге она куда-то направлялась. Традиционная мексиканская одежда: полосатые половички как платье, бусы, обувь на плоской подошве и непонятный головной убор из перьев на голове, из носа богини торчало нечто наподобие

дверной ручки. Мне она напомнила какого-то американского мультяшного героя, а не богиню.

— Это условное изображение богини, у каждого атрибута на ней есть своё значение. Эти значения потом раскрываются во всех её ипостасях. Остальные скульптуры в саду, — Эрнан величественно, как настоящий экскурсовод, повёл рукой, — суть её воплощения. И если понять это изображение, то все остальные становятся понятны автоматически. И пусть у неё много имён, но это всё она: богиня — Пожирательница экскрементов Тласолтеотль. Вот вставка в нос как полумесяц, головной убор из перьев перепёлки с двумя торчащими веретёнами, жёлтое лицо, коралловая змея на шее, метла из камыша, содранная человеческая кожа. Да, это она.

Мы, не говоря ни слова, как два грешника на покаянии, стояли перед богиней. Я думал о девушке, что недавно сбросилась со скалы, о чём думал Эрнан, можно было только догадываться. Он первый нарушил тишину:

— А сейчас пойдёмте! — Я подумал, что он зовёт меня к столу, но неожиданно хозяин направился в дальний угол своего сада, из которого я совсем недавно вернулся с трясущимися коленями и замиранием сердца. Я следил за движениями Эрнана, он всё-таки знал обо мне и девушке. Как недавно моя спутница, он ловко взобрался на валун и исчез за выступом скалы. Пришлось повторить волнительный путь. Я застал его на краю впадины, лицом к океану — абсолютно обнажённый, он готовился к прыжку.

— Самое лучшее средство для потенции — стимулировать выработку адреналина, — он, вероятно,

объяснял мне своё поведение. Ещё секунда, и его тело, сверкнув в лучах солнца, пропало из поля моего зрения. Я собрал одежду Эрнана на дне впадины и известным путём отправился на террасу. Разочарование разрывало меня на части: оказывается, приключение с девушкой не было каким-то чудом, а просто мне показали место, с которого хорошо нырять в океан голым. Очарование и вожделие моментально рассеялись — если всё знать о предмете, то он теряет свою привлекательность. Вот Эрнан рассказал мне всё про богиню — и его садик перестал быть интересным, хотя я его ещё не осмотрел до конца. Зачем слушать сказку, если тебе уже известен её конец? Я абсолютно спокойно проходил мимо богини с голой грудью, мимо рожаящей богини и мимо раскрытого женского лона и фаллоса, раздвигающего плоть. Хотя стоило признать: человек, имеющий такой садик, — непростой человек. «Может, Эрнан — извращенец?» — подумал я уже на подходе к террасе.

Долго ждать возвращения Эрнана не пришлось. Хотя я ждал, что он войдёт из калитки со стороны пляжа, но он, вопреки моим ожиданиям, появился из дома. В белом купальном халате и шлёпанцах. А я ещё переживал, как же он голым пойдёт через весь пляж до дома. Наверное, у него был какой-то свой секрет проникновения на территорию. Пока Эмма разливала русский борщ по тарелкам, у меня на языке вертелся вопрос про девушку, нырявшую первой и так впечатлившую меня. Но я решил, что промолчать будет благоразумнее.

— После обеда, Нестор, сиеста на час, а потом пойдём посмотреть на танцовщицу. Вы же принимаете моё приглашение?

— Принимаю, — обречённо вздохнул я.

Эрнан посмотрел на меня с удивлением, но ничего не сказал. Да, у меня было полное ощущение, что он принуждает меня, а я не могу почему-то отказаться.

Тем не менее обед прошёл в непринуждённой обстановке, мы ели вкусные блюда традиционной русской кухни, и Эрнан рассказывал мне про Мексику. Никто к нам не вышел — ни Эмма, ни незнакомка.

— Прислуга ест отдельно? — спросил я как бы между прочим.

— Эмма не прислуга, Эмма — помощница. — Эрнан, почти оправдываясь, ответил мне. — Мы всегда вместе с ней садимся за стол, но подозреваю, что она стесняется, когда у меня гости.

Я хотел сказать, что я и не гость вовсе, что ничего против присутствия Эммы за столом не имею, что она мне очень нравится, но промолчал. В конце концов, не мне было решать, кто здесь гость, а кто — нет.

После обеда Эрнан ушёл в недра своего дома, а я опять остался в одиночестве на террасе. Эмма убрала со стола и, как и прежде, не говоря ни слова, тоже исчезла. Странное дело, но когда мы были в гестхаузе, она показалась мне очень добродушной и разговорчивой. Сейчас же она вела себя совершенно по-другому — скорее всего, она считала себя здесь прислугой и не считала возможным общаться со мной как со знакомым человеком, соблюдала субординацию, так сказать.

Мне всё нравилось в доме Эрнана. Только поведение Эммы намекало на то, что расслабляться не следует. А расслабиться очень хотелось, я уже стал забывать, что приехал в Мексику ради работы, а не в гости,

и что завтра мне предстоит новый трудовой день под храмами Паленке. Эрнан очаровывал и обволакивал комфортом и восторгом открытий. Настроенный опасно утром, сейчас я уже готов был согласиться на приглашение конкистадора жить в его доме.

Время сиесты прошло совершенно незаметно. Я попросил Эмму приготовить кофе и выпил по меньшей мере чашек десять. Какие-то мысли роились в моей голове, и я не мог привести их в порядок. Думалось сразу обо всём: об Эрнани и его доме, о таинственной девушке, которая как бы присутствовала в доме, но её никто не видел, кроме меня, о Мише и Янисе, о раскопках, о России, о богинях в странном садике, об извержении вулкана на атолле. Мысли проносились в моей голове ураганом, и я не успевал подумать об одном как следует, как моя голова уже думала о другом. Но главная мысль, которая довлела над всеми остальными, была о причине расположенности Эрнана ко мне. Меня несколько настораживало то, что он меня, совершенно незнакомого человека, не только впустил в свой дом, но и доверяет, и показывает его сокровища. Всё это было не просто так. Может, он хотел получить от меня что-то взамен? Но что я мог дать? Может, это было как-то связано с раскопками Яниса? Или он так очаровывал меня, а потом, например, мог предложить вступить с ним в сексуальные отношения. Или он просто скучал и нашёл в моём лице собеседника. Тоскливо, наверное, было одному в этом странном месте. Я бы предпочёл последний вариант. Но что-то подсказывало, что к последнему варианту должно добавиться ещё что-то для полноты картины. Надо было с кем-то поговорить. Я подумал, что Эмма наиболее осведомлённый

человек, она давно знает Эрнана и расположена ко мне. Мне показалась эта мысль очень здравой, но было одно «но»: Эмма не горела желанием со мной общаться и каждый раз, сделав необходимое, тут же исчезала. Я отправился туда, откуда постоянно появлялась кухарка, — там, скорее всего, была кухня или подсобка. Помещение, находящееся ниже первого этажа, было заперто. И поднимаясь оттуда, я встретил Эрнана. Он заменил свой чёрный наряд на летние мягкие брюки и рубашку.

— А! Нестор! Скоро танцы. А вы что здесь делаете?

— Да вот искал Эмму. Хотел попросить её... хотел попросить ещё кофе. — Я был несколько растерян, что хозяин дома застал меня за поисками кухарки.

— Рабочий день Эммы закончился, и я отвёз её в деревню. Она замужняя женщина и ночует дома, с семьёй.

— Да? А, ну да.

— А вместо Эммы на ночь приходит человек из нашей деревни, Прокоп. Он отопрёт кухню и поможет приготовить всё, что вы захотите. А сейчас пора в зрительный зал. Через десять минут всё начнётся.

Не знаю почему, но я был уверен, что танцевать для нас будет моя дневная знакомая.

Мы отправились в купальню. Там было расставлено несколько кресел, а на белом столике, накрытом прозрачной скатертью, стояли ведёрко с ледяным шампанским и высокие бокалы. У столика в форменной одежде официанта стоял человек. Я понял, что обслуживать нас сегодня будут очень профессионально. Я громко произнес своё «Hola!», но потом опомнился и добавил: «Привет!» Официант посмотрел на меня. Я немного сконфузился и кивнул головой — официантом был

Эдис. Я поразился многоликости этого человека. Он мог быть и женщиной, и мужчиной-официантом, и обычным работягой-мексиканцем с мозолистыми ладонями. И в каждой своей роли он выглядел очень органично. Актёрство могло стать его профессией, но он выбрал участь муше.

Негромкая сладкая музыка лилась со всех сторон. Акустика в купальне была как в хорошем театре. Складывалось впечатление, что эта муза — естественный звук этого места. Эрнан расположился в своём кресле, он поднял руку вверх и сложил пальцы так, будто хотел ими щёлкнуть, но не щёлкнул. Достаточно было одного жеста — и в купальне стало темнеть, а музыка стала чуть громче. Я уловил какие-то знакомые мотивы.

— Я попросил «Баядерку», — объяснил Эрнан.

Эдис разлил шампанское и стоял позади кресла хозяина. По кивку головы Эрнана с небесной чаши в водную упала золотая цепь, а Эдис разнёс нам бокалы. Я был напряжён. Внутреннее волнение и ожидание девушки, нырнувшей со скалы, сводили меня с ума. Ещё секунда — и если бы танцовщица не появилась, я бы выбежал из купальни и бегом бросился в артель. И никогда и ни за что не появился в доме конкистадора. Но именно в момент наибольшего напряжения с неба по цепи на небольшую площадку посреди лагуны опустилась танцовщица. Я вздохнул. Вздох получился очень громким. Эрнан с удивлением посмотрел на меня. Но я делал вид, что очень увлечён появлением танцовщицы, и даже не повернул голову в его сторону. Отпив резкую сладкую жидкость, поставил бокал на подлокотник кресла. Надо было унять внутреннюю дрожь. Танцовщица была интересной. Одежда её не предполагала купания и фривольных танцев. Спустившись с небес

облачённой в строгий деловой костюм, она начала его снимать. Танец начался со стриптиза. Я вдруг вспомнил, что как-то с Олей ходил на балет «Баядерка» и читал либретто. Мне почему-то подумалось, что раздевание пришлось на свадебную церемонию, там, где Брамин проводит праздничный обряд. После обряда начинается танец баядерок. С первыми звуками танца девушка сбросила с себя последний предмет деловой одежды — туфли на шпильке — и осталась в расшитых блёстками трусиках и лифчике. Лицо танцовщицы было открыто, только область глаз прикрывала тёмная маска. Маска была маленькой, узкой, но мне никак не удавалось рассмотреть лицо и решить, узнаю я его или нет. Маска непостижимым образом мешала. Танец нашей баядерки длился довольно долго, я как зачарованный смотрел на изгибы её тела, на движения рук и ног, её шпагаты были идеальны. Девушка извивалась и изгибалась, показывала чудеса акробатики, повисая над чашей лагуны вниз головой. Должно быть, танец изображал любовные терзания, счастливые примирения и сексуальные утехы. Несколько раз моё сердце замирало от ужаса за танцовщицу — настолько рискованны были ее трюки. Несколько раз, раздвигая ноги, она проникновенно заглянула мне в глаза так, что я почувствовал себя новобрачным.

Танец подходил к концу. Мы с Эрнаном выпили уже две бутылки вина, Эдис принёс третью. Кажется, конкистадору тоже пришлось по вкусу представление, — несколько раз он хлопал в ладоши. Этот танец не шёл ни в какое сравнение со стриптизом в гестхаузе, и даже танцы Лары по сравнению с этим казались очень целомудренными и неинтересными. Эта же девушка,

не показав нам ни одного укромного уголка своего тела, сумела создать полное ощущение телесного контакта. Думаю, что если бы Миша был со мной, он был бы в полном удовольствии. Но и мы с Эрнаном были в восторге.

Музыка стала затихать, а свет — становиться ярче. Какое-то тревожное чувство вдруг посетило меня, я вспомнил, что «Баядерка» заканчивается не просто счастливой сценой. Точно! Там в конце было землетрясение или извержение вулкана! Землетрясение! Выпив опиум, Солор видит призрак Никии. После окончания свадебного обряда начинается землетрясение — боги наказывают клятвопреступника Солора. Все присутствующие на свадебной церемонии гибнут, а души Солора и Никии соединяются на небесах.

— Эрнан, — крикнул я конкистадору, — герои этой истории плохо кончили! Вы помните?

— Помню! — рассмеялся Эрнан.

И тут произошло что-то невозможное. Я услышал нарастающий гул и увидел, как столик с ведёрком и бокалами скатился в лагуну, земля уплыла из-под ног, я почувствовал, что мой стул и стул Эрнана сползают в лагуну. Баядерка испуганно заслонила руками лицо и вскрикнула, ещё мгновение — и мы все вместе с шампанским и Эдисом очутились в воде. Я поднял лицо к небу и увидел, что на нас летит огромный валун с золотой цепью, по которой ещё совсем недавно спускалась танцовщица. Пророчество о вздохе богини Олги оказалось правдой. Я поднял над головой свой стул и простился с жизнью.

Музыка прекратилась, а вместе с ней и землетрясение. Я барахтался в воде, судорожно хватая ртом воздух, не понимая, что происходит. Валун оказался неожиданно лёгким, он не тонул, а плавал посреди лагуны. Правда, танцовщица, которую он только что похоронил под собой, исчезла. Зато Эрнан и Эдис были живы и здоровы, и, смеясь, плыли наперегонки к краю бассейна. Только я, как последний идиот, с перекошенным от страха лицом обнимал свой стул.

— Нестор, шикарное представление, да? — закричал Эрнан. — Нестор, как вы?

— Заикаюсь и, кажется, наделал в штаны! — Отойдя от первого ужаса, я был ужасно зол. Особенно зол был оттого, что все были в курсе и собрались здесь только затем, чтобы посмотреть, как я буду плакать и прощаться с жизнью. А они будут потешаться надо мной. Так вот зачем конкистадор пригласил меня в свой дом! Ему нужен был паяц, чтобы поразвлечься и потешить своё самолюбие. Странно, что на это представление он позвал так мало людей, — надо было продавать билеты. Вот такая бы потеха удалась на славу! Больше всего мне было стыдно перед девушкой — она видела мой страх. Но слава богу, что сейчас её с нами не было! Мне было бы совсем невозможно стыдно перед ней за свою панику. Да, я не прыгал со скалы в океан, пасовал в сложных ситуациях и вообще не был героем.

— Хотите, — Эрнан подплыл ко мне, — провести ночь с баядеркой?

— Боюсь, что после такого стресса я потерплю фиаско. — Ни при каком условии я бы теперь не согласился остаться в этом доме. Надо было идти в артель и забыть про дом в скале.

Эрнан продолжал смеяться, он выглядел абсолютно довольным и счастливым. Ещё бы! Ему удалось устроить такой спектакль!

Эрнан вылавливал из лагуны столик и скатерть:

— А адреналин?

— Кроме холода, сырости и надвигающегося раннего инфаркта, я больше ничего не чувствую!

— Да? Так выбирайтесь поскорее и переодевайтесь! Эмма уже приготовила вам тёплую комнату и мягкую перину.

Я вылез из воды. И, как был в мокрой одежде, так и направился к себе в лагерь. Ноги еле передвигались, и злые слёзы катились по лицу. Возле статуи падре Алехандро я обернулся на дом в скале. Он светился всеми огнями, за забором слышался смех, и женский голос несколько раз выкрикнул моё имя. Ну уж дудки! Я больше не буду посмешищем!

Я брёл к артели и чувствовал каждой клеточкой своего тела, что сегодняшний день был лучшим в моей жизни. И что я буду его долго помнить. Тело моё начала бить мелкая дрожь, мокрая одежда липла к телу, на брюки налипла тонна песка, а в обуви хлюпало, как на болоте. Я остановился и стянул с себя всю одежду, в одних плавках и вошёл на территорию лагеря археологов.

Там, казалось, ничего не изменилось. Мексиканцы сидели на полатях под тентом и о чём-то тихо переговаривались. Гайс играл в «ножички» на деревянном столе. Никто даже не посмотрел на меня. В нашем домике на двоих Миша сидел с какой-то тетрадкой за столом и что-то сосредоточенно писал. «Привет!» — пробормотал он автоматически. «Hola!» — ответил я ему, бросил

одежду на пол, стянул с себя плавки и как подкошенный упал на свою кровать. Через несколько минут заботливый друг укрыл меня одеялом.

Я почувствовал совершенный покой, даже комариное жужжание не могло нарушить всей моей внутренней гармонии. Я вдруг понял, что обнулится и с завтрашнего дня у меня начнется новая, полная смысла и свершений жизнь.

Сейчас я был очень благодарен конкистадору, благодарен в той же мере, насколько был зол на него ещё двадцать минут назад. Он встряхнул меня и дал тот адреналин, про который говорил. Я чувствовал, что утром проснусь мужиком, brutальным и уверенным в себе. Может, я даже позвоню Ларе в Крым. Под Мишино шуршание бумажками я уснул.

Глава 11

На следующий день в Паленке мы не поехали. Миша ездил один. Весь день мы прождали его на острове, слоняясь без дела.

Вернулся он только к вечеру, грустный и совершенно растерянный. На все наши вопросы отвечал скупой и неохотно. Всё, что мне удалось понять из его рассказа, сводилось к тому, что во время очередной проверки власти вдруг, потребовали какое-то новое разрешение. Само собой, у нас его не было. Теперь оставалось только ждать, когда Янис уладит все вопросы и мы сможем продолжить раскопки.

От ужина Миша отказался. Весь его потерянный вид говорил о том, что проблемы у нас серьёзные и, вполне возможно, экспедицию придётся свернуть совсем. Чтобы хоть немного его встряхнуть, я предложил отправиться в бар, немного выпить и спокойно поговорить. Нельзя сказать, что это предложение он принял с восторгом, но всё-таки согласился.

В баре мы заказали текилы, и уже через полчаса стало ясно, что разговор по душам у нас сегодня не получится. Миша явно решил напиться. А когда зазвучала музыка и в прозрачных струях фонтана появился знакомый женский силуэт, я понял, что окончательно потерял внимание Михаила.

Казалось, он не видит никого и ничего, кроме этого волшебного танца и светловолосой красавицы, играющей со сверкающими брызгами воды.

Сегодня на ней почему-то был арабский костюм из тончайшего алого шёлка. Длинная юбка, в разрезе которой то и дело мелькали стройные ноги, мгновенно намочла и стала совсем прозрачной. Мокрый шёлк, прилипший к бёдрам, казался маятником в руках опытного гипнотизёра. И мы оба были просто не в силах оторвать от него глаз. Рассекая струи гибкими руками, девушка прогибалась в спине так, что мокрые волосы почти касались её маленьких пяточек. Потоки воды падали на неё сверху и разбивались о плоский упругий живот на миллионы крошечных сверкающих капель, создавая вокруг танцовщицы лёгкое облако влажного тумана. В какой-то миг подсветка фонтана погасла, и тело девушки скрылось в темноте. Но уже через секунду вода заиграла новыми красками, и в нежном фиолетовом облаке света мы увидели её совершенно обнажённой. На ней не было ничего, кроме множества золотых цепочек на груди и тяжёлых браслетов на тонких запястьях. Облако света становилось то нежно-розовым, то голубым, то огненно-красным. Мы сидели так близко, что, даже несмотря на освещение, я мог отчётливо видеть, как вздрагивает её маленькая упругая грудь. Я смог рассмотреть даже жемчужные капельки воды на её сосках, мурашки на животе, и всё это казалось мне знакомым до боли. Я знал, как она пахнет, знал, какая она на ощупь. Я почти физически ощущал запах Лары. Но это была не она...

И вдруг девушка повернулась к нам. Она смотрела мне прямо в глаза. Я забыл, как дышать. Сердце моё замерло. И на долю секунды я испугался, что оно останется совсем. Она была похожа на древнее божество. И взгляд её обладал какой-то немислимой, непостижимой властью. Но уже через мгновение девушка,

видимо, решила сжалиться надо мной и повернулась к нам спиной. Её хрупкие плечи, гибкая спина, тонкая талия, красивые бёдра, извивающиеся в такт арабской музыке, — всё это было таким нежным и незащищённым, что совершенно не увязывалось с диким, властным взглядом, обжигавшим меня всего несколько секунд назад. Не оборачиваясь к зрителям, она медленно опустилась на колени. Спина её прогнулась, и стройное тело плавно легло на розоватую поверхность воды. Музыка всё нарастала и нарастала, становилась громче и ритмичнее. И вдруг её танец стал яростным. И мне уже казалось, что это не женщина, что это дикая безумная кошка, древняя богиня, жрица, растворившаяся в религиозном экстазе. Это был не танец. Это был магический ритуал. Не вставая с колен, она то поднималась, то опускалась. Острые плечи, бёдра, наполовину спрятанные под водой, бились о поверхность так яростно и ритмично, что капли воды, летящие от неё, казались осколками стекла. Нежно-розовый свет сменился тёмно-красным. Мне стало казаться, что это уже не вода вовсе и даже не стекло. Она танцевала в крови. Белоснежные бёдра жрицы взлетали вверх и снова прятались в огненно-красной жидкости. И кровавые брызги щедро летели в разные стороны.

Но вдруг, запрокинув голову, девушка снова посмотрела на меня. Тело её изогнулось, и, подставив живот под струю воды, она ловко направила её в нашу сторону. И в ту же секунду на наш столик обрушилась настоящая волна, окатившая нас с головы до ног.

В зале раздался хохот, потом аплодисменты. От неожиданности я растерялся и, если честно, не успел понять, куда она исчезла. Пьяный взгляд Миши стал каким-то совсем глупым. Некоторое время он так

и сидел с дурацкой улыбкой на лице и боялся шелохнуться. Потом довольно облизал мокрые губы, с жадностью влил в себя ещё порцию текилы и резко встал, со скрипом отодвинув стул.

— Пойдём! — сказал он решительно.

Наивно полагая, что мой приятель решил возвращаться в лагерь, я махнул официанту, рассчитался и поспешил за Михаилом. Походка моего приятеля была не слишком уверенной, и я опасался, что он вот-вот упадёт. Но сам он, кажется, ничуть не сомневался в собственных силах. Шатаясь, прошёл между столами, едва не опрокинув один из них, и, вопреки моим ожиданиям, побрёл в противоположную от входа сторону. Только сейчас я заметил небольшую деревянную дверь справа от барной стойки. Решив, что она ведёт в туалет, я решил подождать Мишу снаружи.

Однако очень скоро послышался какой-то шум, потом раздался женский крик и дверь распахнулась. Грузное тело моего пьяного друга вывалилось из комнаты и мешком рухнуло на пол. Дверь снова захлопнулась. Но сквозь неё я отчётливо слышал женский голос, извергающий потоки отборного русского мата. Откуда-то появился чернокожий головорез в белой футболке. Схватив Мишу за шиворот одним движением, он поднял его на ноги, а другим подхватил меня. И уже через секунду мы оба самым унижительным образом были выставлены вон.

Оправившись от первого шока, я спросил:

— Какого чёрта? Это была она?

— Она. — Миша сплюнул. — Сука! Да, она мне губу разбила! Грязная тварь! Подстилка мексиканская... — то и дело сплёвывая кровь на песок, он извергал всё новые и новые ругательства.

Но я его уже не слышал. Приступ подступающей тошноты сменился волной необъяснимой ярости. Я смотрел на это мерзкое пьяное существо. Оно плевалось, шаталось и уже не имело ничего общего с моим другом Мишей. И самым отвратительным было то, что он крыл последними словами девушку, которая оказалась гораздо лучше, чем я сам о ней думал. Я хотел, чтобы он заткнулся.

Я плохо помню, что было дальше. Но судя по всему, я не сдержался и всё-таки двинул ему в челюсть. Я не хотел его бить. Я просто хотел, чтобы он замолчал. Но вцепившись друг в друга, мы катались по песку, как взбесившиеся псы. Красная арабская юбка мелькала передо мной, как тряпка матадора. Мой пьяный мозг уже не делал разницы между девушкой в баре и Ларой. Миша выкрикивал всё новые и новые ругательства. А я знал, как она пахнет... И каждое его слово било меня хлыстом по сердцу. А я бил Мишу.

В этой глупой, почти детской драке не было и не могло быть победителя. Я не чувствовал боли, не помню, кому больше досталось. Ярость и алкоголь затмили мой разум. Злость и тошнота — это всё, что я мог вспомнить на следующий день.

Я проснулся от яркого солнечного света. С трудом открыв глаза, почувствовал во рту привкус крови. Песок всё ещё скрипел на моих зубах. И тяжёлый каменный ботинок падре Алехандро навис над моей головой. Видимо, остаток ночи я снова провёл у подножия памятника. Каким образом я здесь очутился — оставалось загадкой.

Как будто сквозь туман, в памяти вырисовывалось испуганное лицо Талы. Кажется, она промывала мои ссадины, поливая себе на ладонь из пластиковой

бутылки. Однако появление здесь моей недавней попутчицы не поддавалось никакому логическому объяснению. И я не смог придумать ничего лучше, чем списать это воспоминание на игру пьяного мозга.

Спустившись к морю, я сел на песок. Солнце было ещё совсем невысоко, но уже достаточно припекало. Я закрыл глаза и с удовольствием подставил лицо его лучам. Жутко хотелось пить. Но совсем не хотелось шевелиться. Сейчас у меня было только одно желание — остаться здесь навсегда. Слиться с этим тёплым песком, раствориться в нём и больше никогда не видеть ни Мишу, ни Лару, ни Олю, ни Яниса — никого.

Я даже подумал о том, что все эти люди, живущие здесь, рано или поздно действительно превращаются в песок. Все их радости, страдания, вечная любовь, неразрешимые проблемы — всё это однажды исчезает в зыбучих мексиканских песках. А потомкам достаются лишь жалкие осколки керамики или, в лучшем случае, нефритовые чётки.

Стянув с себя порванную в клочья футболку и грязные джинсы, я с разбегу нырнул в манящую изумрудную морскую гладь. И... мгновенно выскочил на берег! Солёная вода неприятно обожгла вчерашние, ещё свежие ссадины. Идея с купанием мне сразу же разонравилась. Зато получилось взбодриться!

Наспех промокнув горячие места остатками футболки, я взял в руки остальные вещи и, не одеваясь, пошёл в сторону лагеря.

Миша сидел за столом под навесом и не спеша потягивал пиво из жестяной банки. Я сел напротив. Не сказав ни слова, он опустил руку под стол и, достав оттуда вторую банку, понимающе пододвинул её ко мне.

— Спасибо, — тихо сказал я. — Миш, я...

— Всё нормально, — буркнул он в ответ.

— Я амулет где-то вчера потерял. Зуб такой, на верёвочке. Ты не видел? — зачем-то спросил я, прекрасно понимая, что надежды найти его почти нет.

— Я себя-то плохо помню, — хмыкнул он. — Очень дорог?

— Угу. Девушка подарила.

— Ну ничего... ещё подарит! — Миша ободряюще улыбнулся и, смяв допитую банку, встал из-за стола. — Я спать. Тебе тоже не мешало бы, — добавил он уже на ходу.

Весь день я думал о том, что произошло вчера. С одной стороны, было не совсем понятно, что заставило меня затеять эту бессмысленную драку. Во-первых, девушка явно была не святая, во-вторых, она не имела ко мне никакого отношения. Я даже знаком с ней не был! А с другой стороны... я был готов сегодня же вернуться в бар и попросить у неё прощения. За что? За то, что сам поначалу принял её за проститутку. В глубине души я прекрасно понимал, что это я убедил Мишу в том, что она типичная шлюха. А значит, я и был виновником его пьяной выходки. Но шлюхи, как правило, не бьют клиентов по лицу и не вышвыривают их за дверь. А ещё в ней было что-то такое, что всё время нагоняло на меня чувство щемящей тоски. Тоски по Ларе. Я просто скучал. И злился. На кого? На себя, на неё, на Серго, на всех, кто был с ней до меня, и на всех, кто был после. Я злился на весь мир. Потому что больше всего на свете я хотел быть рядом с этой женщиной. Хотел, но почему-то боялся.

Ближе к вечеру Эдис принёс мне записку от Эрнана. Мой новый знакомый приглашал меня на ужин. Не

стану скрывать, что это внезапное приглашение меня очень обрадовало. Во-первых, новостей от Яниса всё ещё не было, а значит, вопрос с получением разрешения был пока не решён. Во-вторых, я всё ещё чувствовал себя неловко перед Мишей. И несмотря на то, что наш конфликт казался решённым, я то и дело ловил себя на том, что избегаю его общества и не решаюсь смотреть ему в глаза. Я не считал его виновником случившегося, не чувствовал обиды. Как, впрочем, и не мучился чувством вины. Наверное, я и сам не смог бы себе объяснить это ощущение. Но смотреть ему в глаза мне почему-то было стыдно.

На этот раз Эрнан сам вышел встречать меня на террасу. Увидев меня ещё издали, он улыбнулся и приветственно махнул мне рукой.

— Добрый вечер! — сказал он, когда я подошёл ближе. — У вас что-то случилось? — вежливо поинтересовался Эрнан, пожимая мне руку.

— А... ерунда! Порезался, когда брился, — отшутился я, неловко потирая ссадину на левом виске.

— Ну-ну... не смущайтесь! Женщины порой способны толкнуть нас и на более безумные поступки. — Он понимающе улыбнулся и сел в глубокое плетёное кресло. — Присаживайтесь! И, пожалуйста, Нестор, будьте, как дома. Я не люблю излишних церемоний.

Я сел напротив. Судя по всему, Эрнан прекрасно знал о нашем вчерашнем приключении. Но меня это уже не удивляло. Глядя на рубиновую струйку вина, которое гостеприимный хозяин разливал по бокалам, я подумал о том, что больше не могу выпить ни капли алкоголя. Но из вежливости всё же пригубил.

Вид с террасы завораживал. Закат в Мексике — это всегда грандиозное представление огня и света. Линия

горизонта сейчас была ярко-оранжевой, почти огненной. Расползаясь в разные стороны подобно языкам пламени, солнце щедро проливало свет на вершины дальних гор и крыши деревенских домиков. И мир вокруг наполнялся удивительно тёплым апельсиновым светом.

Разговаривать не хотелось. Я знал, что это шоу всегда длится недолго. И очень скоро ночь опустит свой чёрный занавес. Знал это и Эрнан. И никто из нас не хотел нарушать эту торжественную тишину.

В какую-то секунду я вдруг поймал себя на том, что давно перестал любоваться пейзажем. Взгляд мой был прикован к Эрнану. Сейчас мне почему-то казалось, что он гораздо старше, чем я думал. Нет, никаких особенных признаков старения я, конечно, не обнаружил. Его стройное, спортивное тело по-прежнему казалось идеальным и вызывало лёгкое чувство зависти. Едва заметная седина в волосах и пара крохотных мимических морщин в уголках глаз тоже не добавляли ему возраста. Но взгляд его, устремлённый вдаль, был полон какой-то тихой, затаённой грусти. Такая грусть не приходит внезапно. Она копится годами, прячется в тёмных уголках души и со временем заполняет человека всё больше и больше. Нет, она никогда не сделает вас унылым занудой. Эта грусть особого изысканного сорта и достаётся не каждому. Тот, кто носит её в себе, всегда больше других ценит радость, острее чувствует и больше замечает.

Эрнан не спеша потягивал вино, а я смотрел на него и думал, что хотел бы иметь такого отца. Я мог бы доверять ему, гордиться им, учиться у него, быть похожим на него. И, наверное, это было нечестно по отношению к памяти папы. Он был хорошим человеком и многого

добился. Но чему он мог научить меня, кроме физики? Весь его мир умещался в стенах кабинета. А Эрнан был другим. Думать так было нечестно. Но запретить себе я не мог.

Я не заметил, как стемнело. Эрнан дёрнул шнурок светильника, висящего над столом, и через минуту на террасу вышла Эмма. Она выкатила тележку с ужином и приступила к сервировке.

— О! А вот и наша волшебница! — радостно воскликнул хозяин.

С улыбкой поставив на стол последнюю тарелку, она что-то чуть слышно шепнула ему на ухо. Эрнан понимающе кивнул, и женщина тактично удалилась.

За ужином мы много говорили. Вино было просто божественным! Я что-то рассказывал о раскопках, о своём детстве, о родителях, о работе, о встрече с Ларой. Казалось, что всё это вызывает у него живой неподдельный интерес. Эрнан с любопытством расспрашивал меня обо всём на свете. За собой же он, кажется, решил оставить право оставаться в тени. На все вопросы мой собеседник отвечал туманно или вовсе отшучивался. Впрочем, это меня не напрягало. Вечер пролетел легко и непринуждённо.

После ужина Эмма проводила меня в комнату. Я уснул почти сразу, но спал беспокойно. Сон был тяжёлым и прерывистым. Мне снились какие-то жуткие существа со змеями вместо волос и птичьими перьями. У одного из них вместо головы торчал огромный кукурузный початок. У другого пальцы рук заканчивались большими птичьими когтями. Всё это было настолько бессмысленным и абсурдным, что к утру в моей голове была настоящая каша. И судя по всему, каша эта была кукурузная.

Проснувшись, я ещё долго лежал с закрытыми глазами, размышляя об этом странном сне и пагубном влиянии алкоголя на мой непривыкший организм. В дверь тихонько постучали.

— Открыто! — крикнул я, и на пороге появилась Эмма.

— Проснулись уже? — спросила она с приветливой улыбкой. — Утро доброе! Я тут полотенце принесла. А хозяин уехал. На рассвете ещё... Просил сказать: мол, извините, дела срочные. Но вы, пожалуйста, не стесняйтесь, будьте как дома и обязательно дождитесь его возвращения!

— Хорошо, дождусь, конечно! — охотно согласился я. Мне нравилась Эмма. Она буквально излучала уют и какое-то материнское тепло. Слушая, как она тараторит, я подумал о том, что без неё весь этот странный дом так и остался бы всего лишь пещерой.

— Вам завтрак на террасу принести? Или тут покушаете? А в саду хотите? Можно и в саду... Хозяин там часто завтракает.

— Ну что ж, в саду так в саду!

Эмма кивнула и вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я принял душ, оделся и направился в сад.

Проходя по коридору, я заметил, что дверь в одну из комнат была приоткрыта. Возможно, я так и прошёл бы мимо, но то, что я увидел внутри, заставило меня войти. На стене, прямо напротив двери висела картина. Это был тот самый «Синий дом» Шагала! Я не верил своим глазам. Словно под гипнозом, я остановился посреди комнаты. Как будто опасаясь, что мираж может рассеяться, я боялся дышать. Я думал, что «Синий дом» где-то в Бельгии, и всегда мечтал увидеть его

своими глазами. Но в том, что здесь, в доме Эрнана, висел именно оригинал, у меня не было ни малейших сомнений. Потому что ни одна, даже самая талантливая копия не способна так подействовать на человека. Я видел десятки репродукций Шагала, видел и подлинники. И я, как никто другой, знал, что ещё ни одному художнику в мире не удалось повторить этот невероятный синий цвет.

Я ещё долго стоял там и не мог уйти. Всё смотрел на покосившиеся стены синего дома и вспоминал кривые улочки Витебска. Этот город был совсем не похож на мой родной Новосибирск. Но, кажется, чувство непреодолимой шагаловской тоски по родине передалось и мне. Я устал от кактусов и жары. Я хотел домой.

Вспомнив про завтрак, я почувствовал неловкость оттого, что заставил Эмму ждать. Повернувшись к двери, я уже собрался выходить, но краем глаза заметил в противоположном углу комнаты довольно громоздкий сейф. Дверца его была распахнута настежь. Сейф был буквально забит баксами. Пачки новеньких зелёных долларов были небрежно свалены в кучу. Сначала мне даже показалось, что здесь кто-то рылся. Но, решив, что это маловероятно, я подумал о том, что, скорее всего, Эрнан куда-то очень торопился и просто забыл запечатать сейф перед отъездом. В любом случае нужно было как можно скорее сказать об этом Эмме.

— А... сейф... — махнула она рукой. — Хозяин его никогда не запирает. Кому он нужен-то? — тихо рассмеялась Эмма и налила мне в чашку чёрного ароматного кофе.

Глава 12

После завтрака я застал Эмму на террасе. Она сидела в кресле. На полу перед ней стояли две одинаковые деревянные резные фигурки высотой не больше полуметра. Если бы я нашёл их в саду, то непременно решил бы, что это какие-нибудь древние идолы. Вряд ли это было так потому, что Эмма растянула между ними огромный моток грубой шерстяной пряжи и сматывала её в клубок. Я сразу вспомнил бабушку. В нашей новосибирской квартире она часто делала то же самое. Только вместо диковинных идолов каркасом для пряжи обычно служил перевёрнутый деревянный табурет. Эмма что-то тихонько пела на испанском. Смысл её песни был для меня загадкой. Но мелодия была поразительно знакомой. Я чувствовал, что знаю её очень давно, но никак не мог вспомнить откуда. Я тихонько присел в соседнее кресло и невольно заслушался.

Эмма вздрогнула и посмотрела на меня так, как будто только сейчас заметила моё присутствие.

— Пойте, пожалуйста! — попросил я. — Эта песня такая красивая!

Женщина улыбнулась и продолжила. Склонившись над своим нехитрым приспособлением, она всё пела и пела. Её низкий от природы голос звучал неожиданно ласково. Смуглое лицо светилось нежной улыбкой. Казалось, что перед ней вовсе не моток пряжи. Сейчас она была похожа на мать, склонившуюся над колыбелью младенца.

И вдруг я вспомнил эту песню! Ну конечно! Это колыбельная! Как я мог её забыть? Стоп... стоп... стоп... «Придёт серенький волчок» — так, кажется, звучит она по-русски?

— Откуда ты знаешь эту песню? — спросил я в изумлении.

— Так все её знают. — Эмма пожала плечами, на секунду выпрямилась и потёрла кулаком затёкшую поясницу.

— Давай я помогу! — предложил я и со знанием дела выставил вперёд обе руки.

Сняв моток со своих деревянных идиолов, она аккуратно перевесила его на мои руки.

— Вот, совсем другое дело! — кивнула она довольно. — А то сижу согнувшись... совсем спина разболелась!

— Так где же ты слышала эту песню? — не унимался я.

— А разве ж я вспомню теперь?! Её деткам малым у нас поют, когда спать укладывают.

— Да, да! Я знаю! У нас тоже её поют! И мне пели. Это называется «колыбельная».

— Так чему же вы удивляетесь? Что ж мы — не люди, что ли? У вас поют и у нас поют...

— Действительно! — рассмеялся я, вспомнив о том, что в деревне полно выходцев из России.

— Деткам поют... — сказал я задумчиво. — Я совсем не видел в деревне детей.

— Так выросли! Выросли да разъехались, — в голосе Эммы послышалась тихая грусть.

— А новые...?

— А кто ж их рожать-то будет? — удивилась она. — Старики одни.

Эмма замолчала. Молчал и я. Мне стало ужасно грустно от мысли, что жизнь везде одинакова. И здесь,

в Мексике, совсем так же, как у нас, вымирают деревни и люди в погоне за деньгами с лёгкостью отрекаются от родных мест, меняя красоту природы на ядовитый воздух мегаполисов.

— Хотите чаю? — спросила она, сматывая с моих рук остатки пряжи.

— Очень хочу! — согласился я.

Покончив с пряжей, Эмма ловко подхватила под мышки своих идиолов и, взяв клубок, вышла с террасы. Через несколько минут она вернулась с чайным подносом и, поставив его на стол, без лишних церемоний разлила в чашки чай. Сейчас она снова была простой и добродушной мамочкой Эммой. Было заметно, что в отсутствие хозяина дома она чувствует себя намного свободнее. Не думаю, что Эрнан когда-либо был строг с ней. Но, видимо, уважение к этому человеку всё-таки диктовало ей необходимость соблюдать определённую субординацию.

— Расскажи мне об этой девушке, — осторожно попросил я. — Танцовщица в лагуне... кто она? Она из России?

— А, Мария? — Эмма лукаво посмотрела на меня и улыбнулась. — Она местная.

— Местная?! — удивился я. — Но она такая светленькая! И, кажется, очень хорошо знает русский.

— Ты говорил с ней?

— Нет, я просто слышал, как она разговаривает. Она ругалась в баре. — Я вспомнил, как эта девушка вышвырнула за дверь пьяного Мишу, и не смог сдерживать смех.

— Это она умеет! — согласилась Эмма. — Мария родилась здесь, но она русская. Ещё её дед с бабкой приехали сюда вместе с падре Алехандро. Но дед никогда

не ругался! И отец тоже, — добавила она вдруг и нравоучительно подняла палец вверх. — Он был хороший человек. Если бы он видел, как эта бесстыжая задом крутит, он бы в гробу перевернулся!

— Ну тише, тише! Не сердись! — сказал я, ласково погладив её по руке. — Она всегда здесь жила?

— Нет... Она никогда на месте не сидит. Мотается по свету, танцы свои танцует. Всё места себе не найдёт никак! В высокий сезон сюда приезжает. Богатых туристов развлекать.

— Она, наверное, к маме приезжает?

— Мать её давно померла. Мария ещё крошкой была. Её отец воспитывал. А потом и он умер. За ней Эрнан присматривает.

— Вот как?! — Эта информация показалась мне особенно интересной. — А я уж было подумал...

— Что он с ней спит? — Я кивнул.

— Нет. Эрнан говорит, что Мария ему как дочь... Да только кто ж так дочерей воспитывает, что они голые в фонтанах пляшут?! — в голосе Эммы слышалось неподдельное осуждение. Залпом допив остывший чай, она резко поднялась и стала собирать посуду на поднос. — Пойдёмте отдыхать! Время сиесты, — добавила она, снова перейдя на «вы».

Спать мне не хотелось. В это время года даже в обед жара уже не была такой сильной, и я решил остаться на террасе.

— Ты иди, я посижу немного, — сказал я.

Эмма взяла поднос и ушла, не сказав больше ни слова. Неожиданно взгляд мой упал на книгу, забытую кем-то на перилах террасы: «Граф Монте-Кристо», — прочитал я название. Я всегда любил Дюма. И книжка сейчас была как нельзя кстати. Устроившись поудобней

в плетёном кресле, я с удовольствием погрузился в мир приключений, знакомый мне с детства.

«Монте-Кристо»! Ну конечно! Дом в скале, коллекция произведений искусства, загадочный хозяин... Как же я сразу не догадался?! Кажется, Эрнан так же, как и я, с детства был влюблён в этот удивительный роман. Осенившая меня мысль настолько мне понравилась, что я не выдержал и рассмеялся вслух. Хозяин этого дома был интересен мне всё больше и больше! А эта случайно обнаруженная мною книга как будто слегка приоткрыла для меня дверь в его душу. Наше общее увлечение делало нас во многом похожими. С той только разницей, что, в отличие от меня, Эрнан умел воплощать мечты в реальность.

Солнце стало светить ярче, и спустя какое-то время я решил перебраться в тень сада. Прихватив с собой книгу, я шёл по тропинке между причудливых статуй индейских богов, присматривая место поудобней. Неожиданно я услышал тихое монотонное пение. Голос был мужской и, кажется, очень знакомый.

Впереди меня, почти у самых ног статуи богини Цинтеотль, я заметил Эмму и Эдиса. Они оба стояли на коленях ко мне спиной и явно с чем-то возились. Что-то лежало перед ними на большом плоском камне, но что именно, рассмотреть я не мог. Это показалось мне очень странным, так как время сиесты ещё не закончилось. А я хорошо знал, как свято эти двое чтут свои традиции.

Я не хотел им мешать. Но происходящее показалось мне весьма любопытным. Стараясь не шуршать ветками, я тихонько обошёл статую с другой стороны и притаился в кустах. От Эммы и Эдиса меня отделяло не больше двух-трёх метров. Кажется, мне всё-таки

удалось остаться незамеченным, и теперь я мог всё как следует рассмотреть. Но увиденное повергло меня в шок...

Серая поверхность плоского камня была залита кровью. Эмма что-то придерживала окровавленными руками. А Эдис, ни на минуту не прерывая своего жуткого пения, резал это «что-то» небольшим ножом. И, чёрт возьми... это было плотью!

Последнее, что я помнил перед тем, как потерять сознание, — это блеск обсидианового ножа в свете яркого солнца.

Когда я очнулся, в саду никого не было. Я осторожно выбрался из своего укрытия и подошёл к статуе. Никаких следов недавнего происшествия: ни кусков человеческого мяса, ни ритуальных инструментов — ничего такого здесь и в помине не было. Даже камень был абсолютно чистым. И я уже почти поверил в то, что всё увиденное мною несколько минут назад было кошмарным сном или игрой воображения — чем угодно, только не реальностью. Но мой пытливый взгляд всё-таки нашёл несколько капель свежей крови на яркой зелёной траве. Мозг отказывался это понимать! Я был уверен, что эпоха человеческих жертвоприношений давно в прошлом! Но не поверить собственным глазам я был не в силах.

Мне захотелось как можно скорее покинуть это место, сбежать из этого дома, с острова, из страны! Если бы я мог, я бежал бы в Новосибирск пешком! Лишь бы только никогда больше не видеть ни этих ужасных статуй, ни этих людей.

Я решил уйти не прощаясь. Смотреть в глаза Эмме и делать вид, что я не в курсе происходящего, было бы глупо. К тому же я всё равно бы не сумел. А говорить

об этом не имело смысла. К тому же я не привык лезть в чужой монастырь со своим уставом.

Стараясь остаться незамеченным, я осторожно вышел из сада и прошёл вдоль забора к двери, через которую входил сюда вчера. Но каким бы безумием это ни казалось... я не смог найти эту чёртову дверь!

Я обошёл забор по всему периметру трижды. Нигде не было даже намёка на выход! И только в том месте, где, по моим расчётам, должна была быть дверь, одна секция забора выглядела немного светлее остальных. Создавалось впечатление, что её заменили совсем недавно. Но не могли же они совсем обходиться без двери? Где-то же всё равно должен быть выход отсюда!

Мои недавние безуспешные попытки проникнуть на эту территорию красноречиво говорили о том, что выйти отсюда будет не менее сложно. Мне нужно было успокоиться и как следует обо всём подумать. Заходить в дом мне не хотелось. Вернуться в лагерь не представлялось возможным. Я пошёл к океану.

Голубые волны, накрывая друг друга, медленно катились к берегу и, сбиваясь в густую белую пену, ползли на пляж. Я снял одежду на ходу и бросился в воду. Добрый старик океан принял меня в свои прохладные лапы, и мне сразу стало немного легче. Ссадины уже не горели. Скорее всего, помог чудодейственный домашний бальзам, которым вчера снабдила меня Эмма. Сначала я просто плыл вперёд. Плыл быстро, не оглядываясь, будто и впрямь надеялся доплыть до Новосибирска. Но очень скоро устал и, раскинув руки, лёг на воду, чтобы немного успокоить дыхание и передохнуть. Океан нежно покачивал моё тело, словно хотел убаюкать. И мне уже стало казаться, что ничего страшного не случилось. И всему,

что я видел, непременно найдётся какое-то простое логическое объяснение.

Немного отдохнув и заметно успокоившись, я поплыл назад. Когда до берега оставалось не больше десяти метров, я увидел, как по тропинке, ведущей из сада Эрнана, кто-то спускается к пляжу. Это была Мария. У самой воды она остановилась и подняла руки за голову — наверное, для того, чтобы развязать тесёмки сарафана. Потому что в следующее мгновение она была абсолютно голой. Я подплыл уже достаточно близко. Пальцы моих ног коснулись дна. Мария не могла меня не заметить. Но её это, как всегда, нисколько не смущало. Она плыла прямо ко мне. Я же, напротив, стоял в воде, как смущённый подросток, и не знал, что делать. Сердце бешено колотилось. Я хотел эту женщину с того самого момента, когда впервые её увидел. А сейчас растерялся, как последний девственник. Красивая обнажённая девушка застала меня врасплох у самого берега Тихого океана. Смешно, но в этот момент я действительно не мог понять, чего она хочет.

Подплыв ко мне почти вплотную, Мария встала на ноги и, глядя в глаза, обняла меня за шею. Я чувствовал, как прижимаются ко мне её упругие бёдра, как вздрагивает маленькая грудь. Повинуясь инстинкту, я наклонился и поцеловал её.

Но вкус этих губ мне не понравился. Я не мог понять, в чём дело, но в тот момент, когда мой язык оказался у неё во рту, я понял, что не хочу её больше. Не просто не хочу сейчас, а не хочу совсем, никогда. По всем законам жанра я, молодой здоровый мужик, у которого уже несколько месяцев не было секса, должен был хотеть её, как последнюю бабу во вселенной! Но почему-то не хотел...

Я никогда не был пай-мальчиком. И если уж быть до конца откровенным, в моей жизни случались женщины, гораздо менее симпатичные. Но я не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь отказывался от секса с такой соблазнительной красоткой.

То ли это было следствием моего недавнего шока, то ли так повлиял на меня алкоголь, который в последнее время стал моим ежедневным спутником, а может, дело было в чём-то другом. Но всё в ней казалось каким-то ненастоящим, почти механическим. Мария была похожа на дрессированную кошку, послушно выполняющую заученные команды. Она смотрела на меня тем наигранно-страстным взглядом, которым обычно смотрят на своих партнёров актрисы дешёвого порно. И, если честно, выглядела ужасно глупо.

От моего смущения не осталось и следа. На смену ему пришло нечто среднее между раздражением и разочарованием. Отстранившись, я легонько потрепал её по щеке, чмокнул в лоб, шепнул: «До скорого!» и пошёл к берегу.

— Придурок! — крикнула она вслед.

Мне было смешно и немного грустно. Подобрал свою одежду, я вернулся в дом. Меньше всего мне сейчас хотелось встретиться с Эммой или Эдисом. Я понял, что совсем не знаю этих людей. Как теперь общаться с ними? О чём разговаривать? Как себя вести? Чего, в конце концов, от них ждать?

К ужину вернулся Эрнан. Эмма накрыла нам на террасе и ушла. Мне показалось, что он был сегодня как-то особенно весел. Говорил немного, но в глазах его мелькали азартные искорки и с лица не сходила довольная улыбка.

— Судя по вашему лицу, поездка была удачной? — спросил я, надеясь услышать небольшую интересную историю.

— Да... более чем, — коротко ответил он, и я понял, что подробностей не будет. — А как вы провели день? Надеюсь, не очень скучали?

— Скучал?! — Я засмеялся. — О, нет! Поверьте, на скуку у меня не было ни единого шанса!

— Рад это слышать.

— Эрнан, простите за нескромный вопрос, — начал я осторожно.

— Ну что вы... скромность — это совсем не то качество, которое я ценю в людях! — В его голосе мне послышались нотки сарказма. — Давайте договоримся быть друг с другом предельно откровенными. Если что-то в моём доме показалось вам любопытным или странным... В общем, я хочу сказать, что вы можете спрашивать меня о чём угодно и всегда рассчитывать на мою откровенность. О'кей?

— О'кей. — Я кивнул, но про себя отметил, что о своей поездке он рассказывать не спешил.

— «Синий дом» Шагала. Я случайно увидел его там, в комнате... Это подлинник?

— Конечно! Я не люблю репродукций. Каждая картина — это же всегда некий душевный посыл её автора. У репродукции другой автор и другой посыл.

— Да, я и сам сегодня об этом думал, — согласился я.

— Вы любите Шагала?

— Очень.

— Я тоже к нему весьма неравнодушен.

— Мне кажется, у нас много общего, — зачем-то сказал я.

— Например?

— Шагал, Дюма... «Граф Монте-Кристо» — моя любимая книга.

— Я тоже всё время её перечитываю. — Эрнан улыбнулся.

— Вы забыли её здесь, и я немного почитал сегодня. Вы же не против?

— Нет, конечно! Всё, что вы найдёте интересным, вы можете брать безо всякого стеснения!

— Спасибо! — сказал я и рассмеялся, вспомнив про открытый сейф.

— О, кстати, я совсем забыл! — Аккуратно положив вилку и нож, Эрнан немного привстал и вытащил из кармана джинсов мой амулет! — У меня для вас подарок! — весело сказал он, протягивая мне мою пропажу.

— Господи! Это невероятно! Где вы его нашли?! — Радости моей не было предела. Распутав шнурок, я сразу же надел его на шею. — Я так вам благодарен! Эта безделушка... она очень важна для меня...

— Я знаю, — кивнул Эрнан, не переставая жевать.

— Откуда?

— Разве я не говорил, что знаю обо всём, что происходит на острове?

— Забыл! Забыл! Простите...

— Кстати, вы напрасно считаете этот амулет безделушкой. Это зуб ягуара.

— Да, я в курсе.

— Но, кажется, вы не знаете главного: индейцы верят, что он может помочь своему хозяину стать более сильным, ловким и, что самое замечательное, наблюдательным!

— То есть?

— То есть научить человека замечать вещи, которые раньше были ему недоступны. А замечать — значит знать, раскрывать тайны.

Я задумался. Кто знает: может быть, если бы сегодня амулет был со мной, я сумел бы заметить что-то ещё? Возможно, мне удалось бы понять хоть немного больше из всего, что со мной случилось?

— О чём вы думаете? — спросил Эрнан, заметив смену моего настроения.

— О жертвоприношениях, — ляпнул я зачем-то.

— О! Да вы кровожадны! — Он хохотал в голос. — Вас интересуют жертвоприношения вообще или только человеческие?

— Вообще... человеческие... я не знаю... — Я действительно растерялся, понимая, что сморозил глупость. Но в отличие от моего собеседника, мне было не до смеха. Я хотел знать, что произошло в саду. Но боялся правды.

— Не темните, Нестор! Выкладывайте, что вас так беспокоит? — Лицо Эрнана вдруг стало очень серьёзным. Он подлил вина и посмотрел на меня очень внимательно. — Мне кажется, или вы что-то скрываете?

— Нет, — соврал я. — Я просто подумал: все эти индейские ритуалы с кровавыми жертвами... Всё это давно в прошлом, так ведь?

— Конечно. Хотя кое-где ещё приносят в жертву животных. Но про людей я не слышал.

— Кое-где... а здесь?

— Нестор, к чему эти вопросы? — Взгляд Эрнана стал таким пристальным, что мне вдруг показалось, что он всё знает. От него, действительно, невозможно было что-то скрыть.

— Сегодня днём в саду я видел, как Эдис и Эмма принесли кого-то в жертву! — выпалил я, наконец.

— Его! — Эрнан постучал тыльной стороной вилки по куску жареного мяса. Я смотрел на него с недоумением. — Они принесли в жертву этого чудесного молоденького ягнёнка! В жертву нам! — добавил он и буквально покатылся со смеху.

— И ради этого они прервали сиесту? — всё ещё сомневался я.

— Вероятно, хотели успеть к ужину.

— Но почему в саду, среди всех этих идолов?

— Ну откуда мне знать? Возможно, не хотели запачкать кухню. — Он пожал плечами и встал из-за стола. — Идёмте спать! Кажется, мы оба сегодня порядком устали.

Ночью я проснулся оттого, что на меня кто-то смотрит. Я слышал, что так бывает, но сам никогда не испытывал ничего подобного. Я чувствовал чей-то пристальный взгляд, чьё-то дыхание касалось моего лица... Этот кто-то был совсем рядом.

Я открыл глаза. И увидел Лару. Нет, не увидел. Скорее почувствовал. В темноте я не мог разглядеть её лица. Но в том, что на соседней подушке лежала именно она, у меня не было ни малейших сомнений. Её запах я узнал бы из тысячи других. Я знал на ощупь каждый сантиметр её тела. Мог безошибочно найти губами каждую родинку. Чтобы видеть её, мне не нужен был свет.

Я боялся шелохнуться. Мне казалось, что, как только я сделаю хоть малейшее движение, мираж растает и я проснусь. И самое странное заключалось в том, что проснулся я несколько минут назад.

Она протянула руку и осторожно погладила меня по щеке:

— Небритьёй... — её шёпот звучал так просто и естественно, словно мы никогда не расставались.

Я больше не хотел гадать, сон это или явь, не хотел думать, как она здесь оказалась. И даже если я сошёл с ума, мне было наплевать. Впившись губами в её рот, я целовал её так, словно хотел выпить из неё душу. Я чувствовал, как дрожит её маленькое тело под тонким шёлком халата, гладил её волосы, плечи, спину и всё не мог поверить в её реальность. Моя ладонь скользнула по её бедру, и тысячи крошечных мурашек пробежали по её коже. Я осыпал её тело поцелуями и всё не мог насытиться её близостью. Нашупав поясок халата, я осторожно потянул за его кончик. Но Лара вдруг схватила меня за руку и отстранилась:

— Хватит! — сказала она тихо, но очень уверенно.

Я не мог остановиться. Несколько секунд я ещё пытался поймать её губы своими. Но, выскользнув из моих рук вместе с шёлком, она вдруг выскочила из моей постели. И только чуть слышный скрип закрывающейся двери дал мне понять, что в этой темноте я снова остался один.

Мне хотелось рычать, рвать зубами подушку, биться головой о стену. Кажется, я и сам готов был принести в жертву человек двадцать никчёмных людишек, лишь бы эта женщина осталась со мной навсегда. Сейчас она была моим единственным божеством. Моим мифом, воплотившимся в реальность, вещим сном, значение которого я никак не мог разгадать.

Уснуть удалось уже под утро. Этой ночью я спал не больше двух часов. И сразу же после завтрака сообщил Эрнану, что у меня возникли срочные дела и мне необходимо вернуться в лагерь. В это он, конечно, не поверил, так как прекрасно знал, что новостей

от Яниса по-прежнему нет. Однако настаивать не стал, но взял с меня обещание вернуться к вечеру. Сразу после завтрака он заботливо проводил меня к выходу. Да-да! Дверь в заборе чудесным образом оказалась на том же месте! И я совершенно спокойно вышел через неё так же, как и входил. Всё это реально начинало пахнуть чертовщиной!

На самом деле я хотел уйти только для того, чтобы сменить обстановку. Мне нужно было побыть там, где я мог бы отвлечься, остаться в одиночестве и обо всём как следует подумать. И больше всего на свете мне хотелось понять связь между Ларой и этим домом. Если это была она — а я был уверен, что это была она, — то какого чёрта она делает в Мексике? Как Лара оказалось в моей комнате? И самое главное, куда она исчезла? Смутное подозрение, что кто-то пытается убедить меня в собственном сумасшествии, сверлило мой мозг и не давало покоя. Я должен был выдохнуть и распутать этот клубок таинственных событий.

Глава 13

Когда я вернулся в лагерь, ребята играли в карты и пили пиво на улице под навесом. Видимо, игра была в самом разгаре. Наспех поздоровавшись со всеми, я решил немного поспать и пошёл в домик.

Лёг не раздеваясь, так как знал, что спать днём не умею. Максимум, на что я рассчитывал, — немного подремать. Но уснуть не получилось совсем. Громкий смех и оживлённые разговоры были хорошо слышны с улицы. Тысячи мыслей носились в моей голове. Теперь это короткое ночное свидание казалось мне только сном. Но в то же время никто и никогда не смог бы убедить меня в его нереальности. Я знал, что Лара где-то рядом. Сейчас мне казалось, что интуитивно я чувствовал это с самого первого дня своего пребывания здесь. И я должен был её найти.

Ребята под навесом о чём-то громко спорили. Шум начинал порядком раздражать. Какая-то назойливая муха всё время кружила у моего лица и настойчиво не давала мне заснуть. Оставив попытки, я решил поискать покоя у своего старого приятеля падре Алехандро.

Придя к памятнику, я сел на скамейку, вытянул ноги и, прислонившись спиной к постаменту, закрыл глаза. Солнце приятно припекало. Вокруг наконец было тихо. Только изредка жужжание насекомых нарушало мой покой. Впрочем, никто не ползал у меня по лицу, и уже за это я был благодарен.

Спустя несколько минут я почувствовал, что мышцы начинают затекать. Спать, растянувшись в траве, среди бела дня, да ещё и в чистой одежде, было бы странно. А уснуть сидя не получалось. Я понял, что про сон можно забыть как минимум до вечера, и открыл глаза.

Отсюда дом в скале казался мне ещё более таинственным. Я смотрел на него и думал о том, что неспроста он так манил меня все эти дни. Однако сейчас было понятно только одно: побывав там, я только подкинул себе новых загадок.

И вдруг в окне второго этажа я снова заметил женский силуэт. Кто-то опять смотрел на меня оттуда! Это длилось всего пару секунд, и рассмотреть женщину с такого расстояния, конечно, было невозможно. Всё, что я успел заметить, — длинные светлые волосы. Это определённо была не Эмма! Мария? Или всё-таки Лара? А что, если всё это время Лара была там, наверху? Значит, она знала обо всём, что здесь происходит? Знала ли она про Марию? Наверняка! Из дома Эрнана остров просматривается в любом направлении! Но как? Как она здесь оказалась? Что связывало её со всеми этими людьми?

Или всё-таки это была Мария? Ну конечно! Эрнан присматривает за ней. Она наверняка живёт у него. Что в этом такого? Немного странным казалось только то, что, приглашая в свой дом гостей, Эрнан старался изолировать их друг от друга. Почему он не приглашал Марию к ужину на террасе? Возможно, она сама не хотела общения со мной. Но её поведение на пляже определённо говорило, что это не так.

Мои размышления прервал тихий звук льющейся воды. Где-то совсем рядом вода текла тонкой

струйкой, будто кто-то не до конца закрыл кухонный кран.

Я обошёл памятник. Какой-то мужик в светлых льняных штанах и широкополой шляпе заботливо поливал цветы в кашпо, зачерпывая воду стеклянной банкой из пластикового ведра.

— Добрый день! — сказал я, не слишком рассчитывая на ответ.

— Добрый! — Шляпа поднялась, и из-под неё на меня посмотрели любопытные карие глаза.

— Вы говорите по-русски? — зачем-то спросил я.

— Нет! — ответил мужик и хихикнул.

Проблем с языком у него определённно не было. И мой вопрос был очередной глупостью.

— Цветы поливаете?

— Картошку копаю! — усмехнулся он.

— Согласен, дурацкий вопрос. — Я вздохнул. Разговоры с незнакомцами никогда не были моей фишкой.

— Дурацкий вопрос — дурацкий ответ! — попыток жил мужик, и мы оба засмеялись.

— Археолог?

— Угу.

— А чего хотел-то?

— В смысле? — удивился я.

— Ну не просто так же пристал? Спросить что-то хотел? — Его хитрый взгляд был очень пронизательным. Я снова почувствовал себя глупо. Но другой возможности пообщаться с местными у меня могло не быть.

— Я ищу девушку, — честно признался я. — Блондинка, худенькая такая. Зовут Лариса. Не знаете её?

Мужик отрицательно покачал головой:

— Блондинок нет. Не в Швеции живём!

— Ну да, — согласился я. — А Мария? Вы знаете Марию? Она же местная? И тоже светленькая.

— Блондинок любишь? — Мужик снова ехидно хихикнул. — Про Марию слышал. Срамные танцы танцует. Ты про неё?

— Да.

— А с чего ты взял, что она местная?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Просто так подумал.

— Больше не думай! Среди местных проституток нет! Хочешь развлечься — в город иди.

— Мария в городе живёт?

— Да.

— А этот дом, — я махнул рукой в сторону скалы, — его давно построили?

— Лет пять назад... или три? Не помню я. — Закончив полив, мужик поставил банку в пустое ведро и собрался уходить.

— Эмма? Знаете вы хотя бы Эмму? — крикнул я ему вдогонку. Он ничего не ответил, даже не обернулся, только отрицательно покачал шляпой.

Я растерянно смотрел ему вслед. Надеясь получить хоть какие-то ответы, я получал всё новые и новые вопросы. Всё, что я узнал от хозяина шляпы, сводилось только к одному: Эмма врёт. Причём врёт она очень красноречиво и убедительно. Если бы Эмма и Мария были местными, мужик в шляпе был бы с ними хорошо знаком.

Я чувствовал, что невольно стал участником чьей-то странной запутанной игры, в которой я совсем не хотел принимать участие. И, вполне возможно, вышел бы из неё. Но теперь, когда я знал, что ко всему этому причастна Лара, я не мог не увязнуть в этом болоте.

К тому же в глубине души я совсем не хотел верить в то, что Лара по собственной воле могла быть где-то рядом со мной, но держаться на расстоянии. Я не хотел и не мог в это поверить! Но я не знал никого, кто мог бы диктовать свои условия этой женщине. Она совсем не из тех, кто легко прогибается!

Или знал? Ведь был же в её жизни этот чёртов Серго! Вряд ли она была с ним из большой любви! А впрочем... может, я просто не мог допустить мысли, что она способна полюбить кого-то, кроме меня?

Никто в лагере не спрашивал меня о том, куда я всё время пропадаю. Работы не было, и моё отсутствие, кажется, никого не волновало. С одной стороны, это было к лучшему, так как меньше всего на свете я сейчас хотел отвечать на чьи-то вопросы. А с другой — было немного обидно. Я с нетерпением ждал наступления вечера. Лёжа в своём домике, я снова и снова прокручивал в голове предстоящий разговор с Эрнаном. Твёрдо решив, что сегодня за ужином не оставлю его в покое, пока всё не выясню, я успокоился... и уснул.

Эрнан стоял облокотившись на перила террасы. Заметив меня, идущего по тропинке, он помахал мне рукой и весело крикнул:

— А! Нестор! Признаться, мы вас уже не ждали!

— Да, я, кажется, проспал ужин, — ответил я, немного смутившись.

— Поднимайтесь скорее! Мы уже поели, но Эмма ещё не ушла. Я попрошу, чтобы она вам накрыла.

— Нет-нет! Спасибо! Я совсем не голоден, — сказал я, поднимаясь по лестнице. Несмотря на то, что последний раз я ел во время завтрака, ужинать мне действительно не хотелось. Видимо, в моей голове было

столько вопросов, что мыслям о еде просто не хватило места.

— Ну хотя бы выпейте с нами!

Только сейчас я понял, что «с нами» — это не с ним и Эммой! Я замер на пороге, не в силах больше сделать ни шагу. В плетёном кресле напротив меня сидела Лара!

— Привет! — сказала она так, словно я вернулся из булочной.

Сказать, что я был поражён, значило бы не сказать ничего. По-моему, в этот момент я потерял не только дар речи, но и способность двигаться. Какое-то время я просто стоял и смотрел на неё.

Она сидела поджав под себя ноги. Светлые потёртые джинсы обтягивали красивые бёдра. Длинные волосы были собраны в высокий хвост. Я заметил, что на её лице совсем нет косметики. Видимо, здесь она чувствовала себя как дома.

Господи... до чего же она прекрасна! Даже в этих стареньких джинсах, совсем без макияжа она умудрялась выглядеть божественно. Я всегда любил смотреть на неё такую: милую, беззащитную, домашнюю. Совсем не похожую на ту, что танцует в фонтанах, жонглируя мужскими сердцами, как циркачка горящими факелами. То, что видели другие, было только игрой, цирковым представлением, шоу. А я любил её настоящую, такую, как сейчас.

Её холодность сбила меня с толку. Кажется, Лара совсем не удивилась моему появлению. Была ли она рада? Скучала ли? Почему её лицо кажется мне таким холодным? Ведь буквально прошлой ночью она была в моей постели! И это точно был не сон!

При одном воспоминании о шёлке её халата под моими руками у меня начинала кружиться голова, и тёплая волна неутолимого желания растекалась по моим венам. Я хотел её до боли. Жажда владеть этой женщиной была совсем не похожа на обычное сексуальное влечение. Один её взгляд, один взмах ресниц — и сердце моё наполнялось счастьем. Я любил в ней всё: от голоса и походки до привычки сидеть с поджатыми ногами. И кажется, всё это я по-настоящему понял только сейчас.

А она... даже ко мне не подошла. Лёгкий кивок головы и «привет»... Да, не так я рисовал нашу встречу в своём воображении, совсем не так!

Не знаю, сколько бы ещё я стоял, если бы Эрнан не вернул меня в реальность:

— Поздоровайтесь с дамой, Нестор! Вы ведёте себя невежливо! — сказал он с едва заметной усмешкой.

— Добрый вечер! — Я наконец пришёл в себя и сел в кресло.

Эрнан наполнил бокалы:

— За встречу! — Его лицо светилось весёлой улыбкой. Кажется, не было необходимости рассказывать ему о наших отношениях с Ларой. Эрнан, как всегда, знал всё и обо всех.

Мы пили молча. Только сейчас я заметил, как дрожат её пальцы. Словно догадавшись о том, что я это заметил, Лара аккуратно поставила бокал на край стола и сложила руки между коленями. Она явно старалась не выдать эмоций. И, судя по всему, это давалось ей очень непросто. Мне даже показалось, что глаза её были красными и слегка припухшими, будто она плакала совсем недавно. Но почему? Почему она сбежала от меня вчера? Почему так сдержанна сегодня?

Я поймал себя на том, что стараюсь не смотреть ей в глаза. Она же, напротив, разглядывала меня с откровенным любопытством, почти с жадностью. Вопросы в моей голове становилось всё больше и больше. Но теперь я точно знал, что не уйду из этого дома, пока не получу на них ответы.

Будто подслушав мои мысли, Эрнан вдруг спросил:

— Что вас беспокоит, Нестор?

Наверное, это и был тот самый удобный момент, которого я ждал! Но то ли я растерялся, то ли опять испугался узнать правду... однако вместо того, чтобы спросить его о том, что меня действительно волновало, я почему-то сказал:

— У вас нет новостей от Яниса?

— Вы ждёте каких-то конкретных новостей? — Эрнан определённо к чему-то меня подталкивал.

— Хотелось бы понимать, сколько ещё нам придётся торчать здесь без работы.

— Ваша работа окончена, Нестор, — его голос звучал неожиданно твёрдо. Эрнан поставил бокал на стол и, сложив руки перед собой, внимательно смотрел мне в глаза.

— В смысле — окончена? Миша сказал, что мы ждём какое-то разрешение, чтобы продолжить раскопки.

— Раскопки окончены, — повторил он. — Мы нашли то, что искали.

— Мы? Что вы пытаетесь мне сказать? — Моё терпение было на исходе. Я встал с кресла и подошёл к перилам. Так мне было удобнее видеть сразу их обоих. — При всём моём уважении... я не хочу показаться хамом, но все эти загадки... Если честно, я начинаю бояться, что мой мозг лопнет, как чирей.

— Успокойтесь! — резко оборвал меня Эрнан. — Я сказал, что МЫ нашли то, что искали, и раскопки на этом окончены.

— О'кей! Тогда не могли бы вы прояснить, какое отношение ВЫ имеете к этим раскопкам и ЧТО конкретно вы искали?

— Сядьте, Нестор... разговор будет долгим, — тихо сказал он. Я сел. — Скажите, вы слышали легенду о хрустальных черепах майя?

— Конечно. Но это ведь только легенда, верно? — спросил я. Странно, но его неожиданно резкий тон придал мне спокойствия. Предчувствие разгадки обострило любопытство и сделало меня очень внимательным.

— Не совсем. Это не легенда, это большой, но не слишком продуманный фарс. Хрустальные черепа, которые якобы были изготовлены индейцами в глубокой древности, стали появляться в Европе в девятнадцатом веке. Вокруг них до сих пор немало шума.

— Их тринадцать, кажется?

— Тринадцать, — произнёс он задумчиво.

— И, если я всё правильно помню, ни один из них не имеет отношения к майя, так ведь?

— Не совсем так. Один череп всё-таки был.

— Только не у них, — добавила Лара. Всё это время она молчала, но я чувствовал, что она не сводила глаз с моего лица.

— А у кого?

— У Пакаля. Нестор, выслушай, пожалуйста, и постарайся это принять. То, что ты сейчас узнаешь, может показаться невероятным. Но поверь, всё очень серьёзно. — Лара явно занервничала, и это начинало передаваться мне.

Немного помолчав, Эрнан продолжил:

— Древнее предание майя гласит, что хрустальный череп, как символ божественной мудрости, людям подарила богиня Иш-Чель.

— Это жена главного бога, если я не ошибаюсь? — уточнил я на всякий случай.

— Да, жена Ицамны, — сказал Эрнан. — Хрустальный череп давал людям майя мудрость и силу. До последнего дня они верили, что в нём сосредоточена божественная энергия, благодаря которой им и удалось создать такую высокоразвитую цивилизацию. С глубокой древности хранителем черепа являлся правитель майя. Он передавался от царя к царю вместе с властью. Много веков подряд людьми правили мудрые властители. Майя построили города, изобрели письменность, создали произведения искусства, смогли познать тайны вселенной. Пока в один прекрасный день богиня Цинтеотль не соблазнила Пакаля, явившись ему в образе его собственной дочери.

— Поймите! Цинтеотль... это её статуя в саду? — Эрнан кивнул. — А Пакаль — это последний царь Паленке? Тот, что был найден в нефритовой маске?

— Не последний. Но после него в Паленке уже не было ничего хорошего, — в голосе Эрнана послышались грустные нотки. — Цинтеотль поразила его безумием.

— Поэтому он переспал с собственной дочерью?

— Ну... как-то так, да, — усмехнулась Лара. — А потом в приступе гнева он разбил хрустальный череп, сбросив его с вершины пирамиды. С этого момента начался обратный отсчёт.

— Для майя?

— Для всех, — заметил Эрнан. — После утраты хрустального черепа Паленке постепенно начал приходить в упадок.

Повисла пауза. История была грустная, но ничего невероятного в ней не нашёл. По-моему, это была вполне типичная индейская легенда.

— Так черепа больше нет? Ни одного? — спросил я, чтобы просто нарушить молчание.

— Ты помнишь, какая шумиха была вокруг конца света в две тысячи двенадцатом? — вдруг спросила Лара.

— Кто ж не помнит? — усмехнулся я. — Кажется, мы все ждали его с нетерпением.

— На самом деле это совсем не так забавно, как вам кажется. — Эрнан снова встал и принялся мерить террасу шагами. — Череп, брошенный Пакалем, разбился на тринадцать кусков...

— Отсюда все эти мистификаторы с тринадцатью черепами?

— Скорее всего, — согласилась Лара.

— Так вот, — продолжил Эрнан. — Богиня Иш-Чель дала людям срок до две тысячи двенадцатого года. За это время они должны были собрать все тринадцать хрустальных осколков.

— А если нет?

— А на нет и суда нет! — рассмеялся Эрнан.

— Всё просто, Нестор, — сказала Лара. — Если бы осколки не собрали, сбылось бы предсказание майя.

— Конец света в две тысячи двенадцатом?

— Ну да.

— Но сейчас, слава Богу, две тысячи девятнадцатый. И свет, кажется, не кончился. — Я усмехнулся

и посмотрел на светильник, висящий над столом. — Значит, осколки удалось найти?

— Почти, — серьёзно сказал Эрнан. — К тому времени нашли только двенадцать. Последний осколок искали почти двести лет. Срок истекал, и конец света казался неизбежным. Однако потомки майя смогли задобрить богов.

— Жертвами?

— И жертвами тоже. Иш-Чель дала людям ещё семь лет на поиски последнего осколка.

— Семь лет — нормальный срок, — кажется, я не сумел скрыть сарказма.

— Смешной, по меркам богов, — сказала Лара.

Надо признаться, что до этого момента я не слишком серьёзно относился к услышанному. Но версия с отсрочкой конца света заставляла задуматься. Две тысячи двенадцать плюс семь — две тысячи девятнадцать....

— Нашли последний?

— Вы нашли. Спасибо! — рассмеялся Эрнан.

— Это шутка такая, да?

— Нестор, я же сказала: всё очень серьёзно, — в голосе Лары послышались нотки раздражения.

Я замолчал. Если всё, что они рассказывают, — правда, то неожиданное прекращение раскопок становилось вполне объяснимым. Из всего этого выходило, что настоящей целью нашей экспедиции были поиски тринадцатого осколка. Выходит, тонны камней и земли, которые мы перелопатили, были нужны только ради одного несчастного куса хрусталя?! А пирамида, заросшая непролазными джунглями, которую мы откапывали столько дней, на самом деле никому не была нужна?!

И теперь, когда мы выполнили свою задачу, продолжать работу было бессмысленно. Что ж, можно было ехать домой. Все последние дни я скучал по Новосибирску. Но сейчас мне почему-то совершенно не хотелось возвращаться на его холодные улицы.

Однако кое-что мне всё-таки было непонятно:

— Подождите! — сказал я. — Я не могу понять... Пакаль бросил череп с вершины пирамиды, так?

— Так, — кивнул Эрнан.

— Череп разбился на тринадцать кусков, так? — Эрнан снова кивнул. — И на поиски этих кусков потребовалось несколько веков?! Разве нельзя было просто собрать их у подножия пирамиды? Понятно, что осколки от предмета, упавшего с такой высоты, должны были разлететься в разные стороны. Но не настолько же они далеко отлетели, чтобы на их поиски потребовалось столько времени!

— Вы наивны, Нестор! — сказал Эрнан, поднимая бокал. — Вы восхитительно наивны! Во все времена люди стремились получить мудрость и власть. Майя не были исключением.

— Они попросту их растащили? — догадался я.

— Я думаю, это случилось в ту же минуту, как только череп коснулся земли, — с улыбкой добавила Лара.

— И что было дальше? — не унимался я.

Эрнан посмотрел на меня как на ребёнка:

— Попробуйте догадаться, — сказал он. — После смерти Пакаля тринадцать человек, которым удалось подобрать осколки, естественно, стали бороться за власть. Кстати сказать, его сыновья тоже принимали в этом активное участие. А борьба за власть, как известно, почти всегда приводит к катастрофе. Всё это очень скоро переросло в войну. Разгневанные

боги немного пошалили с климатом: засуха, голод и, как следствие, падение цивилизации. Майя покинули Паленке. И, естественно, прихватили с собой осколки хрустального черепа. А как вам известно, вопрос о том, куда они ушли, учёными не решён до сих пор.

— То есть вы хотите сказать, что раскрыли причину падения цивилизации майя? — Мои глаза медленно поползли на лоб.

— Ну я, конечно, не берусь рассуждать о том, что произошло в Тикале или в других городах... Могу только предположить, что и там случилось нечто подобное, — рассмеялся Эрнан.

— Но вы утверждаете, что смогли предотвратить конец света?

— Не я один, — сказал Эрнан очень спокойно. — Поисками занималось множество разных людей: историки, археологи, просто рабочие, вы, например. К тому же эта история ещё не совсем окончена. Остались кое-какие мелочи...

— Не надо, Серго... я сама ему потом скажу, — оборвала его Лара.

— Серго? Я не ослышался?! Ты сказала «Серго»? — Я не мог поверить собственным ушам. Это имя вызвало дрожь в моём животе. Я больше не мог думать ни об индейцах, ни о хрустальных черепах.

— Это дружеское прозвище, — рассмеялся Эрнан. — Вы можете продолжать называть меня по имени, если вам так удобнее.

Так вот в чём причина её показного холода? Да... наверное, со стороны я выглядел очень глупо, и наблюдать за реакцией человека, оказавшегося в такой ситуации, и правда забавно. Я чувствовал себя полным идиотом.

Эрнан подошёл ко мне, слегка похлопал по плечу и сказал:

— Я думаю, вам есть о чём поговорить наедине. Завтра сложный день. Я, пожалуй, спать...

— Спокойной ночи, — ответил я растерянно.

Проходя мимо Лары, он слегка коснулся и её плеча. В ответ она с нежностью взглянула на него и на секунду сжала его руку.

Волна жгучей ревности захлестнула меня:

— Так это и есть твой муж? — спросил я, как только Эрнан вышел.

— Пойдём на берег! Душно здесь, — сказала она вместо ответа.

Мы сидели на песке и смотрели на океан. Полная луна повисла над горизонтом, и её холодный свет тянулся к самому берегу. Он дрожал на воде, перекачивался вместе с волнами, казался живым. И было в этом танце воды и света что-то чарующее, почти языческое. Лунный свет лизнул её ноги, пополз выше, скользнул по лицу. Мне казалось, что это какое-то незнакомое мне божество целует мою женщину. И я не смел ему мешать.

Наконец я не выдержал и наклонился к ней. Дотронувшись пальцами до её лица, я на мгновение замер. Чувства, которые я испытывал, касаясь её кожи, были похожи на ощущения человека, вернувшегося домой. В этой женщине всё было настолько родным, что даже простое прикосновение заставляло сжиматься сердце. Лара закрыла глаза и прижалась щекой к моей ладони:

— Господи... как же я соскучилась! — прошептала она.

Но как только мои губы коснулись её, она отстранилась:

— Не надо, Нестор! — голос Лары звучал тихо, но очень уверенно.

— Ты любишь его? — Я ненавижу себя за этот вопрос. Эрнан — её муж. Они вместе. И какими бы ни были причины этого брака, Лара была чужой женой. А Эрнан был моим другом. В последние дни я успел привязаться к этому человеку. Чувство глубокого уважения, почти восхищения, которое я испытывал к нему, грызло мою совесть. Ещё там, на террасе, когда я впервые увидел их вместе, я ощутил себя предателем. В тот момент это противное чувство ещё не успело оформиться в слова. Но сейчас оно вылезло наружу и буквально сверлило мой мозг. Но другом ли он был мне? Слишком много тайн. Слишком много...

— Я не знаю, Нестор, — наконец ответила она. — Я правда не знаю. Он всегда был со мной. Иногда мне кажется, что я живу где-то внутри него. Он для меня — как этот дом в скале: большой, холодный, тёмный, надёжный... мой дом. Понимаешь? А с тобой мне тепло. С тобой всегда всё просто и легко... С ним никогда не бывает тепло. Он человек-скала, человек-пещера. Ты можешь в нём заблудиться, ты можешь сколько угодно искать в нём свет, но никогда не найдёшь. Я до сих пор не знаю, в каком сундуке он прячет свои чувства и есть ли они у него вообще. Но это мой дом, мой мир. И вряд ли я приживусь где-нибудь в другом месте.

Я слушал её и вспоминал тот день, когда впервые узнал о существовании Серго. Тогда он мне казался типичным богатым уродом, который пудрил мозги молоденькой девочке. И это никак не увязывалось с Эрнаном, с его тонким восприятием мира, с его

проницательностью... Как странно всё-таки... не успел я подумать о том, что Лара — мой дом, как она сказала, что её дом где-то внутри Серго. Мы чувствовали мир одинаково. И в то же время жили на разных планетах.

— Он знает о нас? — Она кивнула. — И он так просто оставил нас одних? — удивился я.

— А что ты ожидал? Что он привяжет меня к батарее? Закроет в подвале? Будет следить за мной?

— В этом доме нет батарей, — зачем-то напомнил я.

— Я устала, Нестор... Как же я устала от всего этого! — Лара закрыла лицо руками и заплакала.

Я целовал её волосы, руки, губы. Я готов был плакать вместе с ней.

— Лара... девочка! Давай уедем отсюда? Завтра же! Назад в Крым, в Новосибирск, куда угодно! Давай уедем! — шептал я, задыхаясь от нежности.

— Нет. — Она снова отстранилась и посмотрела на меня так холодно, что по моей спине пробежали мурашки.

— Ты всё-таки его любишь...

— Нестор! Ты взрослый мужик! А ведёшь себя как эгоистичный ребёнок! — Лара резко встала и принялась отряхивать джинсы от песка. — Даже если бы я могла уехать с тобой, я, наверное, осталась бы с Серго... Знаешь почему?

— Почему?

— Потому, что настоящий мужик, Нестор, никогда не идёт на поводу у собственного эгоизма!

— Что ты несёшь?! — Я подошёл к ней, взял её за подбородок и заставил посмотреть мне в глаза. — Я люблю тебя, дура!

— Есть вещи гораздо важнее этого...

Я не дал ей закончить. Я целовал её так, будто боялся, что она будет говорить снова. Я боялся, что если остановлюсь хоть на мгновение, из её рта снова начнут вылетать какие-то страшные слова. Я не хотел их слышать. Я знал, что они могут сделать больно, очень больно, возможно, даже убить.

Не прошло и минуты, как наши вещи полетели в песок. Это не было сексом. Ничего похожего на секс. Мы больше не были мужчиной и женщиной. Нас нельзя было делить на «он» и «она». Мы были единым существом, с общим телом и с общим духом. И в этот момент я знал, что Лара любит меня. Каждая клеточка её тела, нашего тела дышала любовью, стонала любовью, кричала любовью. Эта женщина могла обмануть кого угодно: меня, Эрнана, даже себя. Но она не могла обмануть звёзды. А они видели всё.

— Ты навсегда останешься мальчишкой. — Спустя несколько минут Лара сидела на песке, обхватив руками обнажённые колени, и смотрела на волны.

Лунный свет делал её похожей на маленькую серебряную статуэтку. Зачерпнув руками немного песка, я тонкой струйкой сыпал его на её стройные ноги. Я смотрел, как он сползает по её серебряной коже, и думал о том, что в этом мире мы все — только крошечные игрушки в руках каких-то неведомых богов.

— Эрнан... он мнит себя конкистадором?

— С чего вдруг? — удивилась Лара.

— Он выбрал это имя потому, что хочет быть похожим на Эрнана Кортеса — завоевателя Мексики?

— Нет! Вот глупый! — Она звонко рассмеялась, запрокинув голову. — Это имя выбрали ему родители. Оно тюркское, кажется.

— А кто он по национальности?

— Какая разница? Давай не будем о нём, — её голос снова стал тихим и грустным.

— Давай, — согласился я.

Лара легла на песок и закрыла глаза:

— Хорошо здесь, правда? — Она повернулась ко мне и провела кончиком пальца по моему носу, подбородку, губам...

— Почему мы не можем уехать? — Я поймал её руку и прижал к своей груди.

— Помнишь, Серго сказал, что история с осколками ещё не окончена? — Я кивнул. — Остались ещё кое-какие дела, которые мы должны доделать.

— А потом?

— А потом не будет.

— Чего не будет? — переспросил я.

— Ничего не будет. — Лара печально улыбнулась, и мне вдруг показалось, что в глазах её блеснули слёзы.

— Ты расскажешь мне или нет?! — Я взорвался. — В конце концов, я имею право знать, что здесь происходит! Я должен знать, что происходит с тобой, чёрт возьми!

— Уверен? — Лёгкая усмешка скользнула по её губам. — Хорошо. — Она снова села на песок и посмотрела на меня очень внимательно. — Время, которое боги дали людям на поиски осколков, подходит к концу. Осталось всего два дня.

— Но Эрнан сказал, что всё нашли. Разве нет?

— Нашли. Но боги майя злопамятны и кровожадны. Им нужна жертва.

— О боже... бред какой! Кровь тринадцати девственниц? Или сердце носорога?

— Только не надо сарказма, ладно?!

— Прости.

— Им не нужны бессмысленные жертвы. Им нужен конкретный человек. Женщина, посвятившая всю свою жизнь служению богине Цинтеотль.

— Жрица? — Я не совсем понимал, к чему она клонит.

— Можно и так сказать. — Лара вдруг уткнулась головой в колени и замолчала. — Это я, Нестор, — добавила она тихо. — Боги хотят меня.

Глава 14

— Ты сошла с ума... — То, что я услышал мину- ту назад, казалось настоящим безумием. — Я прошу тебя... давай оставим все эти глупости и просто уедем! Ты слышишь меня?!

— Слышу. Успокойся! — Её глаза стали такими холодными и пустыми, что мне стало казаться, что она сама не понимает, что говорит. — Я не могу, Нестор. В мире есть вещи гораздо важнее наших чувств.

— Да? И какие, например?

— Мир... Сегодня уже шестнадцатое. Восемнадца- того на рассвете ритуал должен свершиться.

— Иначе что?

— Иначе пророчество сбудется. Наступит конец времён. И отсрочек больше не будет, понимаешь? И все наши поиски будут напрасными.

— Кто это тебе внушил?! Ответь мне, пожалуй- ста! Кто вбил в твою голову весь этот бред? Эрнан? Он безумец, Лара! Понимаешь? Он сошёл с ума! — Я носился по пляжу, размахивал руками, кричал. А она сидела неподвижно и смотрела на меня так отрешённо, что в холодном свете луны её лицо каза- лось мёртвым.

— А что, если нет? — наконец спросила она. — Если бы ты был на моём месте, ты бы уехал? Бросил всё, и будь что будет?!

— А ты совсем не допускаешь мысли, что вся эта история — липа? — заорал я. — Ты готова вот так

просто взять и умереть, даже если всё это бред и ника- кого конца света не случится?

— А ты готов проверить? Давай, собирай вещи! Поехали! Интересно, куда мы успеем долететь? Наш самолёт плюхнет в океан? Или, может, дотянем до Симферополя? А что будет там? Пожар? Наводне- ние? Ядерная зима? Нестор, я не знаю, как это про- изойдёт: в одночасье или медленно... Но я знаю одно: либо я, либо все.

Я остановился. Я не знал, что ответить. Навер- ное, если бы от меня зависело спасение человече- ства, я не задумался бы ни на минуту. Моя жалкая, не самая ценная жизнь — ничто по сравнению с судь- бами миллионов. Но где доказательства? Чёрт возьми! Как я мог позволить любимой женщине добровольно стать жертвой каких-то полоумных сектантов?!

Я выдохнул и помог ей подняться:

— Пойдём в дом, мы оба устали. — Обняв её за пле- чи, я почувствовал, как она дрожит. — Ты замёрзла?

— Нет. Всё хорошо. — Лара опёрлась на меня рукой и стала натягивать джинсы.

В дом мы вернулись молча. Она проводила меня до дверей комнаты и ушла. Без слов, без поцелуев, ушла молча. Я снова остался один.

Рассвет был уже близко, и на улице было очень све- жо. А здесь, в этой чёртовой пещере, воздух был такой спёртый, что, несмотря на холод, было нечем дышать. Странно, но ещё прошлой ночью мне так совсем не каза- лось. Тем не менее уснуть мне удалось быстро. Видимо, сильное нервное напряжение и бессонница последних дней всё-таки сделали своё дело. Но пока я засыпал, в голове всё время звучал голос Лары: «Сегодня уже шестнадцатое... сегодня уже шестнадцатое...»

Снов не было. И, пожалуй, это было к лучшему. Мой мозг и без этого был перегружен реальностью.

Я проспал до обеда. Зато, когда проснулся, голова была чистой и ясной. Нужно было действовать, не теряя ни минуты. Немного пугало, что полдня уже было потеряно, но рано или поздно я бы всё равно свалился.

В первую очередь нужно было найти хоть какие-нибудь доказательства, которые смогли бы мне помочь убедить Лару. Я должен был суметь её убедить в том, что всё это полный бред, безумие... Нужно во что бы то ни стало увезти её из этого логова сумасшедших сектантов! И на всё про всё у меня оставалось только полтора дня.

Обедать я не стал. Не было времени. Встречаться с кем-то из обитателей этого дома тоже не очень хотелось. Я должен был как можно скорее поговорить с Мишей. Уж кто-кто, а он точно владел информацией о настоящей цели этой экспедиции!

Но в лагере меня никто не ждал. Не то чтобы никто не обрадовался моему возвращению... вовсе нет! Там просто никого не было. Только на этот раз не было не только людей, но и вещей. Они снова уехали без меня. Но, кажется, теперь уехали насовсем.

Я понял это почти сразу. Под навесом не было посуды. Ни одной чёртовой грязной кружки! С каких это пор все стали такими чистюлями? В домиках не было ни сумок, ни вещей. Только голые матрасы и подушки без наволочек.

Слушайте! Разве так бывает?! Разве можно вот так запросто бросить в чужой стране парня из своей группы?! Нет, деньги и документы у меня,

конечно, были. При желании я вполне мог уехать отсюда. Без проблем...

Но... эй! Это свинство, ребята! Это большое свинство!

Я пошёл в свой домик за вещами. Оставлять их там без присмотра, в любом случае, было нельзя. Подойдя поближе, я заметил, что дверь слегка приоткрыта. Я дико разозлился из-за того, что Миша даже не потрудился закрыть её на ключ. Я пнул её ногой так, что дверная ручка с громким стуком влетела в стену.

Однако внутри меня ждал сюрприз покруче! В комнате был страшный бардак! Повсюду валялись мои вещи, а на полу сидела Мария. Она явно что-то искала в моей дорожной сумке.

— Какого чёрта?! — заорал я.

От испуга она рванулась к противоположной стене и забилась в угол. Не в силах сдержать подступившую ярость, я одним прыжком подскочил к ней и вцепился в воротник её лёгкой клетчатой рубашки.

— Какого чёрта ты здесь забыла?! — Я тряс её за шиворот так, что её голова билась о тонкую фанерную стену домика.

Я не был психопатом. И никогда не бил женщин. До этого момента я был абсолютно уверен, что ни одна из них, даже самая бестолковая, не способна вывести меня из себя. Но сейчас я сам себя боялся. И, честно сказать, не знаю, чем всё это могло закончиться.

Но... видимо, оправившись от первого шока, Мария собралась с силами и вlepила мне пощёчину. Красивую, звонкую пощёчину! Теперь не только Миша, но и я сам на собственной шкуре испытал силу её удара.

От неожиданности я разжал пальцы, и она выскользнула у меня из рук. В последний момент я всё-таки успел ухватить её за ногу. Удержать её было непросто. Девчонка вертелась, как уж на сковородке, брыкалась, пиналась и даже умудрилась укусить меня за руку. В конце концов мне пришлось сесть на неё верхом. Крепко зажав её руки над головой, я старался удержать её ноги своими коленями. Я был намного сильнее, но эта стерва была похожа на кусок мыла. Она выскользнула из рук, и поймать её было почти невозможно.

Когда она наконец устала и немного притихла, я сказал как можно спокойнее:

— Слушай меня внимательно! Я не сделаю тебе ничего плохого. Я обещаю. Поняла? — Она кивнула. — Но сейчас ты ответишь на все мои вопросы. Ясно? Только вопросы. И я тебя отпущу. Ты меня поняла?!

— Руки больно, — тихо сказала она.

Я немного ослабил хватку, но совсем отпустить не стал:

— Итак, вопрос номер раз: как ты здесь оказалась и какого чёрта ты роешься в моих вещах?

— Да убери ты руки свои! — закричала она и снова начала елозить по полу. — Достали уже со своими разборками!

Я с силой сжал её запястья и, наклонившись к самому лицу, зашипел:

— Заткнись и отвечай! Что ты искала?

— Нож!

— Какой ещё нож? — Если честно, я немного опешил.

— Нож... деревянная ручка, чёрное стеклянное лезвие.

— Обсидиановое?

— Да откуда я знаю?! Отпусти меня, придурок! — Она сморщилась от боли.

— О'кей! О'кей! Отпущу! — сказал я. — Обещай не дёргаться!

— Ладно! — снова заорала она.

— И не орать!

— Ладно, — на этот раз голос её звучал немного тише.

Я взял её за руку и швырнул на кровать:

— С чего ты взяла, что этот нож у меня? — Поставив одну ногу на матрас, я преградил ей дорогу к двери.

— Эрнан сказал.

— Та-а-а-а-к... ясно! Это он тебя послал? Зачем ему нож?

— Да не знаю я! Я же сказала!

— В тот день на пляже... Тоже он тебя послал?

— Да.

— Откуда ты приехала?

— Из Адлера.

— Когда?

— Не помню... недели три назад.

— Зачем?

— Эрнан предложил работу.

— Откуда ты его знаешь?

— Он муж моей подруги.

— Лара?! Она твоя подруга?! — Мария снова кивнула. — А с ней ты давно знакома? Где вы познакомились?

— Танцевальная школа. Адлер.

— Эмма?

— Что Эмма?

— Рассказывай про Эмму!

— Она тоже из Адлера. Мы там учились. Филиал РУДН. Эмма преподавала испанский.

— Эмма препод? — Я хохотал в голос. Но смех был совсем не весёлым, скорее истерическим. — Вот уж не думал, что она русская! Колыбельные поёт...

— Эмма не русская. Она где-то здесь родилась, — сказала Мария.

— А как она в РУДН оказалась?

— Понятия не имею! Это всё?! — спросила она.

— Нет. Как вы с Ларой оказались в Евпатории? — Я смотрел на неё сверху вниз и старался ничего не упустить, задать как можно больше вопросов. Но мысли в голове носились, как сумасшедшие мухи над... не над мёдом.

— В 2014-м Лара поехала посмотреть Крым. И вышла замуж. Бросила учёбу. Через полгода позвала меня. Там неплохо платят танцовщицам.

— Танцы в фонтане?

— Да. Допрос окончен?

Я убрал ногу с матраса и сел рядом с ней на кровать. Бежать она явно не собиралась:

— Так значит, ты — Машка? — Я улыбнулся и дружески потрепал её по ноге. — Просто Мария из Адлера... Ну и наворотели вы дел, девки!

— Вали отсюда, — сказала она тихо. — Домой езжай.

— Зачем? — удивился я.

— Тебе с Ларой ничего не светит.

— Вот как?! — Я снова нервно засмеялся. — Я ей что? Не нравлюсь?

— Нравишься... Она умрёт скоро.

Я почувствовал, как шевелятся волосы на моей голове.

— Её принесут в жертву? — эти слова я еле выдавил из себя. Мой собственный голос казался чужим,

как будто это не я, а кто-то другой нёс этот бред. И этот кто-то явно сошёл с ума.

— Так надо, понимаешь? — Мария вдруг села рядом и тихо положила голову мне на плечо. Этого я уж точно не ожидал.

— Как думаешь, она сумасшедшая?

— Нет.

— А он?

— И он — нет.

— Чёрт! Да вы все тут чокнутые, что ли?! — я снова взорвался. Маша молчала. Набрав в лёгкие побольше воздуха, я сосчитал до десяти, потом выдохнул и сказал: — Есть способ это остановить?

— Что ты хочешь остановить? — переспросила она с таким видом, будто и впрямь ничего не понимала.

— Убийство. Жертвоприношение это чёртово...

— Зачем?

— Ты совсем дура, что ли?! — рявкнул я, снова теряя терпение. — Я хочу, чтобы она жила! Понимаешь? Я хочу, чтобы Лара жила! — Мне казалось, что моя голова вот-вот лопнет. В ушах стоял такой гул, что меня раздражал даже звук собственного голоса. Я закрыл глаза и сдавил виски руками.

— Башка болит? — понимающе спросила Маша.

— Угу.

Она встала и принялась швырять мои вещи, разбросанные по комнате. Потом откуда-то из-под горы шмотья вытащила цветастый женский рюкзак и долго в нём что-то искала. Наконец она протянула мне несколько кусочков каких-то странных чёрно-зелёных листьев и недопитую бутылку минеральной воды. Я сунул в рот всё сразу и почувствовал резкую горечь. Я чуть было не выплюнул, но Маша сказала:

— Воды хлебни! Не глотай только. Рот прополощи и выплюнь. Сейчас нормально будет.

И действительно, через несколько минут мне стало немного лучше. Пульсирующая головная боль утихла. Я совершенно успокоился, даже немного клонило в сон. Только ещё какое-то время оставался резкий привкус горечи, и было такое ощущение, будто мне весь рот обкололи новокаином, будто я только что посетил стоматолога.

— Что это за дерьмо? — спросил я не очень чётко.

— Это местные листья для жевания, — ответила Маша. — Не бойся, они безвредные. Почти...

— Понял. — Я кивнул, так как много слышал об этих листьях от наших парней. Они-то их давно попробовали. Мужики рассказывали про какое-то облегчение, про снятие боли. В общем, небольшая слабость, приглушённые чувства и будто весь рот обколол новокаином — вот и всё «волшебство».

— Помоги мне, Маш, — тихо сказал я спустя несколько минут.

— Чем?

— Ты веришь в любовь?

— Угу. — Она кивнула, но глаз не подняла.

— Поможешь? Кажется, я... кажется, у меня нет друзей... здесь. Или вообще...

Она вдруг резко встала и принялась застёгивать свой рюкзак:

— Вставай, поехали! — сказала она и потянула меня за руку.

— Куда?

— Ты же просил меня помочь, кажется? — в её голосе мне послышались недобрые нотки, но спорить я не стал. Выбора всё равно не было. Я готов был

ехать куда угодно, лишь бы найти хоть какой-нибудь выход.

Автобуса до Паленке мы ждали не меньше часа. Жутко хотелось пить, но ни одного магазина поблизости, конечно, не оказалось. А воду из бутылки я давно допил. Так и пришлось терпеть, пока не доехали до места.

У входа в археологический комплекс мы наконец купили бутылку воды. Пришлось купить и два входных билета. Никакого специального пропуска у меня не было. Когда мы приезжали сюда на работу, пропуск показывал только Миша. Так что сегодня я впервые почувствовал себя настоящим туристом. Билеты нам продали неохотно. До закрытия оставалось чуть больше сорока минут, и десять из них пришлось потратить на то, чтобы убедить тётку в кассе. Ей почему-то казалось, что за это время мы ничего не успеем посмотреть. Хотя какая ей была разница?

Несколько минут Маша спорила с ней на ломаном английском. Пока я наконец не догадался сунуть церберу на пятьдесят песо больше. Но это в любом случае было лучше, чем отстоять очередь, в которую мы бы непременно попали, если бы приехали хоть немного раньше.

На самом деле времени нам хватило с лихвой. Осматривать мы ничего не собирались, так как оба видели всё это по меньшей мере раз сто. Но всё равно при виде этих грозных развалин у меня каждый раз перехватывало дыхание. Сегодня же здесь всё выглядело как-то иначе. Или я сам себя накрутил, но трава была зеленее, камни — страшнее, а тишина — торжественнее.

Я шёл по тропинке, но ноги мои не касались земли. Мне казалось, что с каждым шагом нога попадает

во что-то мягкое, упругое и в то же время невесомое. Наверное, так чувствует себя человек, идущий по облакам. Ощущение было незнакомым, но весьма приятным.

Не знаю, сколько длилась моя «облачная прогулка», но Маша успела уйти далеко вперёд. Опомнился я только тогда, когда услышал её голос:

— Кончай зависать! Быстрее иди! — крикнула она, остановившись метрах в двадцати от меня.

Видимо, я не слишком хорошо справлялся с поставленной задачей, поэтому ей пришлось вернуться. Подойдя ближе, она взяла меня за руку, потащила вперёд и... буквально вырвала меня из моего облака. Земля под ногами снова стала твёрдой, а походка — вполне обычной.

Обогнув Храм Солнца, мы прошли Храм Лиственного Креста и свернули с тропинки к кустам чапаралья. Видимо, туристы здесь бывали нечасто. Да и я, признаться, видел это место впервые.

Наконец Маша остановилась. Она сняла со спины свой цветастый рюкзак и присела на корточки. Достав оттуда бутылку воды, сделала несколько глотков, потом протянула мне:

— Будешь? — спросила она.

Я пил с жадностью, стараясь не обращать внимания на горечь, слабый привкус которой всё ещё оставался у меня во рту. Наверное, я бы допил всё, а потом снова мучился от жажды. Но Маша довольно бесцеремонно вырвала у меня из рук бутылку:

— Хватит! Иди сюда, — сказала она и снова села на корточки.

Только сейчас я заметил небольшой серый кусок каменной плиты, торчащий из кустов. Он весь был

исписан майянскими иероглифами, но в этом не было ничего необычного. Подобные «записки» здесь валялись буквально на каждом шагу.

— Я не могу это прочитать, — сказал я, ещё не совсем понимая, чего она от меня хочет. — Что там?

— Здесь написано, что восемнадцатого ноября будет солнечное затмение.

— Ну и что?

— Последнее солнечное затмение, Нестор. — Маша взяла мою руку и приложила к камню.

— Тоже мне пророчество! Любое затмение я и без иероглифов могу предсказать. У тебя есть интернет?

— Тихо! Глаза закрой и заткнись! — она говорила шёпотом, но довольно громко. — Расслабься, мысли выключи!

Почувствовав ладонью резную поверхность тёплого камня, я постарался сделать то, что она сказала. Выключить мысли получилось не сразу.

Не знаю, как она это поняла, но, аккуратно взяв мою вторую руку, Маша прижала к камню и её. Какое-то время я просто сидел, положив ладони на иероглифы, и старался перестать думать. Но голова, как назло, работала в режиме миксера. Самые ненужные, бесполезные и совершенно не связанные между собой мысли крутились в моём мозгу с бешеной скоростью и превращались в кашу.

Но очень скоро я снова почувствовал себя в облаке. Наступила полная тишина, и тёплая поверхность каменной плиты под моими руками незаметно превратилась во что-то похожее на густой пар. Только пар этот был вполне осязаем. Я не знаю, как это объяснить, но у него был объём, его можно было трогать,

держат в руках. Потом я услышал голоса людей. Они что-то кричали на незнакомом мне языке. Некоторые из них, кажется, плакали.

Голоса стихли. На мгновение меня ослепила вспышка света. Это было что-то большое, круглое и очень яркое. А потом вдруг наступила полная темнота. Было темно и тихо. Воздух вокруг меня стал морозным и совсем зимним.

Когда Маша дотронулась до моего плеча, зубы мои стучали от холода.

— Пойдём отсюда, — сказала она, помогая мне подняться.

Я чувствовал такую слабость, что поначалу не поверил в то, что смогу идти. Перед глазами мелькали радужные круги, ноги не слушались. Но, с трудом сделав всего несколько шагов, я снова почувствовал себя нормально.

Мы вернулись к Храму Солнца и сели на нижнюю ступеньку, чтобы немного передохнуть.

— Пить хочешь? — спросила Маша. Я отрицательно покачал головой.

— Что это было? — спросил я, стараясь унять дрожь. Мне всё ещё было холодно.

— Пока ничего, — тихо сказала она. — Но будет. Послезавтра.

— Что будет? Солнечное затмение?

— Угу. Затмение. И конец времён. Если люди не соберут все осколки и не принесут в жертву Лару, погаснет последнее солнце. Теперь ты веришь?

Верю ли я? Я не мог ответить на этот вопрос. То, что я пережил несколько минут назад, не оставляло мне шансов на сомнения. А с другой стороны, что, если всё это не больше, чем проделки моего

разума? Проблема была только в том, что я не мог списать всё это на игры подсознания. Потому что пока я не коснулся плиты, никаких ведений не возникало. И после этого тоже.

— Но почему именно Лара? — Я снова почувствовал приступ слабости.

— Она — жрица, Нестор. Её готовили семь лет. Или, может, у тебя есть кто-то другой на примете?

Никого на примете у меня, конечно, не было. Как, впрочем, не было и семи лет на подготовку жрицы Цинтеотль. Найти доказательства, способные убедить Лару бросить затею со спасением человечества и уехать со мной, тоже казалось маловероятным. Зато сам я уже почти не сомневался в том, что всё это было правдой.

Нет, признаться в том, что я полностью поверил в предстоящий конец света, я всё ещё не мог даже себе. Но в глубине души верил абсолютно.

С Машей мы, кажется, неплохо поладили. Она сама посоветовала мне держать язык за зубами и никому не рассказывать о событиях этого дня. Кажется, она всё-таки оказалась неплохой девчонкой.

Эту ночь мы провели вместе. Вдвоём в пустом лагере. Наспех поужинали макаронами с тушёнкой и легли спать. Единственную чистую простыню, которую удалось найти, я постелил ей на Мишиной кровати. Наволочку и плед отдал свои. Спали не раздеваясь. Несмотря на то, что дождей не было уже больше недели, воздух в джунглях всё ещё был влажный, и по ночам было довольно холодно.

Я слышал, как Маша ворочается. И это было хорошо. Знать, что ты не один, слышать, как кто-то скрипит кроватью, дышит, — иногда это бывает очень хорошо.

Я никогда не боялся одиночества. После смерти бабушки я привык жить один. Иногда я ловил себя на том, что устаю даже от Оли. Может быть, поэтому я так и не женился на ней? Не знаю. Но сейчас мне было крайне важно, чтобы здесь, в этой комнате я был не один.

В жизни часто бывают моменты, когда нужно с кем-то поговорить. Всё равно с кем. Потому что на самом деле тебе плевать, что это за человек, слушает ли он тебя, поймёт ли, сможет ли дать совет. Тебе важно только говорить. Только высказать, выпустить, не держать в себе. В тот момент мне даже этого было не нужно. Чёрный горячий комок тревоги застрял во мне так глубоко, что я не смог бы вытолкнуть его даже криком. А уж разговоры и вовсе были бессильны.

Я не знаю, сколько и за что конкретно платил Эрнан Маше, куда пропал нож, который она искала, и почему она искала его здесь. Но я был ей благодарен за каждый шорох с соседней кровати. Потому что этой ночью я больше всего на свете боялся тишины. Мне казалось, что если она наступит, то уже не кончится никогда.

Наверное, я никогда по-настоящему не верил в смерть. Я не слишком задумывался над тем, что ждёт нас после жизни. Но почему-то знал: что-то ждёт наверняка. Ведь если разобраться, в мире нет ни одной религии без загробного мира. И пусть у каждого народа он свой, это не важно. Главное, что он есть у всех. Ведь не могут же ошибаться все сразу!

Я не верил ни в рай, ни в ад, ни в майянскую шибальбу. Но я верил в бессмертие. Когда-то мне казалось, что оно в детях. Я думал, что человек жив

до тех пор, пока его потомки несут в себе его генетический код. Ну, и какую-то часть души, вероятно, тоже. И смысл моей жизни по большому счёту сводился к моим будущим детям. Кто-то из поэтов даже писал: «Мы продолжаемся в потомках, когда подохнем в нас самих»...

Потом я понял, что потомки забудут обо мне максимум через два-три поколения. А в таком случае... Какая, к чёрту, разница, кто тащит через века твою генетику, если он даже не в курсе, что ты когда-то был?

К тому же человечество знает немало случаев бессмертия среди людей, не оставивших после себя потомства. Гоголь, например... Смешно, но бабушка всегда говорила, что Гоголь бессмертен. Выходит, что человек жив, пока существует то, что он создал? Пока его помнят? Значит, бессмертие в памяти?

А что создал я? В чьей памяти мне жить, если я до сих пор не сделал ничего стоящего? Да, я построил пару десятков домов, посадил дерево на пришкольном участке, и, наверное, когда-нибудь у меня будет сын. Только ни в один из этих домов я не вложил ни капли своей души. Каждый мой проект — это только желание заказчика. Ни один из этих домов я не хотел и не любил.

И даже ту несчастную берёзку на школьном дворе я посадил только потому, что меня заставили взрослые. Мне плевать, выросла она или нет.

Будут ли у меня дети? Теперь я не был даже уверен в том, что хочу детей. Кажется, я никогда не знал, чего хочу на самом деле. Всю свою жизнь я что-то искал. И чаще всего не знал, что именно. И даже здесь, в Паленке, я искал этот чёртов кусок хрусталя, даже

не подозревая о его существовании. Как я мог чего-нибудь добиться, если не понимал, что может принести мне счастье? Нет, не минутное удовольствие, а настоящее счастье.

Дети? Откуда взялось это распространённое заблуждение, что счастье в детях?! О, я прекрасно знал, что далеко не все дети способны сделать своих родителей счастливыми! А многие даже наоборот... приносят только проблемы и страдания.

Эрнан... Я вдруг понял, что отличало меня от него. Этот человек всегда знал, чего хочет. Наверное, свой жизненный план он разработал ещё в утробе матери. Интересно, он вообще знает, что такое сомнения? Мучился ли он подобными вопросами хотя бы раз в жизни? Или он сразу, с самого начала знал всё: и про счастье, и про бессмертие, и про детей?

Интересно, есть ли у него дети? Был ли он женат до Лары? Маловероятно. Такие, как он, не тратят время на бессмысленные браки. Они не женятся по залёту, по расчёту или по глупости. Они делают это только тогда, когда встречают настоящую любовь, и, как правило, не ошибаются в выборе. Они умеют быть счастливыми и делать счастливыми тех, кого любят. И ради этого могут двигать горы и осушать моря.

Но с Ларой он всё-таки ошибся? Как бы я ни боготворил эту женщину, я не мог не признать, что она не стала ему хорошей женой. Просто она такая же, как я. Сама не знает, чего хочет.

Или знает? Господи! Да она семь лет живёт с мыслью о самопожертвовании! Как она пришла к этому? Как решилась добровольно отказаться от права на жизнь? А ведь её жизнь куда интереснее и ярче моей! Рядом с Эрнаном любая её мечта наверняка

очень быстро становилась реальностью. Не знаю, решился бы я на такое...

А Лара не испугалась, не смалодушничала, не пыталась ни на кого переложить ответственность. Как же всё-таки много я не знал о ней! До этого момента она была для меня милой маленькой девочкой, которую всегда хотелось держать где-нибудь за пазухой, защищать от ветра и не показывать чужим людям. А теперь вдруг выяснилось, что она способна защитить весь мир. И по большому счёту, было не так уж важно, кто она на самом деле: большой герой или жертва сектантов. Она была на это способна! Сколько же силы таилось в ней?! Я видел в ней только крошечного котёнка, а она была могучей скалой.

Глава 15

Эрнан ждал меня в большом зале. В камине ещё тлели остатки дров, на диване лежали смятые подушки. Скорее всего, эту ночь он провёл здесь. Кажется, ему, как и мне, сегодня было совсем не до сна. Его лицо показалось мне каким-то осунувшимся. Под глазами появились чуть заметные синяки. Он как будто даже немного похудел за прошедшие сутки. А впрочем, причиной всему этому мог быть тусклый пещерный свет.

Когда я вошёл, Эрнан сидел на диване спиной к двери:

— Вы рано сегодня, — сказал он, не оборачиваясь. — Не спалось?

— Вам, кажется, тоже, — заметил я.

У меня было такое ощущение, что он ждал меня. Наверное, он прекрасно понимал, что сейчас творилось в моей душе. И мой утренний визит на самом деле был вполне предсказуем.

— Выпьете со мной кофе? — предложил Эрнан.

Только сейчас я обратил внимание на то, что на маленьком столике перед ним уже стояли две чашки. Чуть заметный пар, поднимавшийся над ними, говорил о том, что кофе был подан совсем недавно. Выходит, он не просто ждал меня, он знал даже точное время моего прихода. Кто его предупредил? Маша? Как?

За время моего пребывания на острове я почти отвык от телефона. Мобильная связь, интернет — всё это здесь работало крайне плохо. Да,

собственно, в этом и не было особой необходимости. Немного непривычно было только в первые дни. А потом я даже стал получать некое удовольствие от отсутствия связи с внешним миром. У меня больше не было необходимости всё время держать под рукой телефон. И это определённо давало ощущение свободы. Раньше я даже не задумывался, насколько мы все стали зависимы от своих гаджетов. Я никогда не зависал в играх или в соцсетях. Всё это казалось мне пустой тратой времени. Но привычка быть на связи всё-таки была довольно сильной. А здесь этой привычки не было ни у кого. Как будто кто-то незримый взял ножницы, да и перерезал пуповину, соединяющую остров с остальным миром. И, кстати, не знаю, как мир, но остров от этого точно не пострадал.

Однако кое-где сеть всё-таки была. Это просто я не заморачивался. Вместо того, чтобы бродить по острову в поисках мобильной сети, я всегда предпочитал сходить к абоненту лично. Благо расстояния здесь были небольшими. А для связи с большой землёй мне хватало наших нечастых вылазок в город. Там проблем с этим не было.

Значит, теоретически Маша вполне могла позвонить Эрнану и предупредить о моём визите. А может, она просто пришла к нему раньше меня. Под утро я уснул, а когда проснулся, в лагере её уже не было.

Стоп! Но тогда как она могла узнать об этом? Я же не говорил ей о том, что собираюсь в дом на скале. Или говорил? А может, Маша здесь вообще ни при чём? В таком случае Эрнан точно был экстрасенсом!

Мы пили кофе. Эрнан молча наблюдал, как в камине догорают дрова. А я думал о Ларе, о том, что завтрашний рассвет может стать для неё последним. Или последним вообще.

Я думал без слов. Я раньше не замечал, что так бывает. Что мысли могут существовать отдельно от понятий. Наверное, как-то так работает сознание младенца, который ещё не знает, как называются предметы, окружающие его, не знает, что может причинить боль, а что приносит наслаждение. И чтобы понять, что происходит, ему пока не нужны слова. Его мозг свободен. Ему пока никто не рассказал о том, что яблоко — это яблоко, а дом — это дом. Он мыслит так, как чувствует. Без названий и стереотипов.

О завтрашнем дне я думал каким-то другим способом. Без логики, без последовательности, без имён. Только страх и тревога. Только боль, отчаяние, неизбежность и бессилие что-либо изменить.

— Вам её хоть немного жалко? — спросил я наконец.

— Лару? — Эрнан удивился так, словно действительно не понимал, что ни о ком другом я думать просто не мог.

— Да.

— Мне жалко себя, Нестор... и вас, — ответил он после небольшой паузы.

Я не мог поверить услышанному. Я был настолько шокирован его откровенным эгоизмом, что на секунду снова забыл значение всех известных мне слов.

— Ну-ну, мой друг! Не стоит на меня смотреть, как еврей на фашиста! — усмехнулся он. — С Ларой всё будет хорошо. Поверьте мне, о ней позаботятся... высшие силы, — последние слова он добавил с такой недоброй ухмылкой, что по моей спине пробежали мурашки. — А вот с нами... Нам с вами придётся как-то жить дальше. И я не уверен, что у нас это хорошо получится.

И только тут я понял, что он снова был чертовски прав! На самом деле я больше боялся не завтрашнего

рассвета и даже не конца света. Я боялся того, что будет после. Мне было страшно от мысли, что она умрёт, а мы останемся. Мир останется. И если бы я мог выбирать, я бы скорее согласился с тем, чтобы всё случилось наоборот. Я был готов умереть сам, убить кого угодно, уничтожить вселенную, только бы знать, что она жива, что с ней всё в порядке. Но жить в мире, в котором её не будет, я не мог и не хотел.

— Я люблю её, — сказал я чуть слышно.

— Что?

— Я люблю вашу жену. — Я не знаю, зачем я это сказал, но не сказать не мог. Наверное, за такое признание он запросто мог бы сам меня убить. Мне было всё равно.

Но, к моему удивлению, на лице Эрнана не дрогнули ни один мускул.

— Я знаю, — кивнул он так, словно речь шла о постороннем человеке. — Ей тоже так кажется.

— Что кажется? — не понял я.

— Что она вас любит. Вбила себе это в голову, накручивает себя, переживает... детский сад какой-то!

Я на минуту оцепенел. Неужели этот человек вообще не способен чувствовать?! Любовь, жалость, ревность, в конце концов... Есть ли в нём хоть что-нибудь, присущее всем смертным? Человек ли он вообще?

— Эрнан... я спал с вашей женой! — я сказал это медленно и очень чётко, стараясь не сводить глаз с его лица. Меня определённо понесло. Выйти из этого дома живым я уже почти не рассчитывал. Но дикое, почти садистское желание причинить ему боль не давало мне заткнуться.

— Она мне не жена. — Он улыбнулся и поставил на стол пустую кофейную чашку. — Мы развелись два года назад.

— Но... вы всё ещё вместе? Сейчас вы вместе? — Я всё ещё не мог понять, что он чувствует.

— Мы всегда будем вместе, Нестор. Вам трудно понять, но это факт. Независимо ни от чего я несу за неё ответственность. В какой-то момент ей показалось, что я как-то подавляю её, что ли... Она захотела свободы. Она её получила. Беда в том, что Лара до сих пор не знает, что с ней делать. А значит, я должен быть рядом.

— Быть рядом? Чтобы что? Чтобы помочь ей удобнее улечься на жертвенном одре?!

— Это её выбор, Нестор. Она же сама хотела, чтобы я ни в чём не ограничивал её свободу.

— Так это не ваша идея?!

— Нет. — Он покачал головой. — Это её собственный путь. Она сама его выбрала.

— И вы спокойно будете наблюдать, как из её груди вырвут сердце?! Да вы в своём уме вообще?! — Я носился по комнате как сумасшедший. Его спокойствие сводило меня с ума. — Или, может, вы сами хотите совершить этот ритуал? А?! В чьих руках затихнет её сердце?! Это она тоже сама решает, да?! — Меня трясло мелкой дрожью. Я не мог смотреть в его невозмутимое лицо. Я боялся его задушить.

— Да оставьте вы в покое её сердце! — сказал он наконец. — Вы слишком большое значение придаёте этому органу. Вам нужно меньше смотреть голливудских фильмов.

— Вот как? — Тень надежды на ошибку заставила меня остановиться. — А разве майя не так договаривались со своими богами?

— Вырвать трепещущее сердце из груди жертвы... — Эрнан задумчиво улыбнулся. — Должно быть, это было красиво. Но в реальности же случилось крайне

редко. Это только в кино всё так просто. На самом деле, для извлечения сердца из груди человека нужно распилить грудину. Или как минимум понадобится какой-то рычаг, чтобы раздвинуть рёбра... Я плохо представляю себе человека, способного сделать это голыми руками. Можно, конечно, подобраться к сердцу через брюшную полость. Вероятно, так оно и было. Но это тоже не так просто, как кажется. — Все эти жуткие подробности, которые он описывал с таким хладнокровием, заставляли меня цепенеть от ужаса.

— Так съездите в Паленке! Там полно красочных инструкций! — снова взорвался я. — Мне плевать на грёбаных майя! Я хочу знать, что будет с Ларой!

— Её принесут в жертву.

— Как?

— Её обезглавят. Боги майя, вопреки стереотипам, гораздо больше ценят головы, чем сердца. — Господи, он говорил об этом так просто, будто пересказывал мне сюжет фильма!

— Кто это сделает? — спросил я, словно имя будущего убийцы могло что-то изменить.

— Эдис, — ответил Эрнан тем же спокойным тоном.

— Эдис?! Почему он?

— Как бы вам это попроще объяснить...

— Он тоже какой-то жрец?

— Скорее земное воплощение.

— Кого?

— Бога маиса.

— Поэтому он — муше?

— Ну... что-то вроде того. — Эрнан печально улыбнулся и замолчал.

— Это возможно как-то предотвратить? — спросил я после недолгой паузы. Эрнан покачал головой. —

А заменить жертву? — Я знал, что шансов мало, но этот вопрос был моей последней надеждой.

— Теоретически можно, — неожиданно ответил он.

Я снова почувствовал противную дрожь в животе. Всё это время он знал, что смерть Лары вовсе не обязательна? Знал и молчал?!

— Что для этого нужно? — пытаюсь сдержать приступ гнева, я старался говорить тише. Но голос стал вдруг сильным и чужим.

— Заменить Лару мог бы сын бога маиса и жрицы Цинтеотль, — видимо, заметив моё состояние, Эрнан усмехнулся. Мне было плевать. Если есть хоть малейшая возможность спасти Лару, я был готов стерпеть не только это.

Только тут до меня дошёл смысл его слов! Если Эдис — земное воплощение этого самого бога, а Лара — жрица, то у них должен быть сын? Или у них уже есть сын?! Представить себе Лару рядом с этим... Я даже не мог назвать его мужчиной!

И потом... для того, чтобы у них родился сын, нужно не меньше девяти месяцев. А у нас было только часов пятнадцать. К тому же у людей не всегда рождаются сыновья. Что, если девочка?

И даже если этот ребёнок уже существует... Ни одна мать на свете не пожертвует собственным сыном ради спасения своей жизни! Нет, есть, конечно, и печальные исключения — бестолковые бабы с недоразвитым материнским инстинктом. Но Лара точно была не из их числа.

И вдруг меня осенило!

— А Лара... Она единственная жрица? — спросил я с надеждой. — Может, где-нибудь есть кто-то ещё?

Эрнан вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Сейчас единственная, — тихо сказал он. — Была ещё одна женщина, но она умерла до того, как мы успели найти последний осколок.

— И поэтому вы стали готовить Лару?

— Да никого я не стал готовить! — в его голосе послышалось раздражение. — Нестор, Лара сама к этому готовилась! Сама, понимаете? Когда мы познакомились, она уже служила Цинтеотль. И всё, что я вам рассказываю, я узнал именно от неё!

— А я думал...

— Что всю эту кашу я заварил?!

— Да, — признался я.

— Пожалуй, это единственная каша, рецепт которой придуман не мной, — грустно сказал он.

— Может быть, поэтому она такая невкусная?

— Вероятно! — Эрнан негромко рассмеялся, но смех его был совсем не весёлым. — А вы не хотите расспросить меня о той женщине? — спросил он.

— О какой? — Я не сразу понял, о ком речь.

— О той, другой жрице.

— Это как-то может помочь Ларе?

— Возможно.

— Но вы сказали, что она умерла?

— Да, но у неё есть сын. — Чуть заметная усмешка снова коснулась его губ. Сын, рождённый от бога маиса.

— Непорочное зачатие?

— Смотря что считать пороком...

Эрнан ещё долго рассуждал о том, что всё относительно. Что-то говорил о грехе и добродетели, об убийстве одного ради спасения миллионов... Я его почти не слушал. Я думал о том, что сейчас я, вполне нормальный, психически здоровый человек, сижу и на полном серьёзе обсуждаю убийство незнакомого мне ребёнка.

— Она была студенткой. Исторический факультет или просто увлекалась историей. Если честно, я плохо знаком с деталями её биографии. — Кажется, Эрнан уже начал рассказывать мне историю первой жрицы. — Тогда было непростое время: Советский Союз, железный занавес — ну, вы понимаете. — Я кивнул. — В общем, я не знаю, каким чудом ей удалось приехать в Паленке, но она это сделала. Кажется, её отец или дед были родом отсюда. Фамилия ещё была какая-то странная.

Девчонка всерьёз изучала культуру майя, даже, кажется, писала какую-то большую работу на эту тему. И в начале 1977 года ей удалось приехать сюда на раскопки в составе какой-то молодёжной группы. Думаю, это было что-то вроде студенческой элиты. Скорее всего, ей пришлось пройти кучу проверок, прежде чем получить разрешение на выезд.

И, честное слово, я не знаю, что её толкнуло на это: юношеская жажда героизма, стремление стать вторым Спасителем заблудшего человечества или что-то ещё. Но она решила посвятить себя служению Цинтеотль и поиску осколков хрустального черепа майя. Во время одного из ритуалов... Вы знаете, у майя много странных ритуалов... — Я снова кивнул. — Во время одного из таких ритуалов произошло зачатие, и наша жрица забеременела.

— От бога майса?! — Я не смог сдержать сарказма.

— Почти. От Эдиса.

— А... ну да! Земное воплощение тоже считается? Очень выгодная должность у Эдиса! — рассмеялся я. — Ребёнка отобрали силой? Или эта сумасшедшая сама его отдала?

— Ничего подобного! Варвара уехала из Мексики уже на третьем месяце беременности. Видимо,

материнский инстинкт всё-таки победил любовь к человечеству.

— Куда? — Смутное предчувствие неожиданной загадки сдавило моё горло.

— По моим данным, она вернулась в СССР.

— Продолжила учёбу и стала знаменитым археологом?

— Нет, выскочила замуж за какого-то пожилого физика, а потом бросила и его, и сына.

— Новосибирск? Физик жил в Новосибирске?! — спросил я дрожащим голосом.

— Да, Нестор... это было в Новосибирске. Ребёнок родился в феврале 1978 года. — Эрнан не сводил с меня пристального взгляда. Казалось, что он пытается уловить каждое движение моего лица.

— И звали её Варвара Ге?

— Именно так, Нестор! Именно так.

Нет смысла описывать, что я почувствовал в этот момент. Согласитесь, далеко не каждый день узнаёшь подобные новости. Моя мать была жрицей майянской богини. Причём богиня эта совсем не отличалась высокой нравственностью. Кажется, и моя покойная матушка тоже. А мой настоящий отец носил женские шмотки, красил губы и резал ягнят. И судя по всему, его кровожадность распространялась не только на животных.

— Вы сын бога, Нестор, — с ухмылкой сказал Эрнан. — Не самого главного, конечно, но всё-таки бога.

— Ой, вот только не надо меня сейчас выставлять Иисусом! — сказал я в сердцах.

— Ну, до Христа вам, конечно, далеко, — рассмеялся он. — Иисус, как мне кажется, был человеком очень мудрым и праведным. Но шанс стать Спасителем у вас всё-таки есть. Осталось только принять решение.

Я молчал. Новая версия моего происхождения поразила меня настолько, что на несколько минут я забыл даже о Ларе.

— Нестор! — окликнул меня Эрнан. — Вы, кажется, хотели заменить жертву? Передумали?

— Нет, я... просто задумался, простите...

Новость о том, что завтра утром мне предстоит подставить шею под топор, меня не слишком пугала. Скорее даже наоборот: осознав это, я почувствовал облегчение. Мне всё-таки удалось обмануть судьбу! Лара будет жить! Или всё-таки это и есть моя судьба? Да какая, к чёрту, разница?! Главное заключалось в том, что ей не причинят вреда. И если предсказания майя всё-таки правда, то я сумею их отменить. Я смогу! Я вправе!

— Размышляете о собственном предназначении, я полагаю? — с улыбкой спросил он.

— Нет, — сказал я.

— Тогда о чём же?

— Пытаюсь понять, как вы нашли меня.

— О, это всё игры судьбы! — рассмеялся Эрнан. — Вы сами нас нашли. К тому моменту, как вы появились в Евпатории, мы с Ларой уже какое-то время были в разводе. Но тем не менее мы не перестали быть родными людьми, и я всегда был в курсе того, что с ней происходит. Конечно, я понимал, что она молода и красива, что рано или поздно в её жизни появится другой мужчина. Но кроме этого, я понимал, что, несмотря на весь её незаурядный ум, она всего лишь маленькая наивная девочка. И я должен за ней присматривать. Понимаете?

— Угу. Контролировать каждый её шаг и не давать ей забыть о вашем существовании.

— Фу! Что за абсурд?! — Он снова рассмеялся. — В мои планы не входило ничего подобного. Я только слегка... оберегал её.

— Понятно, — хмыкнул я. — Давайте будем называть это так. И что было дальше?

— А дальше она пришла и сказала, что встретила человека, с которым хотела бы провести остаток жизни.

— Меня?

— Да. Естественно, я решил узнать, что вы за человек и насколько безопасным для Лары будет общение с вами.

— Узнали?

— Да. Всё, что мне удалось выяснить, я вам только что рассказал.

— А Лара знает?

— Зачем?

— А вам не кажется, что у неё есть право знать, что можно избежать смерти? — спросил я ехидно.

— Мне кажется, что у ВАС есть право самому решать, сообщать ей об этом или нет.

То есть он на полном серьёзе считал, что я могу скрыть это от Лары? Что ж... невысокого мнения обо мне был этот человек. Хотя, наверное, я на его месте поступил бы так же.

— Где она сейчас? Я хочу поговорить с ней.

— Я думаю, не стоит.

— Почему? — удивился я.

— Потому, что зная Ларису, я могу вас заверить: она ни за что не согласится на такую замену!

— И как быть?

— Если не хотите, чтобы женщина вам помешала, просто не посвящайте её в свои планы. Берите и делайте!

— Отличный совет! Жалко, что мне придётся им воспользоваться последний раз в жизни.

— Ещё не поздно отказаться от этой затеи.

— Я не откажусь.

— Я знаю, Нестор. Я знаю. — Голос Эрнана звучал неожиданно тихо, почти печально. На секунду мне даже показалось, что он слегка сочувствует моему нынешнему положению. Вполне возможно, что так оно и было.

— А вы уверены, что это я? — Не знаю, зачем я это спросил. Просто, наверное, испугался, что от моего поступка будет мало толку. Перспектива стать напрасной жертвой мне совсем не нравилась. Как бы мне ни хотелось чувствовать себя героем, надо признаться, что храбрости и безрассудства во мне всё-таки было немного.

— А вы — нет? — Эрнан слегка прищурился и посмотрел на меня так, словно пытался отсканировать мои мысли. — Разве то, что я рассказал вам сегодня, не даёт вам уверенности в вашем предназначении?

— Я вообще до сих пор не уверен, что вся эта история с концом света и предсказаниями маяя — правда, — признался я. — Но если моя смерть поможет сохранить жизнь Ларисе, я согласен.

— Вы помните тот день, когда Мария танцевала для нас в лагуне?

— Конечно. — Я кивнул, ещё не совсем понимая, к чему эти воспоминания. — Я, кстати, давно хотел у вас спросить: как вы провернули тогда этот фокус с землетрясением?

— Никак. — Эрнан улыбнулся и пожал плечами. — Это был знак богов.

— Вот как?! — Я засмеялся, но смех вышел каким-то нервным, почти истерическим. — И что же боги хотели этим сказать?

— Что вы тот, кто им нужен.

Эрнан немного помолчал, а потом добавил:

— Очень скоро должен быть ещё один знак.

— Какой? Солнечное затмение?

— Вы поймёте. Наберитесь терпения.

— Знак к чему? — Мне не нравилось, что он снова говорил загадками.

— К началу... Вам нравится эта картина? — спросил он неожиданно.

Я обернулся и посмотрел на картину, висящую над моей головой.

— Сядьте рядом. Отсюда идеальный ракурс, — попросил он.

Это были «Вороны над пшеничным полем».

— Господи... как страшно, — сказал я шёпотом.

— В самом деле? — Эрнан рассмеялся.

Сейчас эта картина действительно казалась мне страшной. Я закрыл глаза и понял, что где-то там, глубоко внутри меня, есть точно такое же жёлтое поле, над которым нависло чужое, тяжёлое небо.

— И ветер гуляет в распахнутом настезь сердце, — сказал я вдруг.

— Это стихи? Чьи? — спросил Эрнан.

— Не помню. Какая разница?

— Никакой... — согласился он. — Вы знаете это чувство, когда ты долго к чему-то шёл, пахал, сеял, удобрял, вложил все силы, всю душу! И у тебя уже всё получилось... И ты стоишь на краю своего пшеничного поля и любишь золотистыми колосьями. Но вдруг непонятно откуда слетаются вороны и начинают клевать твой урожай. А ты всё стоишь, смотришь и никак не можешь понять, по какому праву...

— Может быть, по праву летать? — спросил я, не скрывая сарказма. Не знаю, к чему была эта аллегория, но кажется, одним из этих воронов он считал меня.

— Может быть! Может быть! — Эрнан захохотал и довольно сильно хлопнул меня по колену.

— Ван Гог прекрасен! — сказал я и поднялся, собираясь прощаться.

— Это Савельзон. — Он снова рассмеялся, но, кажется, уже беззлобно.

— Это копия? Эрнан, вы шутите? — У меня не было ни малейших сомнений в подлинности картины.

— Ничуть... старый еврей Савельзон сумел полмира обвести вокруг пальца! Кстати, ему не раз удавалось обмануть даже очень уважаемых экспертов.

— Поверить не могу, что это подделка! Я буквально кожей чувствовал дыхание Ван Гога...

— Не стоит так доверять своим чувствам, Нестор! Человеческий мозг — аппарат, к которому нам забыли выдать инструкцию. Иногда он намеренно вводит нас в заблуждение, не давая отличить истину от иллюзии.

Глава 16

От Эрнана я пошёл в лагерь. Хотел забрать вещи, которые так и не собрал. Но вернувшись в свой домик, понял вдруг, что нести мне их некуда, да и незачем. Вряд ли людей, принесённых в жертву, хоронят в пирамидах с полным комплектом необходимого скарба. В последний раз окинув беглым взглядом наш нехитрый спартанский интерьер, я вышел на улицу и сел за стол под навесом.

Когда-то в юности я часто представлял себе, как бы я прожил последний день своей жизни, если бы знал, что следующий не наступит. Наверное, я бы очень спешил закончить какие-то важные дела, сказать кому-то важные слова... А теперь вот сидел один в пустом лагере и понимал, что никаких таких срочных дел у меня нет. Единственно по-настоящему важное дело, которое мне осталось успеть, — это смерть.

Сначала мне казалось, что я должен срочно поговорить с Олей. Хотелось куда-то бежать, искать сеть, звонить, писать СМС. Но уже через несколько минут стало ясно, что мне абсолютно нечего ей сказать. Ну в самом деле, не рассказывать же ей про жрицу Цинтеотль и убиенного ягнёнка!

Я вдруг очень чётко понял, что в этом мире без меня совсем ничего не изменится. Нет, конечно, я и раньше знал, что после моей смерти солнце будет светить по-прежнему, в марте на деревьях снова будут орать коты, а люди будут всё так же суетиться у магазинов

и на автобусных остановках. Но мне казалось, что где-то среди всего этого обязательно найдётся горстка людей, для которых моя жизнь всё-таки имела значение. Теперь же выходило так, что моя смерть и вовсе может остаться никем не замеченной. Наверное, это было к лучшему. Это всё-таки давало мне какое-то внутреннее ощущение свободы. Я был вправе сам распоряжаться своей жизнью. Я мог умереть, совершенно не беспокоясь о пожилых родителях или об осиротевших детях.

И единственным человеком, чья судьба меня реально волновала, была Лариса. Будет ли она счастлива без меня? Вспомнит ли обо мне через год, через два? Мне хотелось знать, быть уверенным в том, что у неё всё будет хорошо. Что она сумеет быть счастливой за нас обоих.

Я как будто чего-то ждал. Мне казалось, что вот-вот придёт какое-нибудь подходящее чувство, что-то вроде щемящей тоски или тихой грусти. Но ничего подобного не происходило. Это было немного странно. Ведь ещё совсем недавно этот лагерь был полон людей. Здесь всё время звучали голоса и смех тех, кого я считал своими друзьями. Но то ли их внезапное бегство, то ли ощущение чужбины... что-то не давало мне в полной мере предаться отчаянию. Я любил жизнь, любил Мексику. Но мне не было жаль расстаться со всем этим. Может быть, если бы я был дома, то обязательно бы чувствовал что-то другое. Но я был не дома. И каким бы красивым ни было это небо, оно было мне чужим.

Можно ли считать мой поступок суицидом? Что, если все эти христианские заповеди действительно работают? Что ждёт меня впереди? И есть ли оно, это «впереди»?

Пожалуй, человек, решившийся на самоубийство, должен испытывать что-то похожее на отвращение

ко всему живому. Он же устал от жизни. Он её больше не хочет. Это должно быть совсем не так, как в случае вынужденной смерти.

Хотел ли я жить? Наверное, да. Но сейчас я отчаянно пытался найти хоть что-нибудь, о чём я мог бы жалеть. Что-то такое, с чем не хочется расставаться. И не мог. Всё, что связывало меня с этим миром, что могло сделать меня счастливым или причинить настоящую боль, — всё это было в ней, в Ларе.

Но проводница-судьба с кривой усмешкой сообщала нам о том, что в этом вагоне осталось только одно плацкартное место. А значит, из этого поезда мне придётся прыгнуть на полном ходу.

Не знаю, сколько я просидел под навесом. Внезапно я почувствовал, как земля под моими ногами как будто немного сдвинулась назад. Это было похоже на короткое движение гигантской беговой дорожки, и поначалу я даже не успел испугаться. Но через несколько секунд ощущение повторилось. На этот раз это был гораздо более сильный подземный толчок. Я почувствовал, как подо мной задрожала скамейка. Затем покачнулся деревянный стол, и я услышал, как вибрируют стёкла в окнах лагерных домиков.

Так вот этот знак, о котором говорил Эрнан? Знак к началу? Но до завтрашнего рассвета было ещё далеко...

Я не мог терять ни минуты! Земля дрожала, вибрировала и билась под моими ногами, как пульс испуганного гипертоника. Я бежал к дому на скале.

Я видел, как выбегали из своих домов жители деревни, слышал звон вылетающих оконных стёкол. Где-то далеко позади послышался грохот. Я обернулся и сквозь облако пыли увидел, как падает со своего пьедестала статуя падре Алехандро. Всё вокруг дрожало

и падало. А я всё бежал и бежал. И словно в глупом ночном кошмаре, мне казалось, что добежать невозможно и чем быстрее я бегу, тем дальше от меня становится моя цель.

Я уже был в саду Эрнана, когда всё вдруг стихло. Больше не было ни толчков, ни грохота. И даже пыль вокруг начала потихоньку оседать. Странно, но почти все скульптуры были на прежних местах, ни одна из них не только не упала, но, кажется, даже не покосилась.

Ещё издали я заметил, что у злополучной статуи Цинтеотль столпились люди. Я боялся не успеть. Боялся, что всё уже началось без меня. Но тем не менее остановился, отдышался, постарался стряхнуть с себя пыль и пригладил растрёпанные волосы. Не хотелось, чтобы все эти люди видели меня в таком состоянии.

В толпе я сразу увидел Марию и Эмму. Но подойдя ближе, узнал и Яниса, потом Мишу и всех ребят из нашего лагеря. Все они, включая Эрнана, почему-то были в одинаковых тёмных очках.

Что они делают здесь? Я был уверен, что их давно нет, не только на острове, но и в стране.

Увидев меня, они молча расступились, пропуская меня в центр круга. Лара и Эдис стояли на коленях спиной ко мне. Эдис снова что-то отвратительно пел. Странная штука на его голове, видимо, символизировала кукурузный початок. Мне же она скорее напоминала перевёрнутое ведро, украшенное камышами. А голый торс муше, щедро раскрашенный красными и чёрными полосками, отнюдь не выделялся божественным рельефом. Скорее даже наоборот, производил жалкое, почти отгалкивающее впечатление.

На Ларе была надета белая хлопковая блуза. Но даже сквозь грубую ткань я видел, как дрожит её тело.

Эрнан сделал мне знак рукой, чтобы я встал рядом с Ларой. Она не повернула головы, не посмотрела на меня, даже не вздрогнула. Мне было страшно. Кажется, её дрожь передалась и мне.

Внезапно песня Эдиса прервалась. И резкий порыв ледяного ветра едва не сбил кукурузное ведро с его головы.

Небо потемнело. Сумерки, наступившие в середине солнечного дня, заставили всех присутствующих посмотреть вверх. Только Лара и Эдис закрыли глаза и склонили головы. Я тоже было взглянул в небо, но яркий свет нещадно слепил глаза, и мне пришлось зажмуриться. Всё, что я успел заметить, — это чёрное пятно, медленно наползающее на край солнца.

Эдис запел снова. На этот раз голос его звучал громче и ритмичнее. Я почувствовал, как кто-то подошёл ко мне сзади и, аккуратно взяв меня за запястья, связал за спиной мои руки. Я не шелохнулся. Страх завладел мной всецело. Наверное, если бы я даже захотел сбежать, я не смог бы подняться на ноги. Я был парализован ужасом предстоящего.

Сделав над собой усилие, я открыл глаза и увидел раскрашенное лицо Эдиса, склонившегося надо мной. Жестом он велел мне встать и подойти к тому самому камню, на котором ещё совсем недавно принесли в жертву несчастного ягнёнка.

Не знаю, как мне удалось встать. От страха я почти не чувствовал ног, сердце колотилось так, что каждый его стук отдавался в ушах отвратительным гулом. Подойдя к камню, я снова встал на колени и покорно положил голову на его поверхность. Она была прогрета солнцем. Казалось, что я прижался щекой к тёплой шершавой коже времени, что я стал частью этого серого

камня, что теперь я останусь здесь навсегда. Дни будут сменять друг друга, время продолжит свой бег, все эти люди умрут, родятся другие... и снова умрут. И только мы с камнем будем лежать здесь всегда. Всё знать, но ничего не чувствовать.

В наступившей темноте я вдруг услышал птичий крик, и совсем рядом, над моей головой захлопали крылья. Я боялся открыть глаза. Я не хотел ничего видеть. Только почувствовал, как что-то шлёпнулось на камень рядом с моим лицом. Птица стихла. И что-то тёплое потекло по моей шее, лицу, спине. Я почувствовал вкус крови на своих губах и открыл глаза.

Солнце уже почти вернулось совсем. Затмение кончилось. Рядом со мной стояла Лара. Положив руку на мою голову, она тихо сказала:

— Вставай, Нестор. Ты молодец...

Я не шелохнулся. Смысл её слов будто не сразу дошёл до моего сознания. Я видел, как подошёл Эрнан. В руках он сжимал рукоятку большого изогнутого ножа. Его лезвие сверкнуло на солнце, и я снова зажмурился, приготовившись к самому страшному моменту в своей жизни.

Но вместо того, чтобы отделить мою непутёвую голову от тела, он подошёл ко мне сзади и одним движением разрезал верёвки на моих руках.

— Вставай, Нестор! Всё кончилось. Всё хорошо. — Лара плакала. — Всё хорошо! Всё хорошо! — шептала она снова и снова.

Прижав ладони к моим щекам, она ещё долго целовала моё лицо. А я всё стоял на коленях и не мог понять, что происходит.

Полстакана виски и тёплая ванна, приготовленная Ларой, вернули меня к жизни. Мы снова сидели

на террасе втроём, как будто и не было всех этих мучительных часов, сомнений, страха... Я ждал объяснений. Всё, что я пережил около часа тому назад, вымотало меня настолько, что не было сил ни на вопросы, ни на гнев.

— Прости меня, Нестор, — наконец произнесла Лара. — Я не должна была... не нужно было соглашаться...

— Не надо. Я сам, — перебил её Эрнан. — Вы пытаетесь понять, что произошло, верно? — Я кивнул. — Можете считать это тестом, — сказал он с улыбкой.

— Тестом?! — Мои глаза поползли на лоб. — Вы в своём уме?! Тестом на что?!

— На доверие, если хотите... Не надо нервничать. Выслушайте меня спокойно и постарайтесь понять. Лариса — человек простой и доверчивый. К тому же, как и всем женщинам, ей присущ некоторый романтизм. А это, как вы понимаете, часто бывает причиной тяжёлых разочарований, а порой и непоправимых ошибок...

— Ближе к сути! — Я не хотел слушать этих поэтических вступлений.

— Хорошо, — сказал он и, подойдя к перилам террасы, посмотрел вдаль.

На западе небо начинало розоветь. Солнце лукаво улыбалось полоской заката. И всё было по-прежнему: и горы, и крыши деревенских домиков, и кроны деревьев в злосчастном саду.

— Лара стала совсем взрослой, — начал он, наконец. — Ей захотелось свободы, самостоятельности, любви. Какой-то другой любви — той, что я не мог ей дать. Если честно, я так и не понял, что она вкладывала в это слово.

— Серго... — она робко попыталась его перебить.

— Молчи, — голос Эрнана звучал негромко, но жёстко. — Я не мог её отпустить в неизвестность. Вы понимаете? — Он обернулся и посмотрел мне в глаза. — Я должен был знать, что вы справитесь. Мне нужна была уверенность, что она не ошиблась в вас...

— И вы придумали весь этот фарс только для этого?! — Я сглотнул комок, подступивший к горлу. — Вы решили испытать меня смертью?

— А вам кажется, что её судьба — недостаточный повод? — спросил он с усмешкой. — Если мне не изменяет память, совсем недавно вы были готовы лишиться головы. И причина была та же! — Эрнан скосил глаза на Лару и хитро улыбнулся.

— И как же я? Справился? — Сохранять спокойствие становилось труднее. С каждым его словом мне всё больше и больше хотелось встать и дать ему в морду. Я ненавидел эту самодовольную ухмылку.

— Вы молодец, Нестор! Вы большой молодец! — Он смотрел на меня так снисходительно, как император на только что помилованного холопа. — Вы не струсил перед смертельной опасностью. И по собственной воле предложили свою жизнь в обмен на её. И, что самое замечательное, даже ни разу не поддались искушению! Вы не посягнули на раскрытый сейф, не попались в сети очаровательной Марии. Не каждый мужчина устоял бы перед такой женщиной! К тому же в какой-то момент она и сама...

— О! Да вы, оказывается, примеряете на себя корону Люцифера?! — я перебил его, не скрывая злобы. — И как? Не жмёт?

— Ну что вы! Меня вполне устраивает моя собственная, — рассмеялся он в ответ.

— Дурдом! — Лара вдруг встала и, оттолкнув ногой кресло, вышла с террасы.

Проводив её глазами, Эрнан улыбнулся и посмотрел на меня.

— Эдис привёз ваши вещи, — сказал он, немного помолчав. — Наша сказка достигла финала. Герой прошёл испытания. Герой достоин руки принцессы. Я закажу вам два билета на самолёт, как только вы определитесь с направлением.

— Не стоит так беспокоиться, — сказал я довольно резко. — Попросите Эдиса вернуть мои вещи обратно в лагерь. И передайте, пожалуйста, Ларе, что ещё пару дней я пробуду там.

— Как хотите. — Эрнан равнодушно пожал плечами. — Не стоит на меня обижаться, Нестор. Мне кажется, что очень скоро вы поймёте, что всё это было не напрасно.

Я вернулся в лагерь, когда почти стемнело. К моему удивлению, во дворе горел фонарь. Хотя лагерь, кажется, был по-прежнему необитаем. Я прошёлся по территории, но сначала никого не нашёл. И только после того, как принял душ и переоделся, я заметил человека в одном из гамаков. Там явно кто-то спал.

Это была она. Я присел на корточки и легонько качнул гамак. Подложив руки под голову, Лара посапывала, как маленький ребёнок. Я не сдержался и тихонько коснулся её лица.

Открыв глаза, она улыбнулась и прошептала:

— Прости меня, Нестор...

— Тссс! Забудь. — Я прижал палец к её губам. — Чайник вскипел. Будешь?

Мы пили чай под навесом. Я с жадностью разглядывал её лицо, освещённое тусклым светом электрической

лампочки. Она молчала. И я не хотел слов. Кошмар закончился, Лара была со мной, и всё остальное больше не имело значения.

— Как думаешь, — сказала она, — любить — это сложно?

— Иногда, — ответил я, вспомнив сегодняшний день.

— А что это значит — любить?

— Ты не знаешь?

— Знаю. Я хочу понять, что это для тебя.

Господи, что у неё в голове? Неужели всё случившееся с нами не давало ей ответа на этот вопрос? А может, это было только пустое женское кокетство?

Я молчал, и она продолжила:

— Знаешь, я раньше думала, что он меня не любит, что я для него так... одна из красивых статуэток. Только чтобы гостей удивлять. — Лара достала из кармана шпильку и, зажав её в зубах, собрала волосы в пучок. Покончив с причёской, она поставила одну ногу на скамейку перед собой и, уткнувшись подбородком в коленку, внимательно посмотрела мне в глаза. — Я не знаю, сможет ли он меня простить, — тихо сказала она, — а ты сможешь. Я знаю, что сможешь... Я хочу остаться с ним, Нестор.

— Почему? — прошептал я онемевшими вдруг губами.

— Потому, что только он способен меня остановить. Даже если для этого ему придётся устроить маленький конец света. Даже боги работают на него, Нестор. Даже боги...

Содержание

Глава 1.....	5
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	41
Глава 5.....	60
Глава 6	72
Глава 7.....	81
Глава 8	93
Глава 9	112
Глава 10.....	126
Глава 11	161
Глава 12.....	173
Глава 13.....	188
Глава 14.....	208
Глава 15.....	226
Глава 16.....	241

Эдуард Захарович
Захрабеков

ТРИНАДЦАТЫЙ

Художник Екатерина Матвеева
Корректор В.В. Вересиянова
Вёрстка Н.Л. Нутрихина

www.zezlibra.ru

Подписано в печать 20.02.2026. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печ. л. 15,75.

Издательство ООО «Союз писателей Петербурга»
191119, ул. Звенигородская, д. 22, каб. 22

Типография «Перфектум»
428000, Чувашская Республика – Чувашия,
Чебоксары г., К.Маркса ул., дом 52